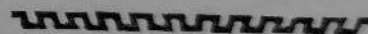

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

П О В Е С Т Ъ
О
В А Р Л А А М Е
И
И О С А Ф Е

567B

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1947 Ленинград

24885

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

**ПОВЕСТЬ
О ВАРЛААМЕ
ПУСТЫННИКЕ
И ИОСАФЕ
ЦАРЕВИЧЕ
ИНДИЙСКОМ**

*Перевод с арабского
академика В. Р. РОЗЕНА
под редакцией
и с введением академика
И. Ю. КРАЧКОВСКОГО*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1947 ЛЕНИНГРАД

ВВЕДЕНИЕ

I

В истории религий, следовавших одна за другой, любопытным явлением оказывается сохранение старых божеств и святых в новой оболочке; меняются только имена, иногда настолько сильно, что их при первом взгляде с трудом можно узнать.

19 ноября православная церковь празднует память „преподобных Варлаама пустынника, Иоасафа, царевича индийского, и отца его, царя Авенира“. Знакомый с этими именами будет немало поражен, встретив в настоящей повести-житии вместо христианских святых — странные фигуры Билаухара, Будасфа и Джанайсара. Однако, если Будасф напомним ему Бодисатву, одно из имен Будды, то в интересной историко-литературной загадке будут правильно намечены вехи. Бодисатва — Будасф — Иоасаф — вот внешние отражения тех скитаний, по которым проходила одна легенда о юности Будды, создавая на своем пути выдающийся памятник мировой литературы, одинаково близкий и Востоку и Западу. Литературу трудно отделить от жизни — и мы видим, как здесь легенда вызвала в жизнь образ одного из самых известных христианских святых, царевича Иоасафа. Его никогда не существовало в действительности, но своеобразная поэтичность этой фигуры, со-

зданной человеческим творчеством, объединяет и буддиста, и христианина, и последователя Зороастра и Мухаммеда, и манихейца.

Три имени названо: Бодисатва — Будасф — Иоасаф; они намечают не только литературные этапы легенды, но в то же время и указывают на всю обширность ее распространения. Индия — с одной стороны, Ирландия или поморский север России — с другой; везде имя Иоасафа царевича было известно. Фон, на котором эта фигура появлялась, до крайности разнообразен: буддийское сказание, душеполезная повесть со скучными для нас догматическими рассуждениями, а рядом раскольничьи или скитские „стихи об Иоасафе прекрасном“, „похвала мати-пустыни“; еще рядом „Москвитянин“ за 1845 г., где „Две повести“ Жуковского, так же как более поздние „Три правды“ Майкова 1861 г., — только далеко отделившийся ручеек от того же источника. Все это ростки одного корня, несмотря на большое разнообразие формы.

Как снежный ком с горной вершины, катилась легенда с высот Индии на запад, постепенно разрастаясь и принимая другой облик. Теперь нам почти невозможно установить, каково было ее основное ядро, где позднейшие наращивания, тем более, что иногда мы даже не знаем, каков был ее вид в известные периоды. Самая архитектоника легенды немало способствовала легкости ее изменений. Сюжет, благодаря своей простоте, обыкновенно остается незабываемым. Царю или вельможе, у которого рождается долгожданный сын, предсказано, что он погибнет или изменит вере отцов, если узнает про несчастья, владычествующие на земле. Отец старается скрыть от него всю житейскую горечь, но тщетно: юноша узнает жизнь, а потом встречает отшельника, который внушает ему отвращение к благам мира сего. Он обращается к истинной вере, обращает своего отца и народ и, покинув мир, делается отшельником.

На фоне этого несложного сюжета, пережившего различные изменения в зависимости от той религиозной

и социальной среды, в которую он попадал, нанизываются многочисленные наставительные рассказы и притчи. Обыкновенно они влагаются в уста благочестивому отшельнику, иногда самому Иоасафу или другим лицам. Эти притчи больше, чем простой сюжет Варлаама и Иоасафа, способствовали популярности повести; именно они и представляют тот подвижной зыбучий материал, который с особой легкостью мог принимать другие очертания, подвергаться изменениям, вставкам и сокращениям. Проследить историю этих притч в большинстве случаев крайне трудно уже потому, что мы не можем судить, какова была первоначальная форма легенды и объем входящих в состав ее отдельных элементов. Ни одной версии на основном языке до нас не дошло; можно только гадать, на каком именно она была написана — на классическом ли языке старой Индии, санскрите, или священном языке цейлонского буддизма „пали“, или, наконец, на одном из народных „пракритских“ наречий. И первые шаги ее выхода из Индии нам неясны. Находки старинных рукописей в песках Средней Азии открыли книги манихейцев. Среди различных отрывков нашелся между прочим, листок с притчей из „Варлаама и Иоасафа“. Было бы соблазнительно думать, что именно манихейцы, очарованные нашей повестью, и передали ее персам. Но все это — только догадки; достоверно лишь одно, что и манихейцы несомненно знали нашу повесть. Более твердая почва под ногами у нас оказывается только в VI—VII вв., когда легенда получает письменную обработку в Иране при династии Сасанидов на пехлевийском или средне-персидском языке, основном литературном орудии Ирана этой эпохи. Насмешка судьбы, не пощадившей почти ни одного памятника этой литературы, за исключением чисто религиозных, не сохранила никаких остатков и пехлевийской повести о Варлааме и Иоасафе; все-таки о ней можно строить некоторые предположения как на основании побочных данных, так и переводов на другие языки, которые делались, повидимому, с этой утраченной версии.

Появление повести на пехлевийском языке относится, вероятно, ко времени расцвета Ирана при Хосрое Ануширване (531—579 гг.). Его правление было эпохой оживленного духовного обмена с соседними народами и странами. Из Индии к этому времени перекочевал знаменитый в мировой литературе животный эпос „Калила и Димна“, появилась основа для сборника, вылившегося потом в форму „1001 ночи“; с Запада искали убежища в Иране последние неоплатоники, спасая свои идеи; даже „еретики“—несториане, изгнанные из православной Византии, нашли здесь приют и подходящую обстановку для своей ученой работы. Основанная ими как раз в это время медицинская академия в Джундишапуре стала очагом, где знакомились не только с медициной или естественными науками, но в равной мере с греческой философией, а может быть, и литературой. Даже значительно позже, когда иранскую монархию сменил халифат, возникшее в сасанидскую эпоху культурное движение продолжало приносить новые плоды, вовлекая в свой поток завоевателей-арабов, как раньше оно вовлекало персов.

Наряду с упомянутыми памятниками, по всей вероятности, в это же время была переведена наша повесть. Пестрый состав культурных работников в Иране позволил высказать одному ученому предположение о том, что переводчиком был не перс-зороастриец, а скорее христианин из сасанидских сирийцев, для которых пехлевийский язык был в такой же мере родным, как и свой сирийский. Это предположение подтверждается главным образом имевшейся уже в пехлевийской версии притчей о сеятеле, которая поражает своим сходством с евангельским рассказом. Признавая известную долю вероятности за вытекающим отсюда выводом о переводчике, не следует, однако, забывать, что при параллельном возникновении двух однородных литературных фактов возможна наличность общего для обоих источника. С такой же осторожностью высказывается предположение о том, что пехлевийская версия в эту же эпоху (VI—VII вв.) была

переведена на сирийский язык; возможность перевода не исключается, но каких бы то ни было непосредственных следов его до сих пор не найдено.

Дальнейшим этапом в вековых скитаниях повести о Варлааме и Иоасафе является именно та версия, которая теперь впервые появляется в европейском переводе. И перед арабским текстом мы снова стоим, как перед загадкой, не встречая нигде определенных указаний, с какого языка, кем и когда он переведен. По счастью, ряд параллельных явлений дает здесь достаточно надежную руководящую нить для выхода из этого лабиринта. Если для старого Ирана эпохой литературного расцвета было время Хосроя Ануширвана, то для халифата такую же роль сыграл период первых Аббасидов (VIII—IX вв.), когда столица утвердилась в Багдаде — почти в той же культурной среде, где была сосредоточена духовная жизнь Сасанидской державы. И в результате мы видим вновь такое оживление, как и два века назад, видим ту же лихорадочную жажду и стремление впитать иноземную мудрость и литературу, встречаем, наконец, ту же пеструю среду деятелей, где в тесной, дружной работе рука об руку идут мусульмане, христиане, евреи и язычники из месопотамского Харрана, прославленного своими астрономами. Все памятники, о переводе которых на пехлевийский язык нам приходилось говорить, теперь появляются уже на арабском. „Калила и Димна“ стала известна в самом начале этого периода, вслед за ней идет обработка „1001 ночи“, появляются циклы морских рассказов, вылившиеся потом в форму известных синдбадовых скитаний, переводится с пехлевийского другая „Синдбадова книга“ о женском коварстве и т. д. Почти несомненно, что именно теперь, в VIII—IX вв., была переведена и арабская версия, которой мы располагаем, переведена, как предполагают, с утраченного пехлевийского оригинала.

Роль ее в мировом распространении повести о Варлааме и Иоасафе, поистине, громадна. На ней основана возникшая

в Палестине греческая версия, редактором которой долгое время по недоразумению считался Иоанн Дамаскин, живший значительно раньше. В свою очередь, от этой греческой редакции, помимо латинской и христиано-арабской, с которой связана эфиопская в Абиссинии, разветвились многочисленные славянские и западноевропейские. Кроме греческой, арабско-мусульманская версия дала ряд побегов на Востоке: известен средневековый еврейский перевод, ряд персидских и т. д. Несколько особняком стоит грузинская редакция; есть предположение, что она более тесно связана с утраченной сирийской версией и, быть может, послужила даже оригиналом для греческой. Наша повесть, захватила и чисто мусульманский мир, не меньше, чем христианский. Неведомыми для нас путями она проникла в литературу шиитов, которые охотно воспринимали чужеземные легенды, приспособляя их к своим верованиям; оттуда, повидимому, она перешла и в народную словесность мусульман, причем была приурочена к любимой сказочной фигуре — халифу Харуну ар-Рашиду, хорошо всем известному по „1001 ночи“. Повесть вылилась в форму рассказа о „Субботнике“ (ас-Сабти), сыне Харуна ар-Рашида. Один русский ученый нашел этот рассказ даже у сибирских татар, в деревне, которая, что интересно отметить, в самом названии носит следы калмыцкого происхождения, т. е. связана с буддийской традицией. Рассказ сильно отличается от книжной повести, но все же сохраняет ее книжные черты: герой его — царский сын, презревший блага мира в поисках истинной жизни. Рассказ встречается и в „1001 ночи“ и в других мусульманских книгах; существуют сказания о том, где погребен „Субботник“, названный так потому, что он нанимался работать только в субботу, а остальную часть недели подвизался и учил людей праведной жизни. Одну из таких гробниц указывали в Багдаде, и к могиле „Субботника“ совершали паломничество по субботам. Таким образом, мусульмане, сами того не сознавая, чтити Будду, имя которого служило у них в обычной речи

символом языческого идола; христиане же превратили его в христианского святого.

Всем этим вопросам посвящен ряд специальных работ и детальных исследований, среди которых русские заняли одно из первых мест. Литература о Варлааме и Иоасафе очень богата и доступна в значительной части всем не специалистам.¹

Для нас было важно только установить значение арабской редакции в мировом распространении повести, после чего само собою выясняется, почему перевод именно арабской версии нашел себе место среди изданий Академии Наук СССР.

II

Общая история повести больше нас не отвлечет; пред нами остается только арабская форма ее, для правильного представления о которой приходится затронуть несколько вопросов, частью возникающих при чтении ее, частью возбуждаемых тем, что уже сказано раньше.

Знакомство с некоторыми позднейшими версиями повести может показать, что в каждой религиозной среде она полу-

¹ Общие библиографические указания с привлечением русской и славянской литературы можно найти в работе: А. Е. Крымский. Абан Лахыкий, манихействующий поэт. Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков, вып. XXXVII, М., 1913, стр. 33—44. Статья перепечатана без особых изменений в „Новом энциклопедическом словаре“ (Брокгауза и Эфрона), т. IX, 564—570. Для ближайшего ознакомления необходимо обращаться к капитальным работам: E. Kuhn. Barlaam und Joasaph. Eine bibliographisch-literargeschichtliche Studie. München, 1893. — V. Chauvin. Bibliographie des ouvrages arabes, III, Liège, 1898, 83—112. — H. Günter. Buddha in der abendländischen Literatur. 1922. Не следует только забывать, что во всех этих трудах специальной литературе на русском языке уделено меньше внимания, чем этого требует современное состояние науки. Роль повести в истории русской литературы с эпохи Киевской Руси до XIX в. освещена теперь в I—III томах „Истории русской литературы“, издаваемой Академией Наук СССР.

чала совершенно определенный отпечаток этой среды, отходя от своего прототипа. В греческой редакции, например, повесть является уже чисто христианским произведением, переполненным богословскими рассуждениями, цитатами из священного писания и отцов церкви и т. д. Естественно возникает вопрос, не подверглась ли аналогичной обработке повесть и на арабской почве и не приходится ли смотреть на эту форму, как на новое, уже мусульманское произведение.

Немногие высказанные выше замечания о пестром составе культурных работников в халифате той эпохи, когда переводились все упомянутые памятники, уже заранее склоняют к отрицательному решению. Мы видели, что круг деятелей далеко не всегда ограничивался одними мусульманами — очень часто здесь встречались христиане или евреи и еще чаще новообращенные иноверцы, принимавшие религию завоевателей по внешним побуждениям; едва ли они сейчас же могли перестроить свое мировоззрение, создававшееся веками. Примером служит хотя бы переводчик „Калилы и Димны“ перс Ибн ал-Мукаффа, которому за несколько двусмысленное отношение к его новой религии пришлось в конце концов заплатить жизнью. Неудивительно, что в дошедшей до нас обработке „Калилы и Димны“ нет никаких следов исламизации, за исключением, может быть, мелких намеков предисловия или позднейших, отчетливо выделяющихся вставок. Среда, в которой шла работа над всей этой литературой, была, выражаясь современными терминами, интернациональна и внеконфессиональна; только арабский язык служил для нее связующим звеном и начинавшая развертываться в полном блеске культура халифата. Этот характер отпечатлелся и на арабском переводе повести о Варлааме и Иоасафе: каких-нибудь следов сознательной исламизации в нем совершенно нельзя усмотреть. О самом сюжете говорить не приходится: если даже не знать, что он идет из Индии, и тогда нельзя было бы предполагать о его возникновении на арабской почве. Для ислама ранней эпохи была совершенно неприемлема обоснованная

идеология отшельничества или отречения от мирских благ, которой проникнута повесть; ведь исходная точка в Коране формулировалась изречением „нет монашества в исламе“. Если оно после Мухаммеда все-таки появилось, то уж под сторонними влияниями, перевесившими лаконичную формулу основателя ислама. На долю исламизации можно скорее отнести строгое подчеркивание монотеизма или презрения к здешней жизни, но оно выражено в такой неопределенной, опять внеконфессиональной форме, что могло бы исходить от представителя любой монотеистической религии.

Более отчетливо на первый взгляд выступает мусульманский колорит в самых словах, которыми пользуется переводчик, но таково только поверхностное впечатление. Он действительно систематически употребляет такие, казалось бы, чисто „мусульманские“ выражения, как ислам, мечеть, имам, сунна и т. д., но при более внимательном рассмотрении оказывается, что они служат ему не столько отчетливыми терминами, обнимающими известное религиозное содержание, сколько рядовыми словами в их первичном языковом значении. Слово „ислам“ прилагается, например, не к известной религии, а к понятию „истинной веры“ вообще; „мечеть“ значит не мусульманский храм, а место всякого поклонения божеству; в таком же смысле переводчик пользуется и другим словом, которое в обычной литературной речи применяется только к христианской церкви. „Имам“ в его устах не вызывает образа главы общей молитвы у мусульман, а прилагается ко всякому религиозному наставнику; „сунна“ — не значит мусульманское религиозное предание, а просто древний закон или обычай и т. д. Таким образом, даже в тех случаях, где на первый взгляд бросается в глаза как бы мусульманский налет обработки, на самом деле ничего специфически мусульманского в арабской версии мы не находим. Где это действительно встречается, там мусульманизация носит такой поверхностный, как бы наивный характер и с такой

легкостью обнаруживает свое происхождение, что без всякого труда можно выделить эти случаи путем простейшего анализа. К ним относится, например, появление обычных мусульманских эпитетов бога и благочестивых формул при его имени — „милостивый“, „славный“, „да будет он благословен“ и др. Их следует относить при этом не столько на долю переводчика, сколько переписчика, у которого они выплывали под рукой совершенно механически. На происхождение других вставок бросает свет один случай, когда благочестивый переписчик после упомянутого в тексте имени бога (Аллаха) счел нужным прибавить на полях шаблонную формулу из мусульманского исповедания веры: „а это бог, помимо которого нет божества“. До перенесения этой формулы с полей в текст оставался, конечно, один шаг. Этот шаг и сделан в тех немногих чисто мусульманских вставках, которые можно с полной уверенностью считать не существовавшими в оригинале. Оригинал говорит о том, что царь „произнес обет перед богом“; перевод добавляет: „который послал своего пророка доверенным и отличил его веру и одобрил его путь как руководство“. Все это придаточное предложение, прерывающее связь, вставлено, конечно, мусульманином; в самой повести нигде не упоминается пророк Мухаммед. Точно так же, когда Будасф высказывает намерение „устраняться от зла, веруя притом в обещание господ моего всеблагословенного и всевышнего, и уповая и веруя в воскресение мертвых и в рай и ад“, то стиль этой фразы слишком точно воспроизводит мусульманский догматический оборот, который, конечно, был чужд оригиналу. Переводчику или одному из переписчиков принадлежит коротенькое шаблонное предисловие, к сожалению, ничего не дающее для истории версии.

Все эти примеры с большой яркостью показывают, что какой-нибудь систематической обработке по существу памятник на арабской почве не подвергся; несколько механически выделяющихся вставок не мешают нам считать его за очень точную передачу первичной стадии. К такому же

выводу мы приходим, если обратим внимание еще на другой факт: арабская обработка не затронула содержания, но она совершенно не коснулась и формы. В этом случае арабская версия повести о Варлааме и Иоасафе не может быть названа даже произведением „арабской“ литературы. Речь идет, конечно, не о самом принципе построения, оставшемся неизменным, — типично индийском приеме „врамления“ рассказов и примеров, отвечающих на шаблонный вопрос: „как же это произошло?“ Он хорошо известен всем по „1001 ночи“, и с ним впоследствии сжилась не только арабская литература, но и все другие. Для нас важнее то, что самый стиль обработки не арабский. Читая ее, почти все время приходится чувствовать, что имеешь дело с переводом, и притом таким, где переводчик стремился к точнейшей передаче своего оригинала. Нагромождение длинных периодов, совершенно несвойственных арабскому и вообще семитическому синтаксису, обилие относительных местоимений, перегруженность речи притяжательными местоименными суффиксами, излюбленными арабским языком, — все это режет ухо арабиста, воспитавшегося на строгом стиле классических образцов с прозрачной конструкцией. Часто требуется даже известное напряжение мысли при распутывании сложной речи, которая в эту эпоху, повидимому, еще плохо справлялась с отвлеченными рассуждениями. Эстетическая мерка в данном случае совершенно не применима: переводчик-араб не стремился к художественности стиля и тем менее к изяществу построения, отсутствующему в оригинале. Он оставлял, конечно, всю искусственность сцепления, с которой были связаны отдельные части диалога, оставляя и встречающиеся иногда повторения. Для арабской литературы в узком смысле произведение не характерно, но тем более оно характерно для мировой, давая ясное представление именно о той форме, которая нашла такой сочувственный отклик на всех языках у всех народов.

Стиль арабской версии оказал несомненное влияние на русский перевод, и только под таким углом зрения возможна правильная его оценка. Несколько слов из истории этого перевода совершенно необходимы для такой оценки. Легшая в основу его арабская версия была впервые литографирована в Бомбее в 1889 г. До сих пор она остается единственной на арабском языке, дающей полный текст повести.¹ Кроме этого издания, известны только отдельные отрывки и многочисленные христианско-арабские редакции, которые не представляют существенного интереса для истории повести, так как стоят в полной зависимости от греческого извода. Выдающийся русский арабист академик В. Р. Розен (1849—1908), который немало потрудился над изучением литературной истории повести о Варлааме и Иоасафе и вновь возбудил интерес к ней не только в России, но и в Западной Европе,² обратил внимание и на бомбейское издание. Первоклассное значение версии внушило ему мысль подготовить русский перевод, работе над которым он уделил много времени летом 1897 и 1898 гг. Перевод этот был одним из наиболее дорогих детищ покойного ученого. Он по несколько раз его переделывал, неоднократно переписывал целиком и почти окончательно подготовил к печати. Различные обстоятельства помешали ему довести до конца предприятие, мысль о котором он

¹ Извлечения по этому изданию опубликованы в двух хрестоматиях М. О. Аттая и А. Е. Крымский. Арабский сборник. М., 1916 77—101; П. К. Жузе. Арабская хрестоматия. Баку, 6. г. (1922), 21—36.

² По его инициативе ряд востоковедов принял живое участие в работе над этой темой; общую характеристику этого „варлаамовского“ периода русского востоковедения дал Н. Я. Марр в „Записках Восточного отделения Русского археологического общества“ (т. XVIII, приложение, 14—16).

лелеял до самой смерти (10/23 января 1908 г.). Рукопись перевода вместе с другими неопубликованными материалами в 1918 г. перешла в Азиатский музей Российской Академии Наук, а теперь находится в Рукописном отделении Института востоковедения Академии Наук СССР.¹ Только через 40 лет после смерти ученого представляется возможность дать читателям русский перевод этого мирового памятника в той форме, в какой он вышел из рук первоклассного специалиста.

Форма эта некоторых разочарует. Перевод читается не без труда, местами требует напряжения мысли для простого понимания, иногда фразы производят впечатление написанных не по-русски, со своими бесчисленными местоимениями, однообразными „сказал“ и бесконечно повторяющимися „и“. Переделать все это было бы очень соблазнительно, тем более, что такая „чистка“, при образцовом в смысле точности переводе, была бы для редактора очень нетрудным делом. Систематическое и неоднократное изучение перевода параллельно с арабским текстом убедило меня, однако, в том, что именно такая форма была придана работе акад. Розеном совершенно сознательно. Уже в молодые годы у него выработались вполне определенные взгляды относительно переводов с арабского. Достаточно вспомнить, что он писал в 1883 г. в предисловии к своей работе о летописи Яхьи Антиохийского:² „Понимать арабского историка, пишущего просто, без риторики, повидимому, весьма легко, но переводить его так, чтобы историки не-арабисты могли пользоваться им с полной безопасностью — дело весьма трудное. Арабская, да и вообще семитская речь страдает в значительной степени неопре-

¹ Описание рукописных материалов фонда В. Р. Розена дано в „Известиях Академии Наук“ (1918, 1323—1350); о русском переводе Варлаама и Иоасафа см. стр. 1332, № 27.

² Император Василий Болгаробойца. Извлечение из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883, стр. VIII—IX

деленностью, благодаря синтетическому ее строю и слишком частой ее замене имен местоимениями. Эта особенность требует величайшей осторожности от переводчика. Часто переводы с арабского грешат именно слишком большой определенностью, нередко вводящею в заблуждение исследователей. Я старался избежать этого недостатка, подражая по возможности самому строю арабской фразы подлинника. Я охотно допускаю, что в очень многих случаях, где по общей связи речи никакого сомнения быть не может относительно смысла, можно было без малейшего риска переводить глаже, ставить прямо имя вместо местоимения, какое-нибудь более определенное слово вместо вечного «и», но ввиду других случаев, где было крайне необходимо не навязывать другим исследователям моего взгляда на вытекающий из общей связи речи смысл данного места, я должен был держаться строго раз принятой системы, не боясь упрека в излишнем педантизме. Это стремление „подражать самому строю арабской фразы подлинника“ сказало с полной силой в переводе повести. Его еще более обострило желание передать тот неарабский стиль версии, который я пытался характеризовать выше. В результате можно с полной уверенностью сказать одно: русский перевод на русского читателя будет производить такое же впечатление, как на араба арабская версия и будет читаться с одинаковым трудом. При таком выводе перед редактором открылись естественно два пути: или совершенно переработать перевод, придав ему обычно-литературную форму и вытравив весь колорит подлинника в угоду большей легкости изложения, или сохранить неприкосновенной в общих чертах работу акад. Розена. Изложенные выше соображения заставили меня остановиться на последнем решении.

Детали редакторской работы не потребуют особых пояснений. Стремясь сохранить внешнюю форму арабского подлинника, я не счел нужным вносить в перевод какое бы то ни было разделение на главы. Список притч, вместе с подробным содержанием, приложен в конце. Не

всегда при этом удавалось точно отграничить конец притчи от дальнейшего текста, или провести строгое разделение между притчей, рассказом и простым примером, но это едва ли может играть существенную роль. Единственное, что я позволил себе ввести в русский перевод — новые строки, которые отсутствуют в оригинале, как и во всякой арабской книге. Собственные имена, воспроизведенные в рукописи перевода Розена схематично — одними согласными, переданы в их арабской форме; при этом нельзя забывать, что произношение их совершенно условно, так как арабский шрифт не дает гласных. В тех случаях, когда европейской наукой установлены оригиналы или параллели в других версиях, они указаны у меня в списке, помещенном в конце. Не нужно добавлять, что мною заполнены незначительные пропуски, оставленные в рукописи акад. Розена без перевода, равно как в некоторых случаях внесены мелкие изменения или даны поправки в отдельных выражениях. Бомбейская литография отнюдь не удовлетворяет требованиям научно-критического издания: Розен в своем переводе изредка прибегал к исправлениям и конъектурам в арабском тексте. Оговаривать их все в настоящем издании, имеющем в виду не только специалистов, не представлялось необходимым. В интересах последних на полях указаны страницы оригинала; мне принадлежат и немногочисленные примечания к переводу.

Появление русского перевода открывает в истории повести о Варлааме и Иоасафе новую страницу — можно надеяться, не последнюю. На протяжении своей многовековой жизни этот памятник везде возбуждает интерес: и в народном творчестве, которое отражало и перерабатывало как весь сюжет, так и отдельные мотивы, и в науке, перед которой он выдвигал ряд заманчивых, хотя и сложных вопросов, и в художественной литературе, где он воспламенял творческий гений искрами, занесенными из далеких стран. Хотелось бы думать, что настоящий перевод — первый в Европе — даст некоторый толчок мысли и творчеству,

несмотря на свою непривлекательную с первого взгляда внешность. Серьезного отношения к себе заслуживает этот мировой памятник; не менее серьезного отношения заслуживает и большая работа русского ученого, опубликование которой является достойным памятником 40-летия со дня его смерти.

Для самого В. Р. Розена с 1898 г., когда он закончил издаваемый теперь перевод, работа над повестью о Варлааме и Иоасафе не прекратилась. Уже в ноябре 1900 г. он выступил с докладом „Сасанидская версия повести о Варлааме и Иоасафе“; в основе лежал опубликованный им через два года текст, в котором он усматривал „начальную связь нашего сказания с циклом буддийских легенд“, а с другой стороны, „коренную переработку на пути из Индии в Персию через христианскую, сирийскую среду“. Так, неустанно, больше 15 лет он трудился над углублением той коллективной темы, которая была намечена по его инициативе небольшой заметкой 1887 г. и создала одну из блестящих страниц в истории нашего востоковедения.

И. Крачковский

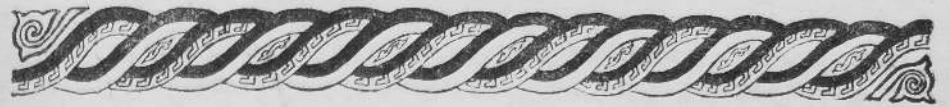

ЭТО КНИГА БИЛАУХАРА И БУДАСФА О ПОУЧЕНИЯХ И МУДРЫХ ПРИТЧАХ

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОСАФЕ

Во имя бога, всемилостивого, всемилосердного. 3

Рассказывают, что Джанайсар, один из царей индийских, владел сильным государством, большими войсками, пользовался успехом в делах, почетом в глазах народа. Велика была его власть над земными благами, сильна его любовь к ним, крепко его упорство в добывании их: мысль свою и силу свою он устремлял только на них и предприятия свои направлял только на них и занят был только ими. И другом своим считал он только того, кто помогал ему в этом, а изменником себе считал только того, кто помогал ему в вере и в отречении от благ земных; такого он считал своим врагом. Он получил власть в расцвете молодости и разгаре страстей. И был он человеком, понимавшим свое положение и молодым; он сознавал свои душевные качества и любовался ими, так что в нем соединились: опьянение властью, опьянение молодостью, опьянение самолюбием и опьянение страстями. Затем разожгли и усилили это 4 выпавшие на его долю победы и успехи и одоления, так что он вознесся над людьми и стал их презирать и угнетать. Затем все это в нем укрепилось оттого, что он слышал от людей, которые восхваляли ему его душевные качества и превозносили его ум и вселяли в его груди убеждение, что нет знания, кроме его знания, и нет суждения, кроме его суждения. И не было у него другой заботы помимо земных благ, и они приходили к нему; стоило ему пожелать чего-нибудь, как оно устраивалось для него и доставалось ему, кроме одного: был он человеком, у которого рождались только дочери и не было у него сына.

Отшельничество было распространено в его земле до его воцарения, а после его воцарения побудило его властолюбие, и подстрекнул его дьявол вступить во вражду с отшельничеством и благочестием и его приверженцами потому, что он сильно любил земные блага и крепко к ним был привязан, и тяготился упоминанием о будущей жизни, и боялся за свое царство, как бы не нашелся среди людей, кто стал бы порицать его и отнял у него царство обманом. И вот он начал притеснять людей благочестия и рассеял их, — приблизил идолопоклонников и сделал им идолов золотых и серебряных. И укрепил он каждый их толк в его верованиях, хотя они между собой были разногласны. И присутствовал он на их праздниках и поклонялся их идолам, так что возвысилось дело идолопоклонников, а сторонники благочестия были покинуты. И устремились люди к тому же. И было это легко им, так как с них не требовалось ни подати ему, ни службы, а только то, в чем они сами находили удовольствие, как то: жертвоприношения, пляски, еда, питье, ношение парчи. И были покинуты люди веры и их притесняли, и остались ей верными только одни терпеливые и искренние.

И была главною женой царя одна женщина красивая, родовитая, добродетельная; и увидела она во сне, как будто белый слон летит по воздуху, потом он приблизился к ней так, что опустился на ее живот, но не причинил ей никакого вреда. И когда настало утро, она рассказала свой сон царю. И созвал царь толкователей и рассказал им ее сон. И тогда они поздравили царя с сыном, который у него родится.

Потом царь в один из дней спросил об одном муже из вельмож его государства, которого он помнил и любил и помощью которого он пользовался в некоторых важных делах. И была между ними до этого любовь. И пожелал он одарить его каким-нибудь подарком и воспользоваться его помощью в одном деле. И сказали ему, что он оставил мир и ушел от семьи своей и богатства своего и пристал к отшельникам. И было это тягостно для царя, и он послал отыскивать его, и его привели к нему. И когда он посмотрел на него и увидел его в одежде отшельника, он его побранил и сказал: „Хотя ты был в избранном мною числе моих близких и надежнейших людей моего государства, ты опозорил себя и погубил семью свою и богатство свое, и последовал за людьми заблуждения и лжи, и стал посмешищем для народа“.

Сказал ему отшельник: „О царь! Если у меня нет прав по отношению к тебе, то твой ум имеет право требовать от тебя, чтобы ты выслушал меня без гнева. Потом ты распорядишься, как тебе покажется нужным, когда ты уразумеешь меня и удостоверишься в моем деле. Ибо гнев есть враг уму и поэтому мешает одержимому им понимать и слушать“.

Сказал царь: „Говори, что тебе угодно, так как я не стану удерживать тебя от того, что тебе нужно“.

Сказал отшельник: „Я тебя спрашиваю, о царь, за грех ли против меня самого ты упрекал меня, или же за грех, который я совершил против тебя?“

Сказал царь: „Грех твой против самого себя и есть величайший из грехов против меня, ибо если я тебе сделаю послабление, то я сделаю его и людям моего государства, и среди них умножится порча. И не могу я всякий раз, что какой-нибудь муж из моих подданных пожелает погубить душу свою, давать ему волю в этом. Напротив того, я считаю то, что он губит свою душу, равным тому, что он губит душу другого кого-нибудь из тех, у которых я стою попечителем и правителем и полновластным судьей. И вот я постановляю приговор против тебя в пользу твоей души, и беру от тебя должное ей, и упрекаю тебя за себя в том, что ты губишь одну душу из моих подданных, именно твою собственную, и упрекаю тебя в том вреде, который ты нанес ей, и в том убытке и расстройстве дел, которые ты причинил твоей семье“.

Сказал отшельник ему: „Я думаю, о царь, что ты не желаешь наказать меня без доказательства моей вины, доказательство же может быть установлено только судьей. И нет над тобой судьи из людей, но при тебе есть судьи, приговоры которых ты исполняешь: некоторых из них я признаю охотно, от других прошу меня избавить“.

Сказал ему царь: „Кто эти судьи?“

Сказал отшельник: „Те, приговор которых я охотно признаю, это — твое знание, твой ум и твоя рассудительность, а те, которых я не одобряю и от которых прошу меня избавить, — твоя страсть, твой гнев и твоя ревность“.

Сказал царь: „Скажи, что тебе угодно, и изложи мне правдиво рассказ про себя и с каких пор таково твое убеждение, и кто среди них твои помощники, и кто твои сподвижники и везири“.

Сказал отшельник: „Рассказ мой о самом себе таков. Я слышал в пору юности своей одно слово, которое запало в мое сердце и было, как зерно посеянное; и не переставало оно расти и развиваться, пока не стало дерево из него выросшее таким, каким ты видишь. Именно я слышал, что некто сказал: неразумный считает то дело, которое есть нечто, за ничто и считает то дело, которое есть ничто, за нечто. И кто не отвергнет того дела, которое есть ничто, не достигнет того дела, которое есть нечто. И кто не постигнет того дела, которое есть нечто, душа его не соблаговолит отвергнуть то дело, которое есть ничто. А то дело, которое есть нечто, это — дело жизни будущей, а то дело, которое есть ничто, это дело мира сего. И вот это слово нашло себе у меня жилье и в моем сердце пребывание, но страсти мои одолевали его и отвлекали меня от пользования им и созерцания его до тех пор, пока сам же мир сей не поведал мне о себе и не обнаружил того, что в нем есть, и не раскрыл мне зол своих, и не открыл мне своей родословной, хотя я и не спрашивал его, и не показал мне подтверждения того, что о нем до меня доходило утром и вечером. И нашел я, о царь, что жизнь мира сего — смерть, и здоровье его — болезнь, и сила его — слабость, и слава его — унижение, и богатство его — бедность, и радость его — горе, и сытость его — голод.

И каким образом, о царь, его жизнь может не быть смертью, когда живущий в нем только и живет для того, чтобы умереть, и, значит, только в смерти уверен, а в жизни всегда волнуется и отчаивается. И каким образом его здоровье может не быть болезнью, когда здоровье его — от четырех составов и когда наиболее здоровый из них и наиболее близкий к жизни — кровь, а между тем наиболее полнокровный человек бывает наиболее близким к смерти от удара, чумы, удушья, гангрены и плеврита. И каким образом сила его может не быть слабостью, когда сильный сам собирает во вред себе то, что его портит и губит. И каким образом слава его может не быть унижением, когда в нем никогда не видывали славы, которой он не угодовал бы унижения в наследство. И если мы размыслим об одном за другим, о славнейших из прежде отшедших царей, то мы найдем, что постигло их и постигло их потомков унижение в той же мере, в какой они превосходили друг друга почетом. Но только дни почета коротки, а дни унижения долги. И наибольшее право порицать мир сей

и ненавидеть его, и жаловаться на него, и ожидать его напастей — именно у того, над кем мир сей распростер свои крылья и кому он дал все, что ему нужно было от него. Ибо он всякий раз, когда наступает утро или вечер, должен ожидать, что мир сей нападет на его богатства, чтобы погубить его, или накинется на его друга, чтобы похитить его, или подступит к основам его власти, чтобы разрушить ее, или подкрадется ползком к его телу так, что он и не заметит, чтобы причинить ему болезнь или долгое страдание, покрыть нечистотой и искалечить или поразить самую сердцевину его души и таким образом искоренить его и погубить его со всем тем, к чему он привязан.

И каким образом богатство его может не быть бедностью, если никогда никто не получал ни одной частицы его без того, чтобы не нуждаться из-за той самой вещи, которую он получил, в другой, которая дополняла бы ее и без которой он не может уже обойтись. Так хозяин лошади, когда получит ее, нуждается в корме для нее и конюхе для нее, и стойле для нее, и всей сбруе ее. Затем для упорядочения чего-нибудь из этого ему понадобится еще и другое. И когда же удовлетворится бедность того, кто не получает нужную семью и имущество без того, чтобы это нужное опять не вызывало другие нужды? И каким образом радость мира сего может не быть горем, когда он за каждым, кто от него получает радость, посматривает, чтобы вслед за нею 11 уделить ему горе? И вот, такой человек, когда он в чем-нибудь увидит радость глаз своих, не избавлен от того, чтобы в этом самом не увидеть вдвое больше горя: если он видит радость свою в сыне, то больше этой его радости будут те горести, которые он должен ожидать от его болезни и его смерти или несчастья, если такое приключится с ним, или бедствия, если он подвергнется таковому, и вообще все те опасности, которых он будет бояться для него. А если он видит радость свою в богатстве, то радость его от приобретения его не достигнет степени его горя, когда оно постигнет его и проникнет назло ему в радость. Если же расставаться с чем-нибудь и лишаться имеет для него такое значение, а вместе с тем неизбежно расставаться и лишаться, то сколь обязательно тому, кто привязывается к какой-нибудь вещи, радующей беспечных, знать, что он на свою шею надевает петлю горя и печали и несчастья.

И каким образом сытость мира сего может не быть голодом, когда мир сей есть огонь, пылающий в теле?

И если человек не найдет чем потушить его, то он сожрет его тело; если же он выкупом в виде пищи и питья отвлечет его от пожирания его тела, то это послужит ему лишь подкреплением для новой подобной вспышки. К тому же привычка насыщаться лишь усиливает голод.

Итак, о царь, наиболее презренным для тебя должен быть мир сей; ибо он отнимает все, что дает, и после сего навлекает ответственность; он похищает всякую одежду, которую надевает на человека, и после сего навлекает на него позор и страдание; он унижает того, кого превозносит, и навлекает после этого ужас; он ненавидит того, кто полюбил его, и после сего навлекает раскаяние; он заманивает того, кто ему подчинится, в свои погибельные места и после сего навлекает отчаяние; он заманивает словом своим ищущих его в свои сети, а стремящихся к нему своим подкрашиванием совращает в свою мишуру и прельщает своей изворотливостью. Он — лягающаяся лошадь и изменяющий друг, и обманывающий доверенный, и губительный путь, и скользкая дорога, и ведущий в пропасть скат, и дом, полный змей, и корабль, полный щелей, и сад, полный хищных зверей; он — уважаемая, которая никого не уважает, и сопровождаемая, которая никого не сопровождает, и любимая, которая никого не любит: ей остаются верны, а она изменяет, ей говорят правдиво, а она говорит лживо, ей исполняют обещание, а она нарушает обещание. Он становится поперек тому, кто стоит к нему прямо, и играет с тем, над кем он получил власть: служа ему, он вдруг делает его слугой и, кормя его, вдруг превращает его в пожираемое; смешав его, он вдруг делает его посмешищем и, заставляя его плакать, вдруг начинает его оплакивать; предлагая ему что-нибудь на продажу, он вдруг делает его предметом продажи и, простирая его руку для раздачи подарка, вдруг простирает ее же для просьбы. Он возлагает венец на его голову утром и повергает ее в прах вечером; украшает руки браслетами сегодня и заковывает их в кандалы завтра, и возводит человека на престол сегодня и ввергает его же в темницу завтра, расстилает ему парчу во дворе сегодня и стелет ему пыль в могиле завтра; он собирает вокруг него игроков и музыкантов сегодня и собирает вокруг него плакальщиц и рыдающих завтра; он делает его присутствием желанным для родных его сегодня и делает его отсутствием желанным для них завтра; он указывает на него его духами сегодня и указывает

на него его зловонием завтра; он наполняет его душу своими беседами и его руку своими сборами, а затем на другое утро душа оказывается пустой и рука неимущей: ушло, что ушло, и исчезло, что исчезло, и погибло, что погибло. Он находит преемника всякому во всяком и одобряет замену всякого всяким, и поселяет в жилище всякого поклонения другое, и кормит остатками от всякого народа другой, и сажает дурных на место хороших, и перемещает порочных на место праведных, и заменяет твердость слабостью; он переносит людей от нужды к достатку и от хождения пешком к езде, и от голода к сытости, и от жажды к утолению: а когда он их погрузит в это состояние, то повертывается вместе с ними и похищает у них достаток, отняв у них привычку терпеть нужду, и преграждает им путь к жизни изнеженной и спокойной, отняв у них силу переносить жизнь суровую. И вот они впадают в нечто худшее, чем бедность, и горшее, чем нужда, и более тяжкое, чем несчастье.

А твои слова, о царь, о том, что я погубил свою семью и покинул ее, то я не погубил своей семьи и не покинул ее. Напротив, я привязался к ней и ей только остался предан. Но я прежде жил, глядя на нее глазом очарованным, которым я не могу различать родных от чужих или врагов от друзей. А когда с глаза моего были сняты чары и взамен очарованного глаза я получил здоровый, то я им различил близкого от далекого и врага от друга. И вот те, которых я любил и считал родными и друзьями, и искренними братьями, и товарищами, оказались зверьми лютыми, у которых не было другой заботы, как только пожирать меня или пожирать других при моей помощи. Различались же они друг от друга в этом лишь сообразно превосходству их силой. И были одни из них подобны льву по прожорливости и силе прыжка, 15 и другие волку по внезапности нападения и грабежа и похищения, еще другие собаке по лаю и вилянию хвостом, и еще другие лисице по хитрости и вороватости: пути различны, а нужда одна. И если бы ты, о царь, при той обстановке, в которой ты находишься, и при полноте власти и многочисленности семьи твоей и приверженцев твоих, и приближенных, и челяди твоей, и множества войск твоих, и подданных твоих обсудил свое положение, то ты понял и уразумел бы, что ты один, одинок, что нет у тебя ни одного человека на земле. Ведь ты знаешь, что все народы твои враги и что этот народ, над которым тебе

дарована власть, обилен людьми, враждебными тебе и завидующими тебе и обманывающими тебя, которые враждебнее к тебе и вредоноснее для тебя, чем звери лютые и гады ядовитые, и которые тебя более ненавидят и более злобствуют против тебя, чем народы чужие, далекие, отдаленные от тебя. И если ты пересмотришь подданных твоих и помощников твоих, то ты найдешь людей, которые делают для тебя определенные работы за известную плату и жаждут при этом получать платы больше и работы для тебя делать меньше. Если же ты перейдешь к ближайшей родне и наиболее близким, то ты перейдешь к таким людям, из-за которых ты трудился и старался, и приобретал, и утомлялся, и работал, и служил. И ты им отдаешь подати, а между тем все они недовольны тобой, хотя бы ты разделял им все, что собираешь. Если же ты с этим замедлишь, то ни один из них не простит тебе. И не спрашивай поэтому о вражде их к тебе и обмане тебя ими. И разве ты не видишь и не понимаешь, о царь, что ты один, одинок, что у тебя нет ни семьи, ни близких, ни друзей. А я — у меня есть семья и друзья и братья, которые не пожирают меня и не пожирают никого при моей помощи и которых я не пожираю: я их люблю, и они меня любят так, что не иссякает и не исчезает любовь между нами, и они дружат со мною в полном согласии, после которого не бывает разногласия. И не прекращается дружба между мною и ими, и они работают для меня, и я работаю для них за плату, которая не иссякает, и поэтому работа всегда продолжается. И они ищут блага и не боятся, что я, если вместе с ними буду искать его, перехвачу его у них или присвою его себе вместо них. И, таким образом, между нами нет ни недоверия друг к другу, ни зависти друг к другу из-за приобретения и сокровищ, и нет между нами ни скрытности друг пред другом, ни обманывания друг друга. Мы отреклись от домов и убежищ и отказались от приобретений и сокровищ, и нет между нами взаимной вражды. И вот эти люди — моя семья, к которой я привязался и которой исключительно я предан, а те — мои враги, которых я прежде считал своей семьей. Но я отстранился от них и отыскал для себя спасение от них. И что до мира сего, о котором я тебе о царь, говорил, что назван он — ничто, то вот такова его родословная и качества и таковы его действия и свойства; и я отстранился от него, когда познал его и отверг его, когда испытал его, и когда я отверг его, я пости-

то, что есть нечто. И если ты желаешь, о царь, чтобы я описал тебе то, что я об этом познал, то приготовься выслушать: ты услышишь другое, чем те вещи из дел мира сего, которые ты слышал до сих пор“.

Но не просил царь его продолжать, а сказал ему: „Ты солгал, ты не достиг и не постиг ничего и не добыл ничего, кроме несчастья и забот. Уйди и не оставайся нигде в моем царстве, ибо ты развращенный, развращающий и, если бы не любовь, которая нас соединяла, я сделал бы тебя примером для устрашения людей. Итак, уйди и не оставайся здесь; и я клянусь тебе, если я увижу тебя где бы то ни было в моем царстве после этого моего приказания тебе, я тебя накажу; вот я тебя предупредил о том, что может произойти между нами“.

И родился у царя в эти дни, когда он уже отчаялся иметь детей мужского пола, мальчик, подобного которому по красоте и миловидности и лучезарности люди никогда не видывали. И достигла радость царя от этого сына такой степени, что он готов был выйти за пределы своей души. И назвал он его Будасф и утверждал, что те самые идолы, которым он давал обеты, даровали ему этого мальчика. И разделил он все, что было в его сокровищницах, между капищами идолов и их хранителями и приказал людям есть и пить и веселиться целый год.

Потом царь собрал мудрецов и звездочетов, чтобы установить гороскоп мальчику. И донесли ему звездочеты, что они находят, что этот мальчик достигнет такого величия и такой высоты почетной степени и знатного сана, каких никогда во всей индийской земле ни один царь не достигал. И все сошлись на этом, но только один из них, человек престарелый и знающий разные тайны звезд, понял свойства мальчика и сказал: „Не думаю я, что это величие и сан и превосходство, которых, как мы нашли, достигнет этот мальчик, будет иным, чем величие вечной жизни, и не полагаем мы, что он будет чем-нибудь иным, как вождем в вере и подвижничестве, а это есть превосходство на ступенях к вечной жизни“. И когда царь услышал слова звездочета, они запали в его сердце так, что почти испортили ему радость о сыне. А был тот муж, который говорил ему это, из надежнейших в его глазах звездочетов по знанию и правдивости.

И приказал царь Джанайсар, чтобы для мальчика был отведен особый город, и выбрал ему из надежных лиц

воспитателей и кормилиц и слуг, и приказал им, чтобы они между собой не говорили ни о смерти, ни о жизни, ни о вечной жизни, ни о вере, ни о подвижничестве, ни о бренности, ни о тленности и чтобы они смотрели, если с кем-нибудь из них приключится недуг или болезнь, и торопились выслать того из города так, чтобы и самая привычка говорить о тех предметах, которые он им запретил, исчезла из уст их. А когда мальчик дорастет до понимания речи, чтобы они не смели обронить пред ним ни слова о таких вещах, которые представляли опасность утвердиться в сердце его и побудить его задуматься о вере и подвижничестве.

И усилились при этом в сердце царя гнев и злоба и вражда к подвижникам, и стал он бояться, что сын его пристрастится к их делу, если оно дойдет до него, и стал убивать подвижников.

И был у царя один везир, который управлял его делами и нес за него бремя управления его царством. И он не обманывал его, и не лгал ему, и ничего не скрывал от него, и никого не любил больше его, и был неустанен во всяком деле и труде своем. И был он притом же щедр на благодеяния, любим народом и уважаем им. А друзья царя завидовали ему и злоумышляли против него и тяготились его положением.

И вышел везир однажды на охоту и набрел в одном ущелье на человека, лежавшего у корня дерева, которым овладела сильная слабость в его ногах, так что он не мог двигаться. И спросил его везир о его состоянии и приключении и положении, и тот рассказал ему, что лев напал на него. Потом он сказал везиру: „Возьми меня к себе, ибо ты найдешь во мне пользу“. Сказал везир: „Я сделаю это для тебя, хотя бы и не нашел у тебя ничего, но расскажи мне, что это за польза, которую ты мне обещаешь. Делаешь ли ты дело какое-нибудь или умеешь ты что-нибудь удивительное?“ Он сказал: „Да, я человек, который чинит речь речью“. Сказал везир: „Как это ты чинишь речь речью?“ Он сказал: „Когда в ней есть разрыв, я его чиню, или дыра, я ее штопаю, чтобы от нее не получилось вреда“. И везир эти его слова не счел за нечто, и приказал отнести его в свой дом, и назначил ему то, что могло ²¹ восстановить его силы. И оставался чинящий у везира некоторое время.

Потом любимцы царя, которые завидовали везиру, собрались и задумали хитрость против того везира, и устро-

или ему всякие козни. И согласились они подослать к царю одного мужа из своих, и тот сказал: „О царь! Знаешь ли ты, что этот везир жаждет отнять у твоих потомков царство после тебя. И он постоянно работает над этим, и подготавливает людей к этому, и трудится над этим. И если ты желаешь удостовериться в этом, то испытай его, сказав, что тебе пришла мысль отвергнуть мир и освободиться от него и что ты намерен покинуть свое царство и пристать к отшельникам, и тогда ты в его радости по этому поводу и его полном согласии с тобой увидишь нечто такое, из чего ты уразумеешь его намерения“. А эти люди знали, что этот везир умилялся, когда говорили про будущую жизнь и тленность сего мира, и его непостоянство для живущих в нем, и про любовь к людям веры и отшельникам, и его близость с ними. И когда было это сказано царю и утвердилось в его сердце, он подумал: „Я не брошусь на него за это, не расспросив его о том, что за этим кроется“. И когда везир вошел к царю, царь ему сказал: „Ты знаешь мою страсть к миру ²² сему с тех пор, как я возмужал, а теперь я поразмыслил о том, что прошло из всего этого и не нашел в моих руках никакой пользы от него. И понял я, что то, что осталось от него, подобно тому, что прошло, и что оно скоро кончится, и уйдет остающееся, так что в моих руках от него ничего не останется. И вот теперь я решился из-за будущей жизни моей сделать дело доброе соразмерно усиленным трудам моим из-за мира сего. И не нашел я для этого другого способа, как пристать к отшельникам. И то, что я хочу сделать, — это пристать к отшельникам и освободиться от этого царства и его людей“. И умилился при этих словах везир и сказал: „О царь! Вечное, хотя оно и редко, трудно достижимо, поистине, достойно того, чтобы к нему стремились, а тленное, хотя оно всюду находимо, распространено, поистине, достойно того, чтобы его отвергали. И прекрасно решение, которое ты задумал. И я надеюсь, что бог к царству земному даст тебе еще и блаженство небесное“. И было это тяжело для царя, и удручило его, и произвело на него впечатление сильное. И не сказал бы он ему ничего больше, но везир по лицу царя понял, что ему было тяжело и что он был недоволен его советом. ²³ И не усомнился царь в том, что те люди были правы.

И ушел везир к семье своей и дому своему огорченным, удрученным, опечаленным, озабоченным, не понимая, как это произошло и какой уловкой поправить то, что показало-

лось ему неприятным в обращении царя. И бодрствовал он из-за этого всю ночь и обдумывал свое положение. Потом он вспомнил о том муже, который сказал, что он чинит речь и послал за ним. И когда он вошел, он сказал ему: „Ты сказал мне нечто; помнишь ли ты, ты сказал мне про починку речи?“ Сказал тот муж: „Да, разве тебе понадобилось нечто подобное?“ Он сказал: „Да, я расскажу тебе, что я служил этому царю еще до его воцарения, и, с тех пор как он воцарился, я никогда ни в один момент в его отношениях ко мне не замечал ничего для меня неприятного, потому что он знал мою преданность ему и заботу о нем и что я его люблю больше самого себя и всех людей. А когда наступил этот день, я заметил в нем сильную перемену; не думаю, что мне после этого дня когда-нибудь будет от него хорошее, и я стал бояться его“. Сказал чинитель: „Была ли какая-нибудь тому причина или повод?“ Сказал везир: „Не знаю, но он призвал меня к себе в этот день и говорил со мной наедине и сказал мне то-то и то-то, и я ответил ему то-то и то-то“. Сказал чинитель: „Отсюда-то и пошел разрыв, и я починю его, и ты не печалься, о везир, и успокой свою душу. Царь подумал, что ты, когда давал совет, одобрил, чтобы он освободился от царства и ты остался в нем. А это потому, что ты представил ему в привлекательном виде то оставление царства, о котором он просил твоего совета, и присоединился к его мнению. А именно это и есть то, что ему о тебе донесли и для чего против тебя были устроены козни и затеяна хитрость. И это дело легкое: когда наступит утро, сбрось с себя свои платья и благовония и надень самый простой и известный, какой только найдешь, наряд отшельников и обрежь свою голову. Потом встань и пойди к двери царя. И люди, поистине, испугаются этого и донесут о тебе царю, и царь позовет тебя и спросит тебя о том, что ты сделал с собой, и ты скажи ему: „Это есть то, к чему ты меня призывал, о царь. И ты ведь знал про меня, что смерть для меня легче, чем это, но когда я видел тебя, о царь, в этом настроении и что ты пристрастился к этому, я последовал за тобой в этом решении, и я не таков, чтобы позволить себе не быть с тобой, где бы ты ни был, так как я тебе дал этот совет. Ибо, кто своему господину и благодетелю дает совет сделать что-нибудь, не отстранится от этого дела сам, особенно же когда он пользуется у своего господина таким положением, как я у тебя. Итак, о царь

пойдем, и я буду с тобой, где бы ты ни был, и я знаю, что то, к чему ты меня призываешь, лучше того, в чем мы теперь находимся“.

И сделал везир на другое утро, как ему указал чинящий, и растаяло-прошло в душе царя то, что он имел против него, и понял царь, что позавидовали его положению у него, что он был оклеветан у него, и увеличилось его доверие к нему и его милость к нему.

И воспыал царь к отшельникам враждой и преисполнился против них ненавистью, и разгневало его то место, которое они занимали в сердцах людей, и молва, которая ходила про их добродетель и благодеяние, и мудрость и знание. И приказал царь изгнать их из всех его стран и пригрозил им смертью, если они не выйдут. И начали отшельники убегать и скрываться. Потом царь в один из дней вышел на охоту. И упал его взор на двух мужей вдали, и послал он к ним, и их привели к нему, и они оказались отшельниками. И сказал он им: „Почему вы не вышли из моих стран?“ Они сказали: „Твой гонцы застали нас, когда мы уходили“. Сказал царь: „И почему вы это откладывали до сегодняшнего дня?“ Они сказали: „Мы люди слабые; нет у нас ни животных, ни запаса, и мы можем идти только медленно“. Сказал царь: „Кто боится смерти, ускоряет бегство без запасов и без животных“. Они сказали: „Мы знали, что нет спасения от смерти, и мы ее не боимся; мало того, мы не видим прохлады глаза ни в чем, кроме нее. А те блага мира сего, которыми прохлаждаются глаза людей мира сего, от тех мы ушли и не желаем вернуться к ним“. Сказал им царь: „И как это вы утверждаете, что вы не боитесь смерти, а ведь мои гонцы застали вас на дороге к выходу из наших стран, и вот вы выходите, а разве это не есть бегство от смерти и страх пред ней?“ Они сказали: „Бегство наше не от страха перед смертью, и ты не думай, что мы убоялись тебя, но мы не желаем помогать тебе против нас самих“. И огорчился царь этим, и приказал их сжечь в огне, и провозгласил в народе своего царства о том, чтобы сжигать всех отшельников, которых можно схватить. И усердствовали главари идолопоклонников в преследовании их и взяли из них многое множество, и он велел их сжечь в огне.

И отсюда стало самосжигание и сожигание мертвых обычаем, уцелевшим в земле индийцев, по причине того блаженства, которого, как их последователи уверяли, они

достигли благодаря этому сожжению. И стали добровольцы из них добровольно сжигать себя для того, чтобы, как они уверяли, достигнуть подобного же, как те, превосходства. И стала редка истинная вера в земле Шавилабатт, но только остались люди из верующих, которые наружно показали другое и не делали ничего такого, по чему можно бы было их узнать, и еще немногие из отшельников, которые не хотели уйти из страны и предпочли оставаться и скрываться, чтобы быть проповедниками и руководителями к истине для тех, кто примкнул к их учению.

И возростал сын царя прекрасно, телом и умом, и красотой, и милостью, и образованием, но ему давали только такое знание и образование, которое нужно царям, и притом так, что никогда не упоминали о смерти или о бренности и тленности. А был мальчик одарен памятью и понятливостью, и знанием, и образованием в такой мере, что это казалось людям чудом. И стал его отец колебаться, радоваться ли ему оттого, что он это видит, или печалиться из страха, что это приведет его к вере. И приказал царь запереть сына своего и его слуг в городе и повелел им не позволять ему выходить и всматриваться и прислушиваться к разным предметам и наукам. И когда мальчик ²⁸ понял, что они его запирают в городе и не позволяют ему выходить и всматриваться и прислушиваться и наблюдают за собою в том, что скрывают от него, он смутился от этого, но промолчал об этом и сказал самому себе: „Мой отец лучше меня знает, что для меня хорошо“. А когда возраст и опыт прибавили ему ума, он стал беседовать с приставленными к нему и сказал самому себе: „Я не вижу у этих никакого превосходства над собой, и недостойно меня поручать мои дела им. И почему бы мне не выбирать себе управителей по моему суждению“. Потом я сделаю их соучастниками в распоряжениях и буду участвовать в решениях их, пока они правильны“. И пожелал юноша поговорить с отцом своим, когда он войдет к нему, и спросить его о причине, почему он запирает его в городе. Потом он сказал самому себе: „Это дело исходит только от него и от его распоряжения“. Потом он поразмыслил и сказал: „Если оно исходит от него, то он не ознакомит меня с ним, но я имею право добиваться узнать об этом там, где я могу надеяться достигнуть этого у тех, кто ниже его, кого может склонить жадность или кто встревожится от моей угрозы“.

И был среди его воспитателей один муж, который был к нему ласковее других и заботливее и дружелюбнее. И юноша к нему относился доверчиво и потому надеялся получить добро от него. И было имя юноши Будасф, сын ²⁹ царя Джанайсара. И стал Будасф еще ласковее обращаться со своим воспитателем и дружелюбнее относиться к нему, так что воспитатель полюбил его больше своей семьи и своих детей и самого себя. Потом Будасф выбрал себе в одну из ночей случай быть наедине с воспитателем и приласкал его нежнейшими словами, и назвал себя его сыном, и привлек его нежнейшими словами, какие он только мог найти, чтобы достать себе от него то, чего он искал, и говорил ему, что он его отец и наиболее близкий ему человек, и приставал к нему с обещаниями и угрозами, и потом сказал ему: „Это царство достанется мне, и ты в нем будешь одним из двух: или наиболее почитаемым у меня по месту из людей, или же наиболее несчастным по положению“. Сказал ему воспитатель: „Отчего же должен я опасаться несчастного положения в твоём царстве?“ Юноша сказал: „Оттого, что если ты сегодня от меня скроешь одно дело, о котором я тебя спрошу, я тебя за это завтра возненавижу и отомщу тебе в тот день наисильнейшим возможным для меня образом“. И понял воспитатель, что он говорит искренне, и понадеялся на его милость, и уверился в том, что исполнит обещание, и тогда он раскрыл ему все, и передал ему то, что звездочеты говорили отцу относительно его и что из этого его отцу было неприятно.

И поблагодарил его юноша за это и молчал, пока ³⁰ не вошел к нему его отец. Тогда он сказал: „О отец мой! Хотя я и не видел тебя ребенком и подростком, но я вижу себя и изменения в моем положении. И я помню из этого о том, о чем помню, и узнаю по тому, что помню то, чего не помню, и я знаю, что ты никогда не был в подобном состоянии и не был в таком положении, в котором находился я с того времени, как стал существовать, и что ты не будешь в таком положении вовеки. И если ты желал скрыть от меня изменчивость и недостаток и тленность мира сего для живущих в нем, то — это для меня не осталось скрытым. И если ты меня запер, запретив выходить, и поставил преграду между мной и людьми для того, чтобы я не пристрастился к чему-нибудь другому, чем то, что у меня есть, то твоим запираньем меня ты поверг в заботу непрестанную. И моя душа привязалась к тому, между чем и мною

ты ставишь преграду, так что нет у меня о другом мысли или потребности, и сердце мое не успокаивается ни на чем из того, что у меня есть, и не привыкает к нему и не довольствуется им. Так позволь же мне смотреть на людей и сообщать мне, чего ты не любишь, чтобы я мог устраняться от него, предпочитая любовь твою и удовлетворение тебя в этом и согласие твое всему другому". И когда услышал это царь Джанайсар от своего сына Будасфа, он понял, что тот узнал то, чего он не хотел ему сообщить, и что запира-³¹ние его и удерживание его только усилят его стремление и пристрастие к тому, чего он за него боялся. И сказал он: "О сынок мой, запирая тебя, я желал только отдалить от тебя неприятность, чтобы ты не слышал ничего, кроме того, что тебе соответствует, и не видел ничего, кроме того, что тебя радует. А если твое желание направлено к другому, то наиболее любезное для меня дело — то, что ты любишь и к чему ты привязан, и чем ты доволен, и что согласуется с твоим желанием и твоей любовью". Потом он приказал своим слугам, чтобы они его провожали.

И поехал он сам, и поехали они с ним в наилучшем снаряжении по наилучшей, какую только могли найти, дороге и в таком же наряде. И приказал царь удалить с его дороги всякое зрелище скверное и приготовить ему игры и музыку, и устлать пред ним дорогу разными цветами, и вести ему навстречу красивых невольниц, и устроить красивое снаряжение и обстановку, как в подобных случаях делается. И сделали они это все. И стал Будасф после этого выезда часто выезжать, и стало для людей очень тягостным соблюдение всего того, что на этот случай им царь приказал.

³² И в один из дней Будасф прошел по дороге, на которую они не обратили внимания, мимо двух человек из нищих, из которых один был в нарывах, так что мясо его отделялось и кожа его пожелтела, и блеск его ушел, и вид его был противен; другой был слеп и вел его проводник. И когда Будасф увидел это, вся его кожа содрогнулась от ужаса, и он спросил об этом. И сказали ему: "Это — опухоль, которая случается от болезни внутренней, а эта слепота есть страдание, которое постигает зрение". Сказал Будасф: "И это действительно постигает не одного из людей?" Они сказали: "Да". Он сказал: "И никто из людей не обеспечен от того, чтобы это постигло его?" Они ска-³³зали: "Никто". Сказал Будасф: "Возможно ли, чтобы кому-

нибудь из тех, кого глаза постигло это, было возвращено зрение его?" Сказали: "Нет". Тогда он ушел опечаленным, отягченным, ненавидя самого себя, презирая царство свое и царство отца своего. И пребывал он так много дней.

Потом он выехал в один из дней и в пути своем наткнулся на древнего старца, которого старость сгорбила и которого волоса побелели и цвет лица почернел и кожа сморщилась, шаги были коротки и члены слабы. И удивился он ему и спросил о нем. И сказали ему: "Это — старость". И сказал Будасф: "И во сколько лет человек доходит до того, что я вижу?" Сказали: "Во сто лет или около того". Он сказал: "А что после этого?" Сказали: "Смерть".³⁴ Говорит рассказчик: И обратился тогда Будасф к своей душе, совещаясь с ней и говоря: "Истинно, если человеку дозволяется жить сколько он желает, то он непременно дойдет после немногих дней до такого состояния и достигнет того, что я вижу, а после этого его ждет только еще смерть. Истинно, это дело есть не то, что о нем думают невежды, и, истинно, это дело есть не то, чем должны бы были заниматься наши души, и не то, чего мы держимся". Затем он сказал: "День имеет 12 часов и месяц 30 дней, и год 12 месяцев, и крайний срок жизни — 100 лет; как скоро час превращается в день, и день в месяц, и месяц в год, и год в жизнь человека!" И ушел он, и все повторял, и вспоминал, и вновь произносил эти слова. Потом он всю ночь провел без сна. И было у него сердце чуткое, так что он ничего не мог забыть или чем-нибудь пренебречь. И одолели его печаль и забота, и отвратилась душа его от мира сего и его страстей. И вместе с тем он был ласков к отцу своему и говорил при нем и рассуждал так, чтобы ему это приходилось по душе и нравилось. И прислушивался он ко всякому говорившему, стремясь добыть то, в чем было бы его спасение, или услышать что-нибудь такое, что указало бы ему на другую веру, чем та, которой он держался.³⁵

Потом он однажды был наедине со своим воспитателем, которому он раскрыл то, что скрывал, и сказал ему: "Знаешь ли ты между людьми кого-нибудь, закон которого был бы не такой, как наше это состояние?" Сказал воспитатель: "Были люди, которых называют отшельниками и которые отвергают мир сей и ищут царствия небесного и блаженства будущей жизни. У них есть учение и наука; я не знаю, в чем она состоит, но только люди враждовали с ними

и ненавидели их, и ругали их, и стреляли в них из одного лука, и преследовали их враждой и ненавистью, и возненавидел их царь, и изгнал их из своих стран и своего государства, и сжег их в огне, и не знаем мы теперь в нашей стране ни одного из них". И опечалился Будасф, когда услышал это, и было продолжительно его горе и его печаль, и был он подобен человеку, который ищет пропавшее у него животное, без которого он обойтись не может.

И разошлась весть о нем во всех странах, и прославился он своей красотой и своим совершенством, и своим умом, и своей понятливостью, и воздержностью своей от благ мира сего, которые были презренны для него.

И когда отец его увидел ту печаль и то горе, которые не отходили от него, и что он ищет знания и мудрости и что он находит удовольствие во всяком рассказе, в котором упоминается о будущей жизни, он приказал ввести его к своим женам. И приказал он им соблазнять его и искушать сладостью женской речи, и приносить жемчуг и яхонты, и изумруды, и платья парчевые и шелковые, и одежды царские, и класть это перед ним, шутить с ним и заигрывать с ним, чтобы соблазнить его. И было все это собрано для него, но он не посмотрел ни на это, ни на них. И позвал царь тогда жрецов и звездочетов и спросил их об его положении и его деле. И сказал один из них: "О царь! Этот юноша никогда не привяжется к чему-нибудь из благ мира сего, пока не прольет крови".

И приказал царь привести овцу и нож, и вошел к своим женам, и повел юношу с собой к матери юноши, и они оба сказали ему: "Мы желаем, чтобы ты для нас заколол эту овцу, о сын наш!" И сказал им юноша: "Где же у вас слуги? Пусть избавят они меня от этой тягости. И что побудило вас обоих к тому, что я вижу?" Они сказали: "Наши боги облагодетельствовали нас и в виде милости даровали нам тебя. И мы ждали бы поесть от заколотого тобой жертвенного животного". Сказал Будасф: "Избавьте меня от этого, ибо я жалею и боюсь этого и могу согрешить". Они сказали: "На тебе нет греха в этом. Мы возмем на себя грех, и ты будешь свободен от бремени его". И когда они упорно потребовали от него, то юноша сказал: "Если вы мне поручаетесь, что избавите меня от бремени его, то я это сделаю для вашего удовольствия". И свернул он рукав свой, и взял концы платья своего и заткнул их за свой пояс, и уложил овцу, и сказал своему

отцу: "Держи ее за голову". И сказал матери своей: "Держи ее за ноги". И взял он нож правой рукой и положил левую свою руку под шею овцы на землю. Потом он ударил ножом, как будто желая заколоть овцу, по левой руке своей. И вонзился нож в руку его, и он упал в обморок. И вскрикнул отец его, и ударила мать его себя по лицу, и очнулся юноша. И извлекли нож из руки его, и сказал юноша: "О отец мой! Я поражен страданием; облегчи ту боль и печаль, которые я ощущаю". Сказал ему отец его: "О сын мой! Терпи, ибо ты будешь исцелен скоро, и отойдет от тебя та боль, которую ты чувствуешь". Сказал юноша: "Сзови для меня врачей, дабы они исцелили меня в сей же час". Сказал его отец: "Этого я не могу". Он сказал: "О отец мой! Так понеси за меня часть боли, которую я ощущаю". Он сказал: "Я не нахожу пути к этому". Тогда рассмеялся юноша и сказал: "О царь, тогда не обманывай меня словом твоим, что ты понесешь за меня грех от этого и бремя его, когда ты при всей власти твоей не в состоянии исцелить меня от боли маленького ножа. И каким образом можешь ты отстранить от меня огонь зажженный и геенну пылающую, когда ты будешь один, одинок, когда царства твоего ты будешь лишен и оставишь его другому, и власть твоя уничтожится, и войска твои рассеются, и войны твои погибнут, и ты будешь разлучен со своими сокровищами и сокровищницами, и будешь звать и не услышишь ответа, и будешь молить о помощи и не получишь помощи, и пойдешь к делам своим, которые ты выслал вперед. И не будет тебе тогда заботы, кроме заботы о самом себе. И сказано ведь было, что все наслаждения, которые получают люди мира сего до самого конца его, не сравняются с одним часом мучения в огне, уготовленном для людей мира сего в будущей жизни". И излечился юноша от раны на руке его и выздоровел.

И распространилась весть о нем во всех странах, и прославился он своей красотой, и своим совершенством, и своим умом, и своей понятливостью, и воздержностью своею от благ мира сего, которые были презренны для него.¹

И дошла весть о нем до одного мужа из отшельников, из жителей Серендиба, имя которому было Билаухар,

¹ В оригинале фраза повторяется почти буквально в тех же выражениях, как и несколькими страницами выше.

и он сказал: „Я непременно дойду до этого живого, заключенного между мертвыми, и выведу его от них“. И поехал он морем и дошел до земли Шавилабатт и направился к дверям дома Будасфа, сына царя, сбросив с себя одежду отшельников и надев одежду купцов.

И приходил он к дверям дома Будасфа несколько дней, пока не узнал домашних и любимцев и вхожих. И когда выяснил он себе положение их, он узнал сан воспитателя, доверенного Будасфа, и любовь его к нему и почтение его к нему. И подлаживался он к нему весьма усердно, так что добился от него свидания наедине, и представился ему случай, и он сказал: „Я муж из купцов Серендиба, я пришел несколько дней тому назад с дорогим товаром громадной ценности и искал, кому мне довериться, и на тебя пал мой выбор, а товар мой лучше красной серы: он делает слепых зрячими и исцеляет от болезней, и делает глухих слышащими, и укрепляет слабых, и охраняет от сумасшествия, и помогает против врага; и я не вижу никого, кто заслуживал бы его более, чем этот юноша, и я надеюсь, что достигну и добуду благодаря ему от него то, что мне нужно. И если он мне нужен, то введи меня к нему, и я его ему принесу. И если бы он посмотрел на него, то его преимущество не осталось бы скрытым для него“. Сказал воспитатель: „Ты, поистине, говоришь нечто удивительное, чего мы до тебя ни от кого не слышали. И не вижу я в тебе дурного, но подобный мне не скажет о том, чего он не знает и о чем он не ведаёт, что оно такое. Поэтому давай покажи мне твой товар, чтобы я посмотрел на него. И если я увижу нечто, о чем мне следует доложить ему, я ему доложу о нем. Ибо не было бы красиво упомянуть сыну царя о деле, возвеличивая в его глазах его значение, если потом он не увидит подтверждения этому при испытании воочию“. Сказал купец: „Знай, что я врач и я вижу в твоём глазу слабость и я боюсь, если ты согласишься на этот драгоценный камень, как бы он не ослепил твой глаз. Но я знаю, что сын царя здоров глазами, молод годами, и я не боюсь, чтобы его постиг с моей стороны какой-либо изъязн или обман; он ведь только посмотрит на мой товар и если увидит нечто нравящееся ему, оно будет ему дано за то, что следует; в противном случае ему не будет ни убытка, ни потери, ни вреда. Дело же это — существенное, важное по значению, и ты не в состоянии лишить его его, и скрыть его от него, и не допускать его до него“.

И пошел тогда воспитатель к Будасфу и сообщил ему сведения об этом муже. И почуяло сердце Будасфа, что он теперь добыл то, что ему нужно, и он сказал ему: „Поспешивести этого человека, и пусть будет это ночью в глубокой тайне, ибо к подобному делу нельзя относиться легкомысленно“.

И приказал воспитатель Билаухару приготовиться ко входу к Будасфу. И взял Билаухар ларец, в котором у него лежали книги,¹ и сказал: „Мой товар в этом ларце“. И пошел с ним воспитатель и ввел его к нему. И приветствовал его Билаухар, и ответил ему Будасф милостиво. И ушел воспитатель, и сел Билаухар. И началом беседы Билаухара с ним было, что он сказал Будасфу: „Я видел, о сын царя, что в твоём приветствии мне ты сказал больше, чем ты обыкновенно делаешь с великими из людей твоей земли и благородными из стран твоего царства“. И сказал Будасф: „Это по причине великой надежды, которую я возлагаю на тебя“. Сказал Билаухар: „Поистине, если ты так сделал, то уже

Был в одной стране и области некий муж из царей. И знал он истину, и призывал к ней, и надеялся на воздаяние от нее. И когда он в один из дней шествовал среди свиты своей и отрядов своих, он вдруг натолкнулся на двух мужей, шедших пешком с босыми ногами; платье их было рубище, и на них следы бедности и нужды. И когда посмотрел на них царь, он не мог совладать с собой, и с лошади своей пал ниц на землю, и поклонился им, и протянул им руку, и обнял их. И сильно опечалились по этому поводу его спутники⁴¹ и порицали его. И пошли везиры его к одному его брату, который был смел в беседе с ним, и сказали ему: „Царь сегодня унизил себя и опозорил людей царства своего, так как с лошади своей пал ниц на землю перед двумя презренными бедными мужами“, — и потребовали от него, чтобы он упрекнул его за это и выразил ему порицание, дабы он не повторял подобного. И сделал брат царя то, о чем они его просили, и упрекал его. И когда он кончил свою речь, о которой он позаботился и к которой приготовился, царь ответил ему что-то, и он ушел, не зная, разгневан царь или доволен тем, с чем он

¹ Интересно упоминание про книги, о которых потом нет речи.

к нему обратился. А когда прошло несколько дней после этого, царь приказал глашатаю смерти возгласить у ворот дома его брата и бить в барабан смерти на его дворе — таков был его образ действия с теми, которых он хотел казнить. И поднялись плакальщицы и рыдальщицы в доме брата царя, и надел брат царя савану, и пошел к воротам дома царя, плача и вырывая бороду свою и волосы свои. И когда это дошло до царя, он приказал ввести его. И когда он увидел царя, он пал ниц на землю и возласил: «О горе!» и поднял руки свои в смиренной мольбе к царю. Сказал ему царь: «О чем ты печалишься, о глупец?» Он сказал: «Почему ты порицаешь меня, о царь, за то, что я печалюсь, когда ты сам объявляешь мне о смерти?» Сказал ему царь: «Неужели ты печалишься из-за глашатая, возглашающего у дверей твоих о приказании твари, не творца, когда я — брат твой, и ты знаешь, что у тебя нет предмною греха, за который я мог бы убить тебя? А между тем, ты порицаешь меня за то, что я убоялся глашатая господя моего, когда посмотрел на него, так что пал ниц на землю, скорбя от напоминания о смерти, которая мне была объявлена с того дня, когда я родился, и я притом боюсь за грехи, которые я знаю за собой. И ступай теперь, ибо тебя подослали и направили ко мне везиры, и они узнают свою ошибку».

Потом царь приказал сделать четыре сундука из дерева и два из них покрыть золотом и два смолою. И когда он покончил с ними, он приказал наполнить два осмоленные сундука золотом и серебром, и яхонтами, и жемчугом, и изумрудом, и перлами. Потом он приказал наполнить два сундука, покрытые золотом, падалью и навозом, и кровью, и мертвечиной, и волосами. Потом он приказал закрыть сундуки и приказал собрать везирей, сановников и вельмож, о которых он думал, что они не одобрили его образа действия с теми двумя 43 мужами, показал им четыре сундука и приказал им оценить их. И они сказали: «О царь, по нашему поверхностному взгляду нет цены двум золоченым сундукам и нельзя указать их стоимости и нельзя скрыть их 44 преимущества и великолепия и красоты, а что касается двух осмоленных сундуков, то у них нет ценности из-за их безобразия и малости и ничтожности содержания, и они не стоят ничего». Сказал царь: «Конечно!

Таково ваше решение по наружному виду дел и такова мера вашего понимания их». Потом он приказал снять доски с двух осмоленных сундуков, и весь дом осветился, благодаря находившимся в них драгоценным камням и жемчугу, и яхонту, и изумруду, и он сказал: «Вот подобие тех двух мужей, которых вы презрели за одежду и наружный вид и положение. А между тем они полны знания и мудрости, и благочестия, и правдивости, и других добродетелей, которые лучше и ценнее жемчуга и яхонта, и драгоценных камней, и изумруда, и золота». Потом он приказал снять некоторые доски с двух золоченых сундуков, и содрогнулись люди от вида их и пострадали от запаха их. И сказал царь: «Вот подобие людей, украшающих себя снаружи одеждой и драгоценностями; тогда как нутро их полно невежества и обмана, и зависти, и изменности, и уныния, и лжи, и жадности, и злобы, и других пороков, которые гнуснее и гаже и грязнее падали и крови 44 и навоза». Сказали те люди: «Мы получили нравоучение и убедились и поняли ошибочность того, что мы сделали, и преимущество того, что ты сделал, о царь!»

Потом сказал Билаухар: „Вот подобие твое, о сын царя, в том привете и той радости, с которыми ты меня встретил“. И когда Будасф это услышал от Билаухара, он встал пред ним и сказал: „Теперь я убедился, что найду то, что мне нужно. Итак, скажи мне еще притчу“.¹ Сказал Билаухар: „Лучшее знание то, которое ведет к познанию бога всевышнего и к совершению добрых дел; уразумей же то, что я скажу тебе.“

Сеятель вышел с добрым семенем своим, чтобы посеять его. И когда он наполнил горсть свою им и разбросал его, часть его упала на край дороги, и сейчас же подобрали его птицы. И упала часть его на скалу, которую покрывала вода и влажность и глина, и когда оно проросло, корни его дошли до сухой скалы, и оно умирает. И упала часть его на землю, полную терния, и когда оно дало колос и готово было созреть, терние задушило его и умертвило его. И немно-

¹ В тексте прибавлено: „Притча о семени и его росте“. Эти слова внесены, очевидно, переписчиком с полей.

гое из него упало на землю добрую, очищенную, и уцелело, и взошло, и поспело, и поднялось. И объяснение этого, о сын царя, таково, что сеятель — это носитель мудрости и доброе семя — слово истины. И то, что упало на край дороги так, что его поклевала птица, — это то, которое едва только оно дойдет до слуха — пройдет мимо. А то, что упало на влажную скалу и потом засохло, когда корни его дошли до скалы, — это то, которое слушающий, когда услышит его, на некоторое время считает сладким, пока сердце его не занято, и которое он понимает разумом своим, но которое он не закрепляет ни памятью, ни волей, ни умом. А то, что выросло и почти уже дало плод и потом было погублено тернием, это — то, которое слушающий его воспринял и уразумел, но которое, когда наступило время дела, а оно плод его, было задушено страстями и загублено ими. А то, что упало на землю добрую и уцелело, и взошло, и поспело, это то, которое глаз себе добыл и слух воспринял и сердце удержало и которому твердое решение укротить страсти и очистить сердце от грязи и действовать сообразно ему дало силу проникновения“.

Сказал Будасф: „Я надеюсь, что то, что ты посеешь во мне, будет из того, что уцелеет и взойдет, и поднимется и поспеет. Итак, сделай то, что мне нужно“. Сказал Билаухар:

„Врач-друг, когда видит тело, истощенное дурными составами и желает укрепить и утучнить его, не начинает давать ему пищу, от которой бывает мясо и сила, зная, что введение пищи при дурных составах не принесет им пользы или силы. Напротив, он начнет давать ему такие лекарства, которыми он уменьшит в нем дурные составы и которыми он очистит сосуды его тела и жилы его, и когда он с этим покончит, то он пойдет к нему с той пищей и с тем питьем, которые для него хороши. Тогда найдет он пользу от пищи и понесет мясо и жир, и увеличится сила его. Таково земля, которая засеивается. Ибо, если хозяин ее не начнет с очищения ее от терния и рытья каналов для нее и осушения болот и потом не выберет для нее лучшие семена, которые он может только добыть, и не посеет их в свое время и срок, и не сумеет оберечь от опас

ностей вредящих им, как то: от птиц воздуха и насекомых земли и тому подобного, и не озаботится непременно орошать семя, когда оно жаждет этого, — не взойдет это семя. Если же оно взойдет, оно не поднимется, и труд посеявшего его окажется пропавшим, и заботливость его уничтоженной, и надежда его обманутой, и упование его пресеченным, и останутся семена его израсходованными им“.

Сказал Будасф; „Скажи мне притчу о мире сем и ослепленности его приверженцев в нем“. Сказал Билаухар:

„Говорят, что некий муж вышел в пустыню. И когда он шел там, понесся на него разъяренный слон, и повернул тот муж, бегом спаясь от него. И преследовал его слон до наступления ночи и принудил его искать убежища в колодце, и он спустился в него и уцепился за две ветви, росших на краю его, и утвердились ноги его на чем-то, что давало им опору на боковой стенке колодца. И когда наступило утро, он посмотрел на те две ветви, и вот на корне их оказались две мыши, одна белая, другая черная, грызущие неустанно те две ветви. И посмотрел он на то, что было под его ногами, и вот там он увидел четырех змей, высовывавших головы свои из нор своих. И посмотрел он на дно колодца, и вот там он увидел дракона, раскрывшего пасть свою, ожидавшего, когда он его проглотит. Потом он поднял голову свою на те две ветви и увидел на самой верхушке их немного пчелиного меду. Тогда он приблизил ветви ко рту своему и попробовал немного сладости того меда. И тогда та сладость, которую он нашел в том, чего он вкушал, при всей кратковременности этого наслаждения, отвлекла его от заботы и думы о двух ветвях, за которые он уцепился, хотя он и видел ясно, как две мыши торопились с ними, и о тех четырех змеях, на которых он опирался, не зная, когда одна из них возъярится на него, и о драконе, раскрывшем пасть, хотя он и не знал, каково ему придется, когда он упадет в его пасть. Колодец — мир сей, преисполненный бедствиями и испытаниями; две ветви — жизнь эта, достойная порицания; две мыши: белая — день и черная — ночь, и их торопливость над ветвями — скорое течение дней и ночей в сроках; четыре змеи — составы

тела, которые — яды убивающие; дракон, раскрывший пасть для поглощения его, — смерть стерегущая; слон — предел жизни, настигающий его, а мед — ослепленность ослепленного малой долей наслаждений, которой достигают люди в земной жизни своей“.

Будасф сказал: „Притча, поистине, дивная и сравнение, поистине, верно. Итак, скажи мне еще притчу о мире сем и приверженце его, ослепленном в нем тем, что бесполезно, и пренебрегающем тем, от чего он получил бы пользу“.

Сказал Билаухар:

„Рассказывают, что у одного человека было три друга: первого он любил больше самого себя и день свой и ночь свою заботился о нем и подвергался страху и опасностям из-за него, не ослабевая в своем попечении о нем и не тяготясь приносить в жертву ему свою жизнь и свое имущество. Второй был по степени ниже первого, но тем не менее был ему любезен, дорог, близок, так что он его почитал и ласкал, и ему услуги оказывал, и его одаривал, и не переставал заботиться о нем: он трудился ради него и доходил до крайнего предела снискивания его расположения с лаской и почетом, так что стал у него предметом любви и ничего в его глазах не было дороже его и ни с кем он не был так ласков, как с ним. Третий же был им обижаем, он им тяготился, пренебрегал им, из своих трудов и любви и имущества ему он уделял только самую малую часть, почти не посещал его, разве только от времени до времени. А когда постигло этого мужа такое событие, при котором человек нуждается в своих друзьях и товарищах — близких и пришли гонимы царя, чтобы увести его к нему, он в испуге прибежал к первому своему другу и сказал ему: «Ты знаешь мою любовь к тебе и знаешь, что я жертвовал собой для тебя и подвергался опасностям ради тебя. И вот сегодня тот день, когда я нуждаюсь в тебе, и что ты сделаешь мне?» Он сказал ему: «Я тебе не друг, и у меня есть друзья, которые отвлекают меня от тебя и которые мне ближе тебя. Но я, может быть, снабжу тебя платьями, которыми ты воспользуешься». Потом он в испуге прибежал ко второму своему другу, который его любил и ласкал, и сказал ему: «Что ты для меня сделаешь, ибо я не

переставал трудиться для тебя, а сегодня день, когда я нуждаюсь в тебе?» И сказал он ему: «Собственное мое дело отвлекает меня от тебя и от твоего дела. Поэтому сделай как знаешь, и знай, что между мной и тобой прекратились сношения и что мой путь не твой путь, но я, может быть, провожу тебя несколько шагов. Потом вернусь». Потом он обратился к третьему своему другу, на которого он не обращал внимания в дни своего благополучия, и сказал ему: «Я, право, стыжусь, что так долго обижал тебя, но теперь нужда привела меня к тебе, — и что ты сделаешь для меня?» Он сказал ему: «Я тебя оберегу и останусь неотлучно при тебе и не перестану заботиться о тебе, ибо я друг твой, помимо других друзей, который не выдаст тебя и не покинет тебя и не изменит тебе. И да не пугает тебя и не заботит тебя, что ты раньше мало мне давал, ибо я все это для тебя сберег и для тебя умножил. Потом я не удовольствовался этим и принялся торговать им и нажил для тебя большие барыши, и теперь у меня твоего добра есть во много раз больше, чем ты мне оставил. И я надеюсь, что этим можно удовлетворить царя и спасти тебя. Итак, ступай, ибо я с тобой». И сказал муж: «Не знаю я, по поводу которого из двух дел мне следует больше горевать и каяться: по поводу ли моего пренебрежения истинным другом или старания моего в пользу дурного друга?»“.

Сказал Билаухар: „Первый друг — богатство, второй друг — семья и дети, третий друг — дела человека“. Сказал Будасф: „Это есть истина. И скажи мне притчу о мире сем и приверженце его, ослепленном им“. Сказал Билаухар:

„Рассказывают, что жители одного города приводили чужого человека, незнакомого с их делами, и ставили его царем над собой и поручали ему дела свои. И тот не сомневался, что это его царствование над ними будет постоянным, так как он не знал их. А таков был их обычай. И не оставляли они его царем над собою дольше одного года, потом они переменяли его. И не сомневался тот, который царствовал над ними, по причине своего незнакомства с ними, в том, что царствование его над ними будет постоянным. И когда кончался ему один год и он находился в самом благодушном

настроении, они его выгоняли из своей среды и своего города голым, обнаженным, лишенным всего — он попал в нужду и горе и бздствия, не помышляя раньше в думах, что они его выгонят из царства. И таким образом протекшее его царствование становилось для него наказанием и горем, и несчастием, и притеснением. Потом обитатели этого города раз взяли среди тех, которых они брали, одного сметливого мужа, обладавшего умом и совестью и мудростью, знакомого с миром сим и с делами его; и поставили они его царем над собою. И когда тот муж заметил свое одиночество среди них, он не старался привыкать к ним и стал искать между ними человека, сведущего в их делах, чтобы расспросить его об обстоятельствах того города и его жителей. И не уставал он искать такого, пока не нашел одного человека. И он спросил его, и тот сообщил ему тайну тех людей и их действия, и предостерегал его, и посоветовал ему, чтобы он посмотрел на то имущество, которое у него в руках, и сберегал бы из него постепенно, что только ему возможно было, и складывал бы это в том месте, куда его изгонят; тогда он, когда будет изгнан, окажется в достатке и благосостоянии благодаря тому, что он приготовил заранее и отложил. И он сделал так и достиг в этом успеха после тяжелого труда своего дела.

И ты, о сын царя, подобен тому мужу, который не свыкался с своим одиночеством и не ослеплен был своею властью и расспросил об обстоятельствах тех людей и обстоятельствах города, а я — тот муж, которого он искал, и для тебя у меня готово руководство и помощь“.

Сказал Будасф: „Ты прав и ты — та заблудившаяся верблюдца, которую я отыскал. И опиши мне теперь дело будущей жизни. Что же касается отречения от мира сего, то я не переставал отрекаться от него и ненавидеть его и презирать его, и не переставало дело его в моих глазах быть жалким, ненавистным“.

Сказал Билаухар: „Отречение от мира сего есть ключ от стремления к будущей жизни. А кто стремится к ней — достигнет ее и войдет в царствие ее. И каким образом не отречется от мира сего подобный тебе, когда ты одарен таким умом, каким ты одарен, и когда ты видишь, что мир сей весь — обитель обиды и вражды, и злобы, и греховности,

и что благороднейшая тварь в нем — этот жалкий человек, часть которого видна и другая часть которого не видима. Невидимая же часть его преисполнена глупости и заблуждения, и скорби, и болезни, и горя, и греха, и лжи, и гнева, и ярости, и насилия, и зависти, и зла, и печали, и жадности, и нищеты, и губительной страсти, и погибельного увлечения, и любви к идолам, и ненависти к мудрости, и веры в дьявола, и неверия в всемирного, и силы для греха, и вражды, и слабости для добродетели и благочестия. Что же касается видимой части его, то он — слабейшее из существ и наиболее проникнутое мраком, и наименее устойчивее по зловонию и гадости и грязи, и наиболее погибающее от бедствий. И ты видишь, что мир сей весь стремится собрать силы против этого нашего тела. А это самое тело не имеет ни крепости, ни силы сопротивления: жара растопляет его и холод сковывает его, и самум прожигает его, и вода потопляет его, и яд сжигает его, и гады разрывают его, и звери раздирают его, и железо рассекает его, и разрыв раздробляет его, и колдовство изменяет его. И оно по самой природе своей замешано с разного рода болезнями и болястями, и болями, и недугами, так что оно как бы в залоге у них, в ожидании их, не надеясь на долгое спасение и невредимость от них, так как оно состоит из четырех составов, которые друг с другом не сходятся. Засим оно подвержено семи опасностям, от которых никто не спасется, когда раз с ними соединяются обе желчи и кровь и флегма: жару и холоду, и голоду, и жажде, и страху, и болезни, и смерти. Что же касается того дела будущей жизни, описания которого ты у меня просишь, то я истинно надеюсь, что ты найдешь то из него близким, что ты искал далеким, и легким то, что ты считал трудным, и многим то, что ты предполагал малым“.

Сказал Будасф: „Думаешь ли ты, что те люди, которых, как до меня дошло, мой отец изгонял и сжигал в огне, — твои единомышленники или нет?“ Сказал Билаухар: „Да“.

Сказал Будасф: „До меня дошло, что люди все согласились враждовать с ними и клеветать на них, и бранить, и убивать, и сжигать их“.

Сказал Билаухар: „Что касается клевет на них, то что могут они сказать о людях, которые говорят правду и не лгут и которые знают и не невежественны, и воздерживаются и не обижают, и молятся и не спят, и постятся и не нарушают поста, и подвергаются испытанию и пере-

носят его терпеливо, и благодушно обходятся без имущества и семьи и которых люди не боятся, оберегая свои имущества и свои семьи“.

Сказал Будасф: „Как это так? Ведь все согласны и единодушны во вражде своей к ним, а между тем люди между собою расходятся“. Сказал Билаухар:

„Они в этом похожи на собак, которые собрались около падали, разных мастей и пород, раздирая ее и дерясь из-за нее и лая друг на друга. И пока они еще грызлись из-за падали, проходил мимо них человек. И оставили они тогда друг друга и бросились на человека и залаяли на него и кусали его все, помогая друг другу против него, хотя они были между собой во вражде и хотя человеку не была нужна их падаль и он не хотел оспаривать ее у них. Но им не понравилось то, что он чужой среди них, и побоялись они его, а друг к другу привыкли.“

56 Падаль уподобляется благам мира сего и породе собак, которые из-за нее дрались, различным разрядам людей, как то: идолопоклонникам и другим, которые ищут только мира сего и борются из-за него и проливают кровь из-за него, и не насыщаются им, и не ищут ничего, кроме него. Муж ее, против которого собрались собаки, хотя он и не нуждается в их падали, — обладающий верой, который отверг мир сей и вышел из него и ни у кого не оспаривает его и который не мешает людям лаять на него потому, что он чужой между ними.“

И какое чудо удивительнее того, что люди, у которых нет другой заботы, кроме мира сего и борьбы из-за него друг с другом, когда увидят того, кто оставил все это в их руках и вышел из него и передал его им, становятся к такому человеку более враждебными и более склонными к борьбе с ним и ссоре с ним и ненависти к нему, чем к тому, кто оспаривает его у них и борется с ними из-за него. И какой довод несообразнее того, что ссорящиеся между собой помогают друг другу во вражде с тем, против кого они не имеют никакого довода. И, таким образом, стремление людей мира сего к нему есть отречение от него“.

Сказал Будасф: „Скажи мне, о Билаухар, какую пищу и какое питье ты принимаешь?“

Сказал Билаухар: „Та пища, которою я питаюсь и к которой я приучил себя, — самое меньшее количество запаса, какое только для меня достаточно; им я довольствуюсь и удовлетворяюсь. И не требуй другой и не спорь со мной из-за другого.“

Рассказывают, что один из царей имел большое царство, много войск и имущества. Потом ему пришла мысль повоевать с другим царем, чтобы присоединить к своему царству еще царство и к своему имуществу еще имущество. И пошел он на него с сокровищницами и обозом, и женщинами, и детьми, и конницею, и слонами, и запасами, и вышел против него его враг. И они встретились. И захватили они его войско и победили его, и бежал он с теми, которые бежали, и погнал своих детей и жен и маленьких своих ребят пред собою и к вечеру пришел к заросли на берегу реки и вошел в нее, и при нем его жены и дети, а лошадей своих он отпустил на свободу, боясь, что они укажут его убежище. И переночевали они в камышах, слыша стук лошадиных копыт со всех сторон. И на другое утро он оказался в положении человека, который не может двинуться с места: через реку он не мог перейти и в чистое поле он не мог выйти из-за врага; сам же он находился в месте, тесном для него, терпел от сырости и холода, и голода, и страха. И не было у него пищи, и малые дети его были голодны и плакали. И пробыл он так два дня. Потом одно его дитя умерло с голода, и они бросили его в реку, и провели в таком положении еще день. И тогда муж этот сказал своей жене: «Мы все близки к гибели, и право лучше, чтобы некоторые из нас спаслись и некоторые погибли, чем всем нам погибнуть. И правильный образ действия требует от нас поспешить убиением одного из наших детей, чтобы оно послужило пищей нам и остальным нашим детям, до тех пор, пока бог не дарует нам облегчения. Ибо, если мы отложим это, дети наши ослабеют, так что не будет нам пользы от их мяса, и мы сами ослабеем так, что не будем в состоянии двигаться, когда найдем путь к выходу». И согласилась с ним жена его, и они закололи одного из детей своих и положили его между собой, отрывая себе от него куски.

И как ты думаешь, о сын царя, об этом царе; какую еду он ел, еду ли прожорливого и надменного или еду нуждой придавленного, озабоченного?

Сказал Будасф: „Конечно, еду нуждой придавленного, озабоченного“.

Сказал Билаухар: „И точно так же моя еда и мое питье в мире сем такого же рода“.

Сказал Будасф: „Думаешь ли ты, что это дело, к которому ты меня призываешь, есть нечто такое, что люди обсуждали своим умом и потом предпочли всякому другому, или оно имеет другое какое-нибудь основание?“

Сказал Билаухар: „Это слишком велико и важно и чудесно, чтобы быть из дел людей земли и чтобы быть придуманным их рассуждением. И если бы оно было делом ума людей земли и плодом их рассуждения, то оно призывало бы их к благам ее и возделыванию ее, как то к еде ее, и питью ее, и наслаждениям ее, и красоте ее, и брачному сожителю ее, и одежде ее, и делам ее, и страстям ее, и игре ее, и забаве ее, но оно есть дело чуждое ей и противоположное ей: оно есть призыв от бога великого и славного, свет сверкающий и водительство прямое, разрушающее у людей мира сего их дела и их наслаждения и их страсти“.

Сказал Будасф: „Знаешь ли ты теперь кого-нибудь из людей, кто бы призывал к этому отречению от мира сего и стремлению к будущему, кроме вас?“

Сказал Билаухар: „В нашей стране — нет, а среди других народов есть люди, которые приывают к отречению от мира сего, и люди, которые приписывают себе веру“.

Сказал Будасф: „Что же сделало вас более близкими к истине, чем они, и разве не дошло до вас это дело, чуждое миру сему оттуда же, откуда оно до них дошло?“

Сказал Билаухар: „Истина пришла от бога великого и славного, и бог призвал рабов своих к ней. И приняли ее некоторые по правде ее и праву ее, и условиям ее, и не приняли ее другие, и не было у них твердого стремления к ней, и не лежало их сердце к действию сообразно с ней. И они потеряли ее и сочли ее слишком тяжелой. А ведь потерявший не равен охраняющему, и портящий не равен приводящему в порядок, и терпеливый не равен отчаявшемуся. И оттого-то мы более достойны и ближе к ней, чем они“.

Потом Билаухар сказал еще: „Нет никого, на устах которого текут речи об отречении от мира сего и призыв к стремлению к будущей жизни, который не взял бы это от того же корня призыва к истине, от которого мы это взяли. Но разделяют нас от них разные вещи, которые они сочинили потому, что они следовали миру сему и его наслаждениям. Дело в том, что корень призыва к истине не переставал являться с течением времени, и истина обнаруживалась через пророков бога великого и славного и послов его — да будет мир над ними — в века прошедшие, древние, на разных языках. И для каждого призыва был свой путь и был дан правильный крепкий устав. И впоследствии его принимали люди недостойные его и вводили в него новшества, несогласные с корнями, так что они отклоняли устав от верного направления и нарушили правильный путь его. А между тем истина твердо установлена, ясна. Но они при всем этом цепляются за имя ее и учение ее и исповедание ее; они знают некоторые условия ее и описывают ее словами, и это и есть то, что осталось на устах спорящих с нами из-за нее людей отречения от мира сего и стремления к будущей жизни. Это есть один из следов тех твердо установленных истинных корней, на которых мы стоим. Затем нас от них отличает совпадение их описания с нашим и противоположность поступков в действии и жизни. И никогда мы с кем-нибудь из них не спорим без того, чтобы в нашу пользу не говорили ясные доказательства и правдивые свидетели их оставшихся у них в руках писаний и законоположений, которые они признают ниспосланными от бога и которыми мы ясно доказываем всякому, кто исповедует слово мудрости, что это слово говорит именно в нашу пользу и что оно именно и отделяет нас от него и свидетельствует за нас тем, что оно согласно с нашим толкованием и нашими делами, и действиями, и образом жизни, а против них свидетельствует тем, что противоречит их учению и образу жизни и действиям. Итак, они из Писания знают только описание, и из веры только имя ее и не основываются ни на чем до тех пор, пока не восстановят этого“.

Сказал Будасф: „А почему пророки и послы являются, как ты утверждаешь и описываешь, от времени и до времени и потом исчезают, и исчезает у людей знание их, так что стираются их следы и забываются их учения, и становятся неизвестными их постановления?“ Сказал Билаухар:

„Разве ты не видишь, как владелец сада обрабатывает его и готовится почву и засаживает его и сеет в нем разного рода семена и разного вида растения и разного сорта цветы, а потом всю зиму проводит, не входя в сад. А когда настанет весна и зазеленеют деревья, и распустятся цветы, и появятся травы, и покажутся плоды, тогда владелец сада войдет в сад, затем направится в ту сторону, где есть то, что ему нужно, и возьмет сколько ему нужно плодов и цветов. И точно так же пророки и послы приходят за тем, что им нужно от времени до времени, и у каждого времени бывает то, что от него нужно, как во время весны и осени цветы и плоды“.

Сказал Будасф: „Пророки и послы, когда приходят, направляются ли только к желанным ими, к которым они устремляются со своей проповедью, или же со своей проповедью обращаются и к тем, кто ей внимлет, и к тем, кто ей не внимлет, и знают ли они, кто ей будет внимать и принимать закон, который они приносят с собой?“

Сказал Билаухар: „Выслушай притчу, которую я тебе расскажу:

„Говорят, что на одном берегу морском жила птица, которая называлась Кадим и которая несла много яиц. И совпадало это с таким временем, когда море бушевало и волнение усиливалось так, что доступ ей к этому берегу становился трудным. И приходилось этой птице неизбежно отыскивать себе другое место, пока не пройдет это время, и не убудет вода. И тогда она брала свои яйца и распределяла их по гнездам других птиц и по их убежищам, по одному яйцу среди яиц каждого рода птиц. И те птицы высидывали ее яйцо вместе с своими яйцами и выводили ее птенца вместе со своими птенцами. А когда настало время, что та птица, называемая Кадим, возвращалась на свое место на берегу, она пролетала ночью мимо гнезд и убежищ тех птиц и подавала голос свой своим птенцам и другим. И когда ее птенцы слышали ее крик, они собирались к ней тотчас же, как только слышали ее крик. Другие же птенцы не обращали внимания на него и не отвечали на него. И точно так же пророки и послы — да будет над ними мир — обращаются со своей проповедью ко

всем людям, а внимлют им и принимают то, что они приносят, только те из них, которые к ним принадлежат; отвращаются же от них и противодействуют им те, которые к ним не принадлежат“.

Сказал Будасф: „А как ты думаешь о том, что приносят с собой пророки и послы, так как ты утверждаешь, что оно не есть речь человеческая, или дело человеческого рассуждения — есть ли оно слово бога, да будет он вознесен и возвеличен, и слово его ангелов, да будет над ними мир?“

Сказал Билаухар: „Мы видим, что

Люди, когда они хотят дать понять некоторым животным и птицам, чего они от них требуют, будь то быстрый их бег или замедление его, или остановка их, или движение их, или направление их вперед, или направление их назад, находят, что животные и птицы не усваивают той их речи, которая служит их речью и языком в сношениях между собой и с другими людьми. И тогда они придумывают для них разного рода крики и шелканье и свист, которыми они достигают своей цели, вразумляя их, и знают, что они выносят и понимают их речь только таким образом. И точно так же и люди не в состоянии переносить речь бога, великого и славного, и речь его ангелов во всей ее истине и тонкости, и сущности, и сути, и многозначительности; это было стеснительно. И вот те звуки на языках плоти и крови, которыми они воспринимают мудрость и с которыми они обращаются друг к другу, становятся проводниками к ним, подобно звукам крика и шелканья, которые животные слышат от людей и запоминают от них.

И это и есть та мудрость, которую бог, великий и славный, хочет им сообщить на языках пророков, подобно тем звукам шелканья и свиста и крика, которые животные слышат от людей. И это не мешает мыслям мудрости, сокровенным в этих звуках, быть от мудрости бога великого и славного, и содержать то, что он пожелал сообщить им о своем благоволении и своем гневе. И речь эта становится возвышенной, благодаря возвышенности ее, и величественной, благодаря величественности ее, и великой, благодаря величию ее. И будет звук для мудрости телом и обителью,

65 а мудрость для звука душой и духом, и точно так же, как тела людей уважают и почитают и чествуют из-за духа, который в них, так почитается и чувствуется слово правое из-за мудрости, которая в нем заключается. Итак, речь, благодаря мудрости, становится высокой по сану, возвышенной по степени, сокрушающей по власти, проводящей свои решения, исполняющей приговор свой над правдой и ложью и над правдивым и лживым. Она же — судья справедливый в мире сем и правдивый свидетель в мире будущем. Она же приказывает и запрещает, и она же судит. И нет силы у лжи и нет у нее крепости пред ищущими мудрости и не может она стоять против мудрости, как не может тень устоять против солнца и как ночь не может держаться против лучей солнца и блеска его. И нет у смертных силы достигнуть предела в познании мудрости, как у них нет и силы проникнуть в глубину речи мудрости, разве настолько лишь, чтобы оживились их сердца и глаза, точно так же, как они от лучей солнца получают то, чем оживляются их сердца, и указание пути к царствию небес и земель. Итак, мудрость

66 подобно скрытому царю, лицо которого не видно, но дело которого видно, и подобна обильному ключу, поверхность которого открыта, но источник которого скрыт, и подобна блистающим звездам, по которым свой путь может находить лишь тот, кто понимает их тайну. Отречение же от мира и стремление к будущей жизни больше и возвышеннее всего этого. И оно есть ключ к драгоценным сокровищницам и дверь к высоким жилищам и ступени вышней лестницы. Она же источник жизни: кто пьет из него — никогда не умирает, и лекарство от болезней: кто наполняется им, никогда не болеет; если вооружится недостойный ее, она ранит только его же самого; если облачится в нее тот, для кого она не соткана, она обнажит его наготу, и он останется неприкрытым. Она же есть свет, который просвещает слепоту и за которым нет мрака, и она же явное доказательство всякой вещи, и нет нужды при ней в каком-нибудь ином доказательстве помимо ее¹.

Сказал Будасф: „И почему же этой мудростью, силу и достоинство и возвышенность которой ты так описал, не пользуются все люди?“ Сказал Билаухар:

„Есть два солнца, которые оба восходят и ни одно не уступает другому в беспредельности блестящего света. И когда они оба сойдутся над теми, над которыми они

восходят, то они не охватывают всех своим светом. Одно из них восходит для глаз, а другое восходит для 67 сердец. Когда восходит видимое солнце для видимых глаз, оно обнимает всех людей, но делит тварь на три разряда. Есть среди них здоровые глазами, для которых свет его полезен и которые достаточно крепки, чтобы смотреть на него. И есть слепые, чуждые свету, которым не будет никакой пользы, взойдет ли для них одно солнце или многие солнца. И есть больные глазами, которые не считаются ни слепыми, ни здоровыми глазами и смотрят на солнце по мере силы своих глаз. И точно так же и мудрость, которая есть солнце сердец. Когда она восходит над сердцами, она делит обладателей их на три разряда: один разряд — это люди прозорливые, которые действуют согласно с мудростью и оказываются достойными ее тем, что выбирают ее для себя и веруют в нее, и упражняют взор свой для соблюдения мудрости и сберегания ее и почитания ее, и дни свои употребляют на действия, согласные с ней, и работают в стремлении к познанию того, чего они не знают. И есть разряд людей слепых сердцем, от сердец которых мудрость отскакивает, как отскакивает блеск солнца от глаз слепых. И есть разряд людей больных сердцем, действия 68 которых недостаточны и знание которых слабо и которых возбуждает и дурное и хорошее, и правда и ложь, и добро и зло. Но только эти два солнца между собой разнятся тем, что большинство тех, над которыми восходит внутреннее солнце, принадлежит к слепым, не видящим его; и на это есть признаки явные при объяснении их и доказательства, обнаруживающие удивительные вещи; и знание об этом придет к тебе в свое время.¹

Кроме того, среди людей, принадлежащих к каждому из разрядов людей внутреннего зрения, есть такое разнообразие, которое не замечается в наружном зрении. Ибо люди первого и третьего² разрядов, которые все относятся к зрячим, между собой делятся на разные разряды, различаются друг от друга, хотя и объединяет их всех одним именем принимающих истину и ищущих мудрости. Что касается

¹ Подтверждения этой ссылки в дальнейшем не имеется.

² В тексте стоит „второго“.

различия их между собой, то они в этом отношении похожи на жемчужины, которые все объединены одним именем жемчуга, а между тем различие их по достоинству доходит до того, что цена одного зернышка их достигает тысячи, а цена другого достигает одного дирхема¹ и затем колеблется между ними по разным степеням. И точно так же разнятся между собой люди слепые: есть такие, которые слепы для истины, но не пристрастились ко лжи, и есть такие, которые не ограничиваются слепотой для истины, но враждуют с ней и строят ей козни и воюют с приверженцами ее. И разряды их в этом отношении различны друг от друга сообразно с различием их силы и их слабости и разных недугов, которые к ним пристали“.

Сказал Будасф: „Уходи эту ночь прямым путем, и будь вблизи. Если нам вздумается, мы пошлем за тобой“. И ушел он в эту ночь.

Потом Будасф послал за ним, и они встретились во вторую ночь, и сказал ему Будасф: „Бывает ли, что человек слышит мудрость, затем внемлет ей, затем пребывает некоторое время, сторонясь от нее, затем возвращается к ней?“

Сказал Билаухар: „Да, таково положение большей части людей в мудрости.“

Подобие им в этом представляет пасущий овец в пустынной земле. И проходит он у источника воды и видит его, но не заботится о нем. И затем для него проходит время, и потом он вспоминает о месте того источника и идет к нему, и открывает отверстие источника, и углубляет края его, чтобы вывести воду и пользоваться ею и самому и другим. Точно так же подобие поисков мудрости представляет добывание воды в глубинах земли: есть места близкие, как влажная земля, и источники, и есть глубиной в рост человека или двух человек, и есть скудные, глубокие, и есть совсем безводные, где никогда не достигается вода. И, помимо этого, они различны еще и в других отношениях: есть неглубокие, но не пресные и негодные для питья, и есть неглубокие, пресные с постоянной водой. И иногда соединяются глубина и жесткость и скудость,

¹ Дирхам — серебряная монета.

а другой раз соединяются близость от поверхности земли и пресность и обилие“.

Сказал Будасф: „Есть ли для людей слабосильных какая-нибудь доля в этих степенях и есть ли для них какое-нибудь спасение?“

Сказал Билаухар: „Есть освобождение и порабощение, и спасение и гибель, и дружба и вражда. И в избавлении себя от заблуждения и невежества — освобождение, и в привязанности к крепости мудрости и в искании защиты у «надежнейшей рукоятки»¹ — спасение и целость, и в дружбе с людьми ее и оказывании им помощи — возвышение степеней и обильное благо, и лучшее воздаяние, такое, что получивший из него кое-что, малое ли, великое ли, становится лучше: путь ясен и доказательство светло, и довод блистателен, и добро полезно, и зло вредно, и бог великий и славный — судия праведный, который не обижает“.

Сказал Будасф: „Думаешь ли ты, что мой отец слышал что-нибудь из этих речей?“

Сказал Билаухар: „Я не думаю, что он когда-нибудь слышал их так, чтобы они укрепились в его сердце, и не говорил их никто ему так, чтобы заставить его уразуметь их. И если бы кто-нибудь ему говорил, то он преследовал бы его“.

Сказал Будасф: „И каким же образом оставили его без этого мудрецы за все свое время?“

Сказал Билаухар: „Они оставили это, потому что знали, к кому обращать свои речи. И не редко они не делали этого, даже когда имели дело с человеком более справедливым и мягким и добродетельным и внимательнее слушающим, чем твой отец, так что бывало, муж такой проживает со своим другом всю жизнь, и тот от него не видит ничего, кроме дружбы и любви, и искренней мягкости и общения, и полагают, что их разделяет только вера и мудрость, а мудрец при всем том страдает о нем, печалится о нем, но тайн мудрости ему все же не сообщает, если не считает его подходящим для них и заслуживающим их и не предполагает в нем отзывчивости к ним. И дошло до меня, что

Один из царей был мягок, добродетелен, и был у него везир, который помогал ему творить добро и избавлял

¹ Выражение взято из Корана (2, 257 и 31, 21), где оно применяется к вере в бога.

его от труда, и отдавал ему и ум свой и душу, помогая ему наблюдать за его делами. Везир же этот слышал слово мудрости и уразумел ее, и избрал ее, и привязался к людям ее. Царь от него ничего не скрывал, ни хорошего, ни худого, кроме дела веры и мудрости. И так они прожили долгое время, и каждый раз, когда везир смотрел, как царь поклоняется идолам и возвеличивает их и приносит им жертвы и берет за что-нибудь по пути заблуждения и невежества, его поражало то, что поражает сердце человека, имеющего единственного сына, которого он любит больше всех людей и считает отрадой глаз своих, когда он постоянно видит, как его поражает сумасшествие и овладевают духи дьявольские. И был везир от этого в горе и печали, и заботе и скорби, и всякий раз как он задумает сказать об этом царю, что-то в душе помешает ему. А когда он у своих братьев спросит совета, те ему говорят: «Ты лучше знаешь того, с кем имеешь дело, и если ты его считаешь достойным и подходящим для такой речи, то скажи ему и объясни ему; если же ты не считаешь его достойным этого, то берегись восстановить его против тебя самого и против веры и ее приверженцев, потому что властью никто не может пренебрегать». И так продолжали они оба жить. Царь же этот при всем заблуждении, которое им владело, был невысокомерен, ласков, близок к народу, мягок, обходителен со своими подданными, жаждал осчастливить их. И царь и везир, таким образом, жили некоторое время. Затем царь в одну из ночей, когда люди уже легли спать, сказал своему везиру: «Есть ли у тебя желание проехаться со мной к этому городу и посмотреть, как люди живут среди глубокой ночи, и посмотреть на следы ливня, который нас постиг на этих днях?» Везир сказал: «Да, если ты этого желаешь». И поехали царь и везир ночью, и кружили они в окрестностях города, и на одной из дорог проезжали мимо мусорной свалки горожан, куда они сбрасывали то, что выкидывали из своих жилищ и дворов и что выметали из своих домов. И увидел царь луч огня, пробивавшийся с одной стороны свалки, и сказал везиру: «У этого огня есть какая-нибудь история; слезем и пойдем пешком, чтобы приблизиться к нему и узнать, в чем дело». И сделали они так и, когда дошли до места, откуда выходил свет,

то нашли яму, похожую на пещеру из горных пещер, и вырыл эту яму в горе один бедняк, из тех, которые просят милостыню у имущих, и сделал из нее для себя и для жены своей жилье. И услышали царь и везир звуки пения и перебирания струн еще раньше, чем они заглянули в пещеру. И когда они посмотрели в пещеру, с такого места, что бедняк и его жена их не могли видеть, то увидели человека безобразного, покрытого двумя рубищами из тряпок свалки. Он опирался на подушку, которую себе устроил из мусора, и пред ним стоял глиняный кувшин с вином, и в руках у него была лютня, на которой он играл. А жена его, такого же вида, как он, и в таком же платье и рубище, и такая же безобразная, стояла пред ним и давала ему пить, когда он просил пить, и плясала, когда он играл, и приветствовала его, как приветствуют царей, когда приближалась к нему. А он называл ее госпожой женщи, и оба они придавали в речах друг другу красоту и прелесть, и благородство, и щедрость, и блеск. И были видны в них неопишуемая радость и веселость, и ликование и смех, и взаимная любовь и привязанность. И стоял царь долго и смотрел на них, и удивлялся их положению и состоянию и их наслаждениям и удовольствию и что они не переставали смеяться и веселиться и пить. Потом царь и везир ушли, и удивление царя тому, что он у них видел и слышал, не прекращалось и, между прочим, он сказал везиру: «Не думаю я, чтобы мы с тобой когда-нибудь добились такого веселья и радости, и наслаждения и удовольствия, какие мы видели у этих двух злосчастных в эту ночь, и притом я полагаю, что они так же проводят каждую ночь». Тогда везир воспользовался этим случаем и сказал: «Разве ты не боишься, о царь, как бы мы с тобой не были в подобном же заблуждении относительно нашего положения, в каком находятся эти двое злосчастных?» Царь сказал: «Как так?» Везир сказал: «Разве ты не боишься, как бы царство твое в глазах того, кто знает вечное царствие, не показалось равным этой свалке в наших глазах, и как бы государство твое в глазах того, кто надеется на блаженство в небесных жилищах, не равнялось тому, что для наших глаз эта пещера, и как бы тело твое для того, кто знает чистоту и опрятность, и красоту и здоровье, не равнялось тому, что для наших глаз представляет тело этого безобразного, уродливого,

и как бы удивление их твоему восторгу от своего положения не равнялось нашему удивлению тому, что этим двоим так нравится их положение?» Царь сказал: «Кто же люди с таким свойством и как описывают они царствие вечное?» Везир сказал: «В нем — радость и веселие, за которыми нет печали, и покой, за которым нет утомления, и свет, за которым нет мрака, и знание, за которым нет незнания, и любовь, за которой нет ненависти, и благоволение, за которым нет гнева, и безопасность, за которой нет страха, и красота, за которой нет безобразия, и здоровье, за которым нет болезни, и жизнь, за которой нет смерти, и благовоние, за которым нет зловония, и царство, которому нет конца, и совершенное благо и свобода от всяких зол в жилище вечности, которой нет прекращения». Царь сказал: «Известно ли нам, как искать это жилище, или нет пути к нему?» Везир сказал: «Да, потому что кто ищет его, тот в него войдет». Царь сказал: «И что помешало тебе сообщить мне об этом раньше этого дня?» Везир сказал: «Помешало мне сделать это лишь то, что я видел тебя достойным этого по уму и любви и надежности, но не считал тебя достойным этого по той причине, что на шее твоей власть. Властитель же глух ко всему этому и не видит его по причине того, чем сердце его занято. Притом же эту его глухоту и слепоту увеличивает пылкость, мешающая ему обдумать и рассудить, так как сердце его занято разными делами, близкими и далекими, приятными и неприятными, а слух его занят множеством речей и просьб, отклоняющих его от этого и заставляющих забывать об этом, глаз же его занят рассматриванием всякого рода прелестей и наслаждений, которые сбивают его и вызывают надменность и побуждают отвергать это. И вот при такой пылкости и гневности я только сегодня увидел тебя достойным этого». Царь сказал: «Если то дело, которое ты описал, несомненно, то нам следует ночи и дни наши, и уши и глаза наши направить только на него, в поисках этого высокого места. Если же оно сомнительно, то мы прежде всего обязаны большую часть наших занятий посвящать поискам знания о нем, чтобы удостовериться, истина ли оно или ложь. И хотя я и уверен в твоей любви ко мне и хотя я и знаю тебе цену, но не могу считать хорошим при наших отношениях, что ты скрывал от меня это дело». Везир сказал

«О царь, хотя я и согрешил при наших отношениях, оставив без объяснения тебе это дело, но я и упрекал себя сильно за то, что подвергал опасности свою веру, живя с тобой и служа тебе. И есть в этом деле разнища между знающим его и незнающим, когда они оба одинаково не исполняют предписаний его и уклоняются от пути и работают для мира сего, который есть враг ему. Я ведь стоял над тобой, оберегая тебя и любя тебя и охраняя тебя, как охранял пловец своего товарища, не умевшего плавать, когда они оба упали в пучину». Царь сказал: «Как это было?» Везир сказал: «До меня дошло, что два брата были друг другу искренне преданы. Один из них был пловец и привык к воде, а другой не умел плавать и не имел смелости в воде. И вошли они оба в реку и попали в пучину. И начал пловец действовать своими конечностями, чтобы не тонуть. И когда он посмотрел на своего товарища, то увидел, что тот то погружается в воду, то поднимает голову, не умея совсем себе помочь. И когда он увидел его неумение плавать и полную беспомощность, он повернулся к нему, чтобы охранять и оберегать его, и стал кружить около него, высматривая возможность спасти его, но не решался приблизиться к нему из боязни, что тот вцепится в него, и они оба утонут. А пловец был худ телом, слабосилен, брат же его силен, крепок, дороден. И не переставал он руками своими колотить по воде пред глазами брата, чтобы навести его на уловки в плавании и спасания себя из воды, так что брат его, наконец, задвигал руками, подражая плаванию. И когда он увидел, что он начинает сам себе помогать, он понадеялся, что спасет его, и подверг себя опасности, приблизившись к нему, так что мог подать ему руку. Потом он поплыл вместе с ним, и они оба вышли из воды.

И вот так точно, о царь, я рискнул собою, сказав тебе об этом, несмотря на страх мой перед твоим гневом и твоей силой и сознание моей презренности и слабости, боясь и страшась вместе с тем того дела, в котором исполнение моей обязанности пред тобой, пока не усмотрел случая и не получил надежды спасти тебя. И прикажешь ли ты мне упорствовать пред тобой в этом деле?» Царь сказал: «Да я приказываю тебе не отставать с ним от меня ни днем, ни ночью и не давать покоя ни мне, ни себе». И сделал везир, как ему приказал царь, и

оказалось это путем для обоих к спасению и освобождению“.

Сказал Будасф: „Я не стану больше заниматься никакими этими делами и ими отвлекать душу свою от этого пути. И моя душа подсказывает мне во мраке этой же ночи бежать с тобой, куда тебе угодно будет бежать со мной“.

Билаухар сказал: „И как сможешь ты уйти со мной и довольствоваться моим обществом, когда у меня нет ни жилища, которое укрыло бы меня, ни животного, которое несло бы меня, и когда я не владею ни золотом, ни серебром, и не припасая ни ужина, ни обеда, и никогда не имею лишнего платья, и пребываю в одном городе только короткое время, и ухожу опять из него, и не беру запасов из одной страны в другую?“

Будасф сказал: „Я надеюсь, что меня укрепит бог, который укрепил тебя“.

Билаухар сказал: „Если ты войдешь в мое общество, то будешь таким же достойным, как сын богача, который породнился с нищим“.

Будасф сказал: „Как было это?“ Билаухар сказал:

„Некий юноша из сыновей богатых родителей по желанию отца должен был жениться на двоюродной сестре своей, красивой, совершенной и знатной. Но он не хотел этого и ослушался отца своего, так что тот на него разгневался. Тогда он вышел от него и из его владений, направляясь в другую землю. И проходил он по пути мимо девицы в рубище, сидевшей у дверей одного дома из домов бедняков. И понравилась ему девица, и он сказал ей: «Кто ты, девушка?» Она сказала ему: «Я дочь престарелого старца нищего в этом доме». И позвал он старца, и тот вышел к нему, и он сказал ему: «Даешь ли ты мне в жены эту дочь?» Старец сказал ему: «К чему тебе жениться на дочери бедняков, когда ты в наряде богатых?» Он сказал: «Мне понравилась эта девица, и ушел я от своей семьи из-за женщины красивой и изящной, которую хотели мне навязать, но которую я отверг. И дай мне в жены эту твою дочь и ты найдешь меня лучшим свойственником, если угодно всевышнему богу». Старец сказал: «Как я тебе дам в жены ее, когда мы не согласимся ее отпустить от нас, и притом я не думаю, что твоя семья будет

довольна, если ты приведешь ее к ней?» Юноша сказал: «Я останусь у вас в вашем жилище этом». Старец сказал: «И ты сбросишь с себя платье твое и украшения твои и наденешь вместе с нами одежду нищих?» Он сказал: «Да». Старец сказал: «Войди в дом и сними платье свое и украшения свои». И сделал он это, и взял какое-то рубище, и надел его. Затем он сидел в доме со старцем, и тот спросил его об его положении и излагал пред ним разные вещи и испытывал его ум, пока не понял, что ум у него здоровый и что поступок свой он совершил не по неведению и что побудило его к нему не легкомыслие. И убедился он, что он умен, образован, смышлен, и не сделал того, что сделал, по неведению.¹ Потом старец сказал ему: «О юноша, если ты раз избрал нас и решил довольствоваться нашим обществом, то пойдем со мной в этот проход». И он повел его в проход, за которым были дома и жилища, подобных которым по обширности и красоте он никогда не видел, и показал ему сокровищницы, наполненные всем необходимым. Потом он ему передал ключи и сказал: «Все это принадлежит тебе и делай с ним что хочешь». И стал юноша благоденствовать и достиг большего, чем хотел“.

Будасф сказал: „Я надеюсь, что я буду, как юноша в притче. Но я слышал, что ты упомянул, как старец испытывал ум юноши, пока не уверился в нем. И я боюсь, как бы не затянулось испытание тобой моего ума. Итак, скажи мне, какой тобой положен предел для этого?“

Билаухар сказал: „Если бы это было предоставлено мне, то я удовольствовался бы кратчайшим разговором с тобой, но над моей головой — закон, установленный учителями веры, — да смилостивится над ними бог, — как достигнуть наибольшей уверенности и познания намерений и тайных помыслов и лечения сердец лекарствами, крепко утверждающимися в них. И вот я сегодня ночью уйду от тебя и буду приходить к твоей двери каждую ночь. И я сделаю, чтобы ты часто напоминал себе об этом деле и не принял бы его только потому, что оно тебе нравится, не утвердившись и не обдумав его. Всели же в свое сердце сомнение и не

¹ Повторение предшествующей фразы в несколько иных выражениях.

торопись уверовать, а прилагай старание по всем вопросам, которые кажутся тебе темными. Затем поговори со мною о том, что тебе приходило на ум, и сообщи мне, какой твой твоему мнению есть выход из твоего положения, если такой тебе пришел на ум". И на этом они расстались в эту ночь.

Потом он пришел к нему в следующую ночь и сказал ему приветствие, и тот ответил ему. Потом он сел. Будасф сказал: „Скажи мне, о Билаухар, сколько прошло твоей жизни?“

Билаухар сказал: „Двенадцать лет“.

И смутился Будасф этим и сказал: „Двенадцатилетний — дитя, ты же при той возмужалости и том совершенстве, которые я вижу, более похож на шестидесятилетнего“.

Билаухар сказал: „Что касается рождения, то действительно ему минуло шестьдесят, но ты ведь спросил меня о жизни. Жизни же живой не бывает без веры и без отречения от мира сего. А я постиг веру и отрекся от мира сего только двенадцать лет тому назад. Раньше же этого я был мертвым и не считаю дней смерти за жизнь“.

Будасф сказал: „Как это ты называешь едящего, пьющего, двигающегося мертвым?“

Билаухар сказал: „Это потому, что он товарищ мертвым по слепоте и глухоте, и немоте и беспомощности, и бедности, и так как он участвует вместе с ними в этих свойствах, то и совпадает с ними в имени“.

Будасф сказал: „Так как ты не считаешь жизни своей в те дни жизнью и благополучием, то и не следует тебе считать смерть, которая ожидает тебя, смертью и не следует тебе ее считать неприятной“.

Билаухар сказал: „Так оно и есть и доказывает тебе это то, что я не побоялся опасности для себя, явившись к тебе, о сын царя, хотя я знал, как свирепствует отец твой против моих единоверцев. И это показывает тебе, что я не считаю эту жизнь жизнью и не считаю ожидающую меня смерть ненавистой. И как может жаждать жизни тот, кто отрекся от своей доли в ней, или бежать от смерти тот, кто своею же рукой умертвил себя. И разве ты не видишь, о сын царя, что имеющий веру отрекся от семьи своей и имущества своего, и как может он жаждать жизни, когда все только из-за этого жаждут жизни, и когда он возложил на себя такую меру труда и работы и утомления, от которой он отдых найдет только в смерти. И какая нужда в жизни тому, кто не пользуется и не наслаждается жизнью, и к чему

бегать от смерти тому, кто отдых может найти только в смерти“.

Будасф сказал: „Я вижу, что тебя порадовало бы, если бы смерть постигла тебя завтра“.

Билаухар сказал: „Да, меня порадовало бы даже, если бы смерть постигла меня еще до завтра, в эту же ночь. Ибо кто познал добро и зло и мзду за то и другое и оставляет зло из-за добра, тот верует в правосудие бога и исполнение его обещания, и познание это заставляет его отречься от этой жизни и смело идти навстречу смерти“.

Будасф сказал: „Я вижу, что ты столь же смел в этом твоём убеждении, как смел народ наш в идолопоклонстве. И есть ли у тебя такие доказательства, которых нет у них?“

Билаухар сказал:

„Был в давнее время некий муж, у которого был сад; он обрабатывал его и наблюдал за ним. И вот он раз увидел в своем саду птичку, которая села на одно из деревьев сада, поела его плоды и портила их. И разгневало его это, и он устроил для птички силос и поймал ее. И когда он думал убить ее, птичка открыла рот свой, заговорила и сказала хозяину сада: «Я вижу, что ты думаешь убить меня. Но во мне нет ни того, что насытило бы при голоде, ни того, что поддержало бы тебя при слабости. Не хочешь ли ты чего-нибудь лучшего, чем то, что ты задумал?» Тот муж сказал ей: «Что же это такое?» Птичка сказала ему: «Отпусти меня, и я научу трем изречениям, которые, если ты их запомнишь, будут для тебя лучше всякой семьи и всякого имущества». Тот муж сказал: «Какие это изречения?» Птичка сказала: «Обязуйся предо мной отпустить меня на свободу». И он сделал это. Птичка сказала ему: «Запомни то, что я тебе скажу: не горюй о том, что ушло от тебя, и не верь тому, что не бывает, и не стремись к тому, чего ты не достигнешь». И когда птичка сказала эти изречения, тот муж отпустил ее, и птичка села на одну ветвь в саду, и потом сказала тому мужу: «Если бы ты знал, что ушло от тебя во мне, ты бы знал, что ушло нечто великое, преважное». Муж сказал: «Что это?» Птичка сказала: «Если бы ты совершил надо мной задуманное убийство, то ты извлек бы из моего зоба жемчужину величиной с гусиное яйцо, которая доставила бы тебе богатство на всю твою жизнь“.

И когда муж услышал это от птички, он в душе своей затаил раскаяние и печаль и сказал птичке, чтобы обмануть ее и поймать: «Оставь что прошло и иди сюда, пойдём вместе к моему добру и к моей семье и я буду тебе хорошим товарищем и буду почитать тебя». Птичка сказала ему: «Я вижу, о глупец, что ты не сумел удержать меня, когда захватил меня, и не сумел извлечь пользу из тех изречений, которым я научила тебя и которыми я себя купила из твоих рук. Разве я не завещала тебе не печалиться о том, что прошло для тебя, и не верить тому, что не бывает, и не стремиться к тому, чего не достигнешь никогда. А ты, между тем, печалишься об ушедшем во мне и требуешь моего возвращения к тебе, которого ты никогда не достигнешь, и веришь, что в моем зобе — жемчужина с гусиное яйцо, когда гусиное яйцо больше меня всей».

Твой народ, о сын царя, сделал себе идолов своими руками и утверждает, что они его сотворили; он охраняет их, боясь как бы их не украли, и утверждает, что они его охраняют; он расходует на них свои достатки и утверждает, что они дают ему пропитание. И в этом он стремится к тому, что недостижимо, и верит тому, что невозможно, и благодаря этому пристала к нему та же великая глупость, что к хозяину сада».

Будасф сказал: «Что касается идолов, то я не переставал воздерживаться от поклонения им, отчаявшись в пользе от них. Но скажи мне, каково первое дело веры, к которому ты меня призываешь?»

Билаухар сказал: «Вся суть веры состоит из двух: одно — познание бога великого и славного, другое — действие согласно его воле».

Будасф сказал: «Как познавать бога?»

Билаухар сказал: «Признать за ним единство, милость, милосердие, справедливость, всемогущество».

Будасф сказал: «Какое тому доказательство?»

Билаухар сказал: «Разве ты не замечаешь, о сын царя, что, когда ты видишь какое-нибудь изделие, творец которого отсутствует, ты понимаешь, что есть сделавший его, и когда ты видишь постройку, строителя которой ты не видишь, ты свидетельствуешь, что у нее есть строитель. И вот так все сотворенное, что ты видишь, как то: небеса и земля, и солнце, и луна, и звезды, и вращение небесной сферы».

и течение воды и ветра и облаков, и управление всем сотворенным, — все это указывает тебе на то, что это сотворенное имеет творца, властвующего над ним и управляющего им, а это — бог, помимо которого нет божества».

Будасф сказал: «И какие действия угодны этому творцу?»
Билаухар сказал: «Его воля, чтобы ты делал другому только то, что ты желаешь, чтобы он тебе делал, и не делал бы ему того, что ты желаешь, чтобы он тебе не делал, ибо в этом — справедливость, а бог любит справедливость, и чтобы ты не приписывал ему того, что ты не желаешь, чтобы тебе приписывали,¹ и чтобы ты последовал его пророкам и посланникам в тех повелениях, которые они принесли, и противился бы тому, что они запретили».

Будасф сказал: «Если ты мне показал изъян и недостаток идолопоклонства и пребывания в неправде, то тем самым ты мне запрещаешь избирать себе веру, превосходство которой неизвестно».

Билаухар сказал: «Невозможно для тебя пребывать в другой вере, кроме веры божьей, или принимать ее без познания».

Будасф сказал: «Что затрудняет для меня это и облегчает противоположное?»

Билаухар сказал: «Невежество затрудняет тебе это, а знание облегчает тебе противоположное».

Будасф сказал: «Что такое затруднение невежеством и облегчение знанием?»

Билаухар сказал: «Знание — достаток и облегчение, невежество — нужда и стеснение».

Будасф сказал: «И что подтверждает это?»

Билаухар сказал: «Разве ты не видишь, о сын царя, что грудь твоя стеснена неведомым тебе, о чем ты спрашиваешь, и что ты надеешься на облегчение, только достигнув знания, которое снимет с тебя стеснение невежества и горе его и боль его».

Будасф сказал: «Я видел таких, которые надеются на облегчение от того, в чем нет облегчения, и я обеспечен от того, чтобы не оказаться в их числе».

Билаухар сказал: «И разве могло бы тебе внушить эту мысль и указать значение держащихся ее что-нибудь, кроме познания?»

¹ В оригинале неловкий оборот при переходе мысли к богу от ближнего.

Будасф сказал: „Это так, и если бы я был уверен, что польза знания и вред незнания не заходят дальше этого, то я не стал бы больше радоваться знанию или больше печалиться от сомнения“.

Билаухар сказал: „За тем, что ты видишь, есть награда, к которой ведет только знание, и кара, в которую ввергает только незнание“.

Будасф сказал: „О Билаухар, если бы ты признал нужным увеличить мое отвращение к миру сему и стремление к будущей жизни!“

Билаухар сказал: „О сын царя, мир сей не может не быть таким, как его описал бог, великий и славный, т. е. игрой и забавой и веселием и состязанием между вами о славе и препирательством о богатстве и детях, и разлукой и гибелью. И я вижу, что люди его обречены на несчастья и бедствия, и я нашел, что польза от него мала, а забота о нем велика, и жизнь ничтожна и благосостояние внушает страх. И я ⁹⁰ нашел, что если человеку и будет открыт весь мир сей и вся его радость, и его прелесть, и его соблазны, и все, что человека радует, так что мог бы он приобрести из всего этого разного рода наслаждения, ради которых состязаются, и даст ему судьба сколько захочется желанных благ, и устранит от него бедствия и опасности и неприятности, и спасет его от всякого зла, и если помогут ему братья и помощники, и уцелеет он от врагов и завистников, и достигнет достатка в имуществе и прохлады глаз в семье своей и детей своих, и почета во власти, и любви у народа, и гор золота и серебра, затем насладится всем дарованным ему, и продолжится ему наслаждение всем этим, и превзойдет он в этом равных себе, и вознесется над врагами своими, и ублаготворит его весь народ, и пребудет он почитаемым и уважаемым, в прохладе глаз, успешно выполняя все им задуманное, возрастая в могуществе, так что все дела его похожи друг на друга, возвышенным по помыслам, то, поистине, крайний срок для него — сто лет; и тогда обветшает тело его, и изменится цвет его и волоса его, и ослабеет мясо его и вид его, и сила его и глаз его, и разлучится он с семьей своей и друзьями своими, и унижится слава его, и сотрется власть его. Крайний же предел для сотворенного — 300 лет: тогда-то, что он собрал, будет рассеяно, и что он сделал, будет развеяно, и что он построил, будет разрушено, и станет имя его неве- ⁹¹ домым и память о нем забытой, и заслуга его уничтоженной и честь потомства его и детей его презренной, и станет то,

что ему доставляло достаток, наказанием, и что он приобрел — гибелью, и унаследуют власть его временные властители, и унаследуют богатства его те, кого пригонят к ним погонщики наделов и наследственных имуществ.¹ И когда я увидел все собранное рассеянным и все приобретенное похищенным, кроме благочестия и делания добра, которые не похищаются и не стираются и не погибают, то я признал за лучшее свое мнение и стремление, и вождение, и речение — добродетель и благочестие. И, поистине, лучшее приобретение, которое мы можем делать, и лучшая твердыня, за которую мы можем держаться, — это делание добра и устранение себя от зла и вера в бога. И вот это и есть то приобретение, которое я сделал, и то убеждение, которого я держусь. И не переставал я с тех пор, как я это понял, любить делать, сколько я могу, добра и устраняться, насколько я могу, от зла, веруя при этом в обещание господя моего всеблагословенного и всевышнего и уповая и веруя в воскресение мертвых и в рай и ад“.² Билаухар сказал далее: „Знай, о сын царя, что тот, кто крепко держится истины и веру устанавливает на познании, хотя бы и делал он немного, и воздерживается от сомнительного, ⁹² тот будет свободен от ошибок. И речь обладающего лишь частью истины будет лучше речи говорящего много истин, когда он перемешивает их с ложью. И к обязанностям умного человека относится управление особенно самим собою так, как управляет государь разумный, справедливый, который управляет людьми и приказывает им делать то, в чем заключается их благо, и запрещает им делать то, в чем заключается их гибель; далее он наказывает тех, кто восстает против него, и награждает тех, кто повинуется ему; и точно так же он управляет своими домашними, распоряжаясь порядком их жизни и поддерживая их в деяниях их, и усерднейше заботясь о делах их, и строго уча тех из них, которые противятся ему. И таким же образом он должен владеть своей душой со всеми ее свойствами и страстями и устанавливать правила для нее относительно следования тому, что ей полезно, и избегания того, что ей вредно. Далее он сам положит своей душе награду и наказание, давая ей возможность радоваться, когда она сделает добро,

¹ В последних словах разумеются, вероятно, несправедливые судьбы.
² Конец фразы, отражающий мусульманский символ веры, вероятно, добавлен позднейшим переписчиком рукописи.

и карая ее порицанием и раскаянием, когда она сделает зло. И подобает мужу достойному обдумывать те дела, которые до него доходят, и принимать правые и отвергать греховные, и подобает ему считать малозначущим себя и свою мысль и свое дело, ибо тогда он будет восхваляем людьми разумными и порицаем людьми неведения. И разумом достигается всякое благо с соизволения бога всевышнего, а неведением губятся души. И к надежнейшим опорам в глазах людей смысленных, и к плодам их ума, и достижению их опыта, и добыче их проницательности относятся удаление себя от страстей и отказ от вожелений. И да не будешь ты из тех, кого душа его отталкивает от дел и обдумывания их и испытания того доходящего до тебя, чего не постигает ум твой и во что не проникает взгляд твой. И как часто ум отскакивает от дел во время их зарождения и впоследствии постигает их. И лежит на тебе обязанность, когда доходит до тебя то, что доходит, выжидать и выяснять себе. И берегись говорить о чем-нибудь из этого, чего ты не знаешь, и берегись говорить о деле: «Это — невозможно и не исполнимо», чтобы не побудило тебя бессилие оставить его и не надоело бы тебе обдумывать его. А самое лучшее обдумывать его, оставляя же это есть легкомыслие, и оно оттолкнет тебя, так что ты отвергнешь также и то, что тебе стало ясным. И клянусь жизнью своей, нет такого блага, частью которого человек не смог бы пользоваться, когда он не может получить все. Разве ты не видишь, что человек не может разглядеть сути солнца и не переносят глаза его всего света его, а не мешает ему это созерцать часть его света и ею пользоваться для нужд своих. Разве ты не видишь, что то обстоятельство, которое делает для него невозможным то полное созерцание солнца, не мешает ему использовать ту часть, для которой он достаточно силен. И точно так же с пищей и питьем: он не может съесть и выпить все, что он видит и желает, и в состоянии употребить небольшую часть всего этого. Но то, чего он не может съесть и выпить, не мешает ему находить вкус в том, что он ест и пьет, чем он живет и пользуется. И то же самое с знанием. И помни, о сын царя, что знание слишком велико по значению и важно по достоинству, чтобы сердце могло его охватить в целости, как я тебе иносказательно объяснил примером солнца и пищи; ибо ум переносит знание только сообразно своей силе и способности. Но не делает его та часть его, которой он не понял, слепым

для того, что он понял, и не мешает ему бессилие его в том, чего он не знает, пользоваться тем, что он знает. Но тут есть скрытые оружия дьявола, которые видит только тот, кто прозрел, и от которых спасается только тот, кому дарована безопасность. И основных его оружий — два. Одно из них то, что он почти вселяет в душу человека убеждение, что у него ума нет и что в нем пользы нет, и этим отвращает человека от познания бога великого и славного, и от любви к истине, и стремления к ней, и расспрашивания о ней, и занимает его другим, именно забавами мира сего. И если дьяволу следуют в этом, то это и есть его величайшая победа; если же его ослушаются и он будет побежден, то прибегает к другому оружию: когда человек уразумеет и поймет нечто, он ему подносит такие вещи, которые его печалят и смущают тем, чего он не может себе выяснить, и тогда он делает для него ненавистным его положение, затрудняя этим путь приходящей к нему радости. Говорит он ему: «Ты этого целиком никогда не достигнешь, и не постигнешь, и к чему эта забота и мучение и утомление себя из-за невозможного и недостижимого». И вот этим оружием он отвращает большую силу в душе человека от искания истины и искания спасения. И хитрость этих двух оружий заключается в двух словах: одно из них — запрещение приобретать то, что бесполезно, и другое — вселение отвращения к малому количеству приобретаемого знания и добра. Итак, знай эти два оружия дьявола и берегись, как бы обманчивым образом тебе не помешали приобретать знание и удерживать приобретенное. Ибо ты живешь в жилище, большую часть жителей которого дьявол одолел разного рода своими кознями и различными способами заблуждения. Есть между ними такие, которых уши и глаза и ум он поразил, так что оставил их не спрашивающими о знании и благе, подобными скотине. И установил он для них разные религии, и вот они усердствуют в заблуждении, так что усердие людей в их заблуждении он сделал соблазном для других и так что самое их усердие стало орудием его ловли и его козней. Затем он внушил им временную вражду, так что одни считают законным убивать других и отнимать их имущество. И среди их заблуждения он поместил кое-что из истины, дабы этим спутать людей истины и искателей блага и отвратить от истинной веры, с которой ни с какой стороны не соприкасается ложь. И он и его войско постоянно стараются о гибели людей и вовлечении их в заблуждение,

не уставая и не утомляясь, и не поддается счету их число и невозможно спастись от их вреда и их козней как только при помощи бога и его силы. И мы просим у бога помощи на повиновение ему и руководства силою его, и нет силы и нет крепости, кроме как в боге всевышнем, великом. И из людей наиболее обязаны вглядываться в дела, когда они идут им навстречу, и обдумывать их различные стороны, когда они становятся поперек, и крепко держаться науки при последствиях их, — обладатели ума из ученых, потому что бог всевышний наложил на них обязанность оберегать это знание верой, и им ставится на вид исследование дел и размышление о прежних временах, и вместе с тем ⁹⁷ наблюдение исходных точек своих взглядов, и обсуждение конечных точек своего влияния, — и обилие того, что узаконяют среди них люди заблуждения и препирательства людей правды при помощи определенных доводов и известных преимуществ, несмотря на предначертания истины и определения правды; им ставится на вид, что они заставляют людей понимать пользу знания в том, что они одобряют и не одобряют, и действовать сообразно вселенным богом в ученых красотах нравственности и благородству поступков, и возвышенности характера, и твердому следованию всему тому, от чего они ожидают благоустройства дел в настоящем, и неукоснительному стремлению к постоянной пользе для потомства в будущем. И когда они следуют этому, и известны этим, и славятся этим, и свою душу влагают в это, то люди благодарны им и доверяют им надзор за своими заблуждениями, и всецело исполняются их желания. И тогда никто из людей не отвергает их преимуществ и не отрицает их права или чего-нибудь из их приказаний, и не разнятся относительно их мысли людей, и не устремляются к другим их влечения, и не разногласны относительно их мнения. И тогда процветает среди людей добрая нравственность, и они со смирением ищут приближения к ним, и слушаются их, и дают себя вести во всех своих обстоятельствах, так что для ученых это руководство становится как бы прирожденным качеством и для руководимых твердо приобретенным, и становится ложь гадкой для людей ее и недостаток таким же для тех, кто не держался за его веревку, и укрощается клевета и служит ⁹⁸ указанием против предающихся ей. И добродетели становятся преобладающими во всех отношениях людей; они становятся знамениты ими и предаются им, устанавливая себе

правила сообразно этому. И на них воспитываются поколения и их наследуют сыновья от отцов и остающиеся от ушедших. Ученые же сами от себя не в состоянии делать что-нибудь лучшее, чем усердствовать в единении с истиной и согласии с правдой. Затем уже последует решение бога согласно его воле относительно того, что для рабов его приятно или неприятно. И мы знаем, что добро достигается только старанием и помощь не дается свыше без просьбы. И ключ к благу — чистота намерения в усердствовании при условии, чтобы была найдена надлежащая исходная точка для умствования. Ибо, кто ищет разъяснения дела не с той стороны, как следует, того углубление в стремлении к истине только удаляет от него, благодаря вражде того, что возвышает ум и что устанавливает обычаи. И в хорошем состоянии дел заключается оживление доброй нравственности и неустанное стремление к распространению знания и к тому, чтобы к нему привязались сердца, прежде чем они займутся чем-нибудь другим, и поспешили бы его найти сладким, прежде чем найдут сладким противоположное ему невежество, и прежде чем они приблизятся к грубости. И я ⁹⁹ желал бы, о сын царя, чтобы ты при обучении души твоей добру и укреплению ее против пороков нашел пользу в силе твоего ума и воображении твоём и влечении твоём, помощью вселения в недрах своих знания и добронравия, дабы тем самым в этом деле ты исполнил возложенный на тебя богом долг искания добра. Я же прошу для тебя у бога великого на это помощи руководством и добрым решением в проходящей жизни и счастьем и благополучным завершением будущей. Ибо ты из тех, кто обладает разумом, не спутали тебя страсти развращающие и не отпечатлелось на тебе клеймо пороков, и не охватила тебя жадность, и не одолел тебя товар зла, и не устремились на тебя болести, и не коснулись тебя переменчивые нравы людей. И ты, о сын царя, подобен сосуду пустому, который удерживает то, что ему доверяют, и подобен жемчужине чистой, блестящей, непросверленной, которой не трогали руки доверенных из купцов и продавцов и которая украсилась для них, дабы они берегли цену ее и купили ее по ценности ее. И возьми за дело свое с благословения бога великого и славного и с помощью его и поддержки его и благим решением его, за дело искания добронравия и мягкосердия и уравновешенного правосудия, без излишества и без ослабления. И пусть не приведет тебя излишество страсти в изу- ¹⁰⁰

чении знания к тому, что оно сделает тебя высокмерным или затруднит тебя или стеснит твою грудь. Ибо тяжело усвоить благонравие и трудно сжиться со знанием тому, кто не успел насладиться его сладостью и кто по опыту не успел убедиться в разнице между ним и другим“.

Будасф сказал: „Я надеюсь быть из числа тех, кто следует всему, что ты приказываешь, и берет и принимает все это; посеи во мне твое зерно“.

Билаухар сказал: „Корень того зерна, которое я тебе доверю — бояться бога и исполнять приказания его“.

Будасф сказал: „Скажи мне, по предопределению ли постигает людей то, что их постигает, или же по делам их?“

Билаухар сказал: „Предопределения и дела — как дух и тело: дух без тела не совершенен, и тело без духа — одна форма, а когда они соединятся, они сильны и благополучны. И точно так же предопределение и дела: если бы предопределение не распространилось на дела, предопределение было бы нечто несовершенное и, если бы дела не совпадали с предопределением, они никогда не совершались бы. А в соединении оба они получают силу“.

Будасф сказал: „Скажи мне, что такое предопределение и что такое дела?“

Билаухар сказал: „Предопределение есть то, что непременно и безусловно будет, а дела — это повод к тому, что 101 будет; когда состоится предопределение, дело утверждает его, и оно осуществляется“.

Затем Билаухар увещевал его и сказал: „Не желай людям того, чего не желаешь самому себе, ибо за каждое дело положено возмездие, и бойся поэтому последствий. И знай, что превратности дел очевидны; и поэтому будь осторожен и не давай обещания, которого исполнение не в твоей власти, и пусть не обманывает тебя легкость подъема, когда спуск труден“.

Будасф сказал: „Скажи мне, кто справедливейший из людей и кто несправедливейший из людей, и кто умнейший из людей, и кто глупейший из людей, и кто счастливейший из людей?“

Билаухар сказал: „Справедливейший из людей тот, кто требует справедливости к людям от самого себя, и несправедливейший из них тот, кто несправедливость свою считает справедливостью и справедливость праведника несправедливостью, и умнейший из них тот, кто дела делает для будущей жизни раньше, чем она для него наступает, и глупейший из них тот, кто не делает для будущей жизни раньше, чем она для него наступает, и глупейший из них тот, чья забота — мир сей и чьи дела — грехи, и счастливейший из них тот, у кого последствия дела запечатлены благом“.

И еще сказал он: „Кто людей судит так, что он сам погиб бы, если бы его так судили, того суд — суд дьявола, а кто судит их так, что сам уцелел бы, если бы его так судили, того суд — суд бога великого и славного и закон его“.

И еще он сказал: „Подобает тебе также не считать дурным хорошее, хотя бы оно и находилось у безбожных, и не считать дурное хорошим, хотя бы оно и находилось у благочестивых“.

И еще он сказал: „К тому, что идет на гибель, принадлежат: дела неповиновения богу великому и почитание идолов и истуканов и давание мужу, обольщенному собственным умом, советов, которых он не примет“.

Будасф сказал: „Скажи мне, кто из людей ближе всех к блаженству?“

Он сказал: „Повинующийся богу великому, славному и не совершающий грехов“.

Он спросил: „Кто из них наименее грешен?“

Он сказал: „Кто больше всех слушается повелений бога и тверже в повиновении ему и дальше всех от повелений дьявола“.

Будасф сказал: „Скажи мне, что повеления бога великого и славного и что — повеления дьявола?“

Билаухар сказал: „Добро — повеление бога и зло — повеление дьявола“.

Будасф сказал: „И что такое добро и что такое зло?“

Билаухар сказал: „Добро — благое намерение и доброе слово с хорошим делом, а зло — дурное намерение и дурное слово и дурное дело“.

Будасф сказал: „Что такое благое намерение?“

Билаухар сказал: „Благое намерение — уравновешенность стремления и доброе слово — правда, и хорошее дело — побуждать к деланию добра и самому его делать. А дурное намерение — излишество стремления, и дурное слово — ложь, и дурное дело — неповиновение“.

Будасф сказал: „Скажи мне, какова уравновешенность стремления?“

Билаухар сказал: „Страх пред исчезновением мира сего и его прекращением, удерживание узды страсти от тех дел, в которых заключается гибель в мире сем и возмездие 102

дие в будущем, щедрость в тратах на пути бога славного и великого. Правда есть искренность на дороге веры и чтобы человек не пытался обманывать своей душой и не алгал ей. Излишество стремления есть постоянное пребывание в мире сем, полное доверие к нему, предавание делам, последствия которых — гибель, удерживание себя что принадлежит по праву богу великому и славному. Ложь заключается в том, что человек жет своей душой и не перестает предаваться страсти своей и откладывать веру свою¹.

Будасф сказал: „И кто из людей совершеннейший по праведности?“

Он сказал: „Совершеннейший из них умом и пронизательнейший из них относительно конца и наиболее вдумывающийся в него и сильнее всех борющийся с врагами своими и более всех осторожный“.

Будасф сказал: „Скажи мне, что тот конец и кто эти враги, с которыми борется умный?“

Билаухар сказал: „Конец — будущая жизнь, а враги — природные наклонности и различные страсти, одолевающие человека“.

Будасф сказал: „Что эти наклонности и различные страсти?“

Он сказал: „Жадность и гнев, и зависть и злоба, и ревность и похоть, и сварливость и лицемерие“.

Будасф сказал: „Скажи мне, которая из них сильнее и от которой реже спасаются?“

Билаухар сказал: „Жадность реже всего удовлетворяется и отвратительнее всего; гнев несправедливее всего по власти и менее всего благодарен за оказанные услуги; зависть хуже всего по состоянию душевному и больше всего внушает различных подозрений; ревность упорнее всего и греховнее; злоба глубже всего внедряется и менее всего милосердна и жестче по напору; похоть сильнее всего по стремлению к запрещенному и реже всего довольствуется; лицемерие сильнее всего по обману и насилию, и скритности, и лжи; сварливость вреднее всего для друзей и губительнее для благородства; сонливость¹ больше всего производит лени и внедряет тупость“.

Будасф сказал: „Скажи мне, чем дьявол больше всего побеждает людей и вернее всего достигает их гибели?“

¹ Сонливость в предшествующем перечислении не упоминалась.

Билаухар сказал: „Тем, что он заставляет их не видеть добродетели и греха, и награды, и наказания, и последствия дел при вселении в них страстей“.

Будасф сказал: „Скажи мне, какова та сила, которою бог укрепил рабов своих для борьбы с этим злом и с дурными страстями?“

Билаухар сказал: „Ум и знание и действие сообразно им обоим, и воздержание от страстей, и надежда на мзду в день суда и, частое раздумывание о тленности мира сего и близости срока, и охранение себя от обмена вечного на тленное, и внимание к прошедшим делам и предстоящим, и охрана себя от угнетения тем, что не поддается познанию смысленных людей, и от искания того, что недостижимо, и от действий, подлежащих наказанию, и удерживание души от дурного нрава, и приучение ее к доброму обычаю и похвальным нравам, и чтобы дело человека сообразовалось с его жизнью, так что он мог бы достигнуть своей цели. Ибо это и значит удовлетворяться и довольствоваться, и применять терпенье, и надеяться, и не отступать от ума и познания, и примиряться с тем, что прошло, и успокоиваться, и не заниматься тем, что не может быть и предпочитать путь правды пути кривды, и приучать душу свою к тому убеждению, что кто сделает добро, получит за него награду, и кто сделает зло, будет за него наказан, и признавать обязанности погружаться в благочестие, и быть справедливым в приговорах, и действовать пронизательно, и удерживать сердце свое от увлечения страстью и подчинения похоти, и руководствоваться рассудительностью“.

Будасф сказал: „Скажи мне, какой нрав самый благородный и возвышенный?“

Билаухар сказал: „Смирение и мягкость слова“.

Сказал Будасф: „Какой обычай лучше?“

Билаухар сказал: „Верность и привязанность“.

Будасф сказал: „Какие друзья искреннее и полезнее всего?“

Билаухар сказал: „Отрекающиеся от мира сего и побуждающие братья за то, в чем заключается достижение жизненных потребностей и основание для вечной жизни“.

Будасф сказал: „Скажи мне: какая клятва лучше всего?“

Билаухар сказал: „Поминание бога“.

Будасф сказал: „Какое дело самое доброе?“

Билаухар сказал: „Приказывать добрые дела и запрещать дурные“.

Будасф сказал: „Какой враг самый упорный?“

Он сказал: „Прощающий грехи“.

Будасф сказал: „Скажи мне, что сильнее властью над человеком — ум и характер или воспитание?“

Билаухар сказал: „Воспитание есть прибавление к уму, а характер — рудник их обоих и носитель их. И тому наиболее свободно от недостатков, а они в том, чтобы человек не пропитался самомнением и не считал бы знание хвастовством, или благоразумие злобой, или довольство ограниченностью, или осторожность скупостью, или целомудрие слабосилием, или правдивость скверным неведением, или надежду самоунижением, или щедрость расточительностью, или мягкосердечность боязливостью, или смирение обманом, или дружбу с праведниками лицемерием, или любовь дурным образом жизни, или добрый совет бедствием, или усердное стремление завистью, или стыдливость тупостью, или благочестие ханжеством“.

Будасф сказал: „Скажи мне, что более всего похоже на мир сей?“

Билаухар сказал: „Сны спящего“.

Будасф сказал: „Кто из людей имеет более всего права считаться счастливым?“

Билаухар сказал: „Государь праведный, честный, справедливый, благодетельный, руководитель по прямому пути“.

Будасф сказал: „Кто из людей наиболее смятенный?“

Билаухар сказал: „Слабый, безбожный“.

Будасф сказал: „Кто из людей наиболее угоден богу?“

Билаухар сказал: „Тот, кто наиболее уповает на бога и наиболее довольствуется тем, что ему дано, и наименее забывает поминать бога и тленность мира сего и поминать смерть и прекращение срока“.

Будасф сказал: „Кто из людей наиболее надежный?“

Билаухар сказал: „Самый воздержный из них“.

Будасф сказал: „И кто из них самый воздержный?“

Билаухар сказал: „Кто стыдится бога, как будто он его видит“.

Будасф сказал: „Кто из людей наиболее достоин успеха?“

Билаухар сказал: „Энергичный, усердствующий в стремлении к истине, страх и стыдливость которого побеждают его страсть“.

Будасф сказал: „Что наиболее радует глаз?“

Билаухар сказал: „Благовоспитанный сын и жена, содействующая и помогающая при делах будущей жизни“.

Будасф сказал: „Какое страдание наиболее привязчиво?“

Билаухар сказал: „Дурной сын и дурная жена, от которых нет спасения“.

Будасф сказал: „Что лучше всего?“

Билаухар сказал: „Благонравие и вера“.

Будасф сказал: „Что скрытнее всего?“

Билаухар сказал: „Дьявол враждующий и сердце жестокое“.

Будасф сказал: „Что наиболее далеко от цели?“

Билаухар сказал: „Глаз жадного до благ земных, который не насыщается“.

Будасф сказал: „Что хуже всего по последствиям?“

Билаухар сказал: „Искание благоволения злых при гневном божьем“.

Будасф сказал: „Что быстрее всего изменяется?“

Билаухар сказал: „Сердце царей, делающих дела мира сего“.

Будасф сказал: „Какой грех наиболее безнравственный?“

Билаухар сказал: „Обязываться именем бога великого и славного и нарушать это обязательство“.

Будасф сказал: „Что быстрее всего прекращается?“

Билаухар сказал: „Привязанность изменника и дружба его“.

Будасф сказал: „Что несправедливее всего?“

Билаухар сказал: „Язык лжи“.

Будасф сказал: „Что наименее ясно?“

Билаухар сказал: „Образ действия мужа лицемерного, обманывающего“.

И когда они таким образом обменивались словами и доводами, так что сын царя понял преимущество того, к чему тот его призывал, и великое значение его и признал это и проник взором во все дело его веры, Будасф сказал: „Скажи мне, о Билаухар, о рае и аде и объясни мне все относительно знания и ума, и правды, и лжи“.

Билаухар сказал: „Ты слышал упоминание о рае и аде. Если бы не существовало понятия о них, то не было бы определено им имя. Дело в том, что понятия обозначаются именами, как обозначаются разными клеймами животные. И имя не назначается для бестелесного. А если бы разумно говорящий захотел слово сказать без понятия, то он сделал бы это“.

Будасф сказал: „Где же мое обеспечение в том, что твоя речь не такова?“

Билаухар сказал: „Кто сам понимает и кого понимают, мысль того становится известной, и тем самым он заслуживает названия разумно говорящего. А кто сам не понимает и кого не понимают, тот не есть разумно говорящий, а говорящий в бреде“.

110 Будасф сказал: „Это может быть относиться к тебе, когда ты называешь награду и наказание будущей жизни“.

Билаухар сказал: „Награда есть почет, и наказание — позор. И кто не понимает, что ему о них говорят, и утверждает, что он ни отвращается, ни любит, тот тем самым утверждает, что ему все равно, будет ли он унижен либо почтен. А когда признает, что он уразумел, что ему говорят об этом, тот обязательно тем самым признает, что понятие им — известно, а известное заслуживает того, чтобы ему верили“.

Будасф сказал: „Сколько пустых рассказов известно! И если ты мне навязываешь веру во все, что известно, то ты меня обязываешь верить лжецам“.

Билаухар сказал: „Я тебя обязываю верить представлениям, соединяемым с отдельными именами, хотя бы их и говорил лжец, и запрещаю тебе верить ложному сочетанию“.

Будасф сказал: „Как так?“

Билаухар сказал: „Лжец соединяет вещи известные по существу, но неизвестные в соединении, и утверждает, что знание и невежество, правда и ложь, добрый и злой — равны. Между тем все это по существу есть нечто существующее, а лжец соединяет из всего этого то, что не допускает соединения“.

111 Будасф сказал: „Какая же разница между словами правдивого и лжеца, когда речь обоих их известна, и когда то, что известно, несомненно существует?“

Билаухар сказал: „Разницу между ними составляет то, что слово лжеца известно относительно понятий, обозначаемых каждым именем в отдельности, но неизвестно по отношению к сочетанию. И примером может этому служить слово лжеца, когда он говорит, что огонь холоден: он тут соединяет два имени, которые оба в отдельности известны по существу, но, соединенные вместе, отвергаются. Примером же подобным из слов правдивого может служить

его слово: огонь горяч. Тут он соединяет два имени, одинаково известные и по существу и по сочетанию“.

Будасф сказал: „Иногда при правдивом слове бывает столько ясности, что ее вполне достаточно, и иногда слова неправдивые для слушающих кажутся чем-то между правдой и ложью. И к каким из этих двух разрядов принадлежит твоя речь?“

Билаухар сказал: „Я делю речь на два разряда: один из них — правда, другой — ложь. Затем я делю правду на два вида: один из них — правда ясная сама по себе, другой — правда скрытая, на которую указывает нечто другое. Затем я делю ложь на два разряда: один из них ложь ясная сама по себе, другой — ложь скрытая, на которую указывает что-нибудь другое. Моя же речь к тебе о рае и аде и их господе принадлежит к той явной самой по себе правде, которою удовлетворяются и которою пользуются для доказывания другого“.

Будасф сказал: „Разве есть разница между ясным и ясным, как есть разница между ясным и скрытым?“

Билаухар сказал: „Я делю ясное на два вида, ясность которых одинакова, но толкование которых различно“.

Будасф сказал: „Объясни мне эти виды и покажи мне, в каком отношении к ним стоит твоя речь“.

Билаухар сказал: „Я делю речь на два разряда, первым из которых будет правда, а другим — ложь. Затем я делю правду на два разряда, первым из которых будет ясное, а другим — скрытое. Затем я делю ясное на два разряда, первым из которых будет ясное в отдельных именах, а другим — ясное в именах соединяемых. И в моей беседе с тобой о боге и рае и огне собраны воедино ясное в отдельности и ясное в соединении“.

Будасф сказал: „Ты меня принудил уверовать в бога и в назначенные им награду и наказание. А теперь повтори мне опять слова, побуждающие к отречению от сего мира“.

Билаухар сказал: „Мир сей — драгоценность незначительная. И не всякий из людей заслуживает воздержания от него, ибо он есть темница благочестивых и рай безбожников. И какое может быть желание выходить из него у того, для кого он есть лучшее из жилищ, и какое может быть удовольствие пребывать в нем для того, для кого он есть худшее из жилищ? Но имеют право ненавидеть его и гневаться на него и злобствовать против него только ищущие выхода из него, знающие презренность его:”

их удерживает от пребывания в нем и упования на него и борьбы за него испытанием войск его и поклонения страстям его и пленения в силках его то, что они знают о блаженстве будущей жизни и благородстве ее, которые не достигаются иначе, как освобождением себя от уз мира сего и сбрасыванием силков его. Ибо они — два жилища, друг другу противоположные; не обрабатывает их вместе никто и не соединяет их вместе никто, как нельзя никому одновременно помогать двум противоположным отрядам и поддерживать их. Но только таковы доступность и ширь будущего мира, что он находится налицо; путь к нему легок, двери к нему открыты для того, кто попадает на дорогу к нему и отрекается от мира сего, который есть прямая противоположность ему. И таковы низость мира сего и теснота его, что он малодоступен, тяжел, неудобен своими дорогами, так что ищущие его более употребляют ухищрений из-за него, и злополучнее тех, кто его отвергает и от него отрекается. И бывает, что добираются до него неко-
114 торые из сынов его и почитателей его отречением от будущего мира, который есть противоположность ему, но это не делает его благосклонным к ним. Далее, низость его природы такова, что он сперва отнимает платье и потом надевает, и сперва похищает и потом только одаряет таким именно образом, что он ни на одного из своих почитателей не надевает платья, не отняв его предварительно у другого, и не одаряет его ничем, кроме того, что похитил у другого. И никогда не завершается им благодеяние и не заканчивается дело, благодаря тому, что он требует назад дар и разъединяет собранное, и разрушает построенное, и старит новое, и сушит зеленое, и унижает высокое, и делает большим здоровое и мертвым живое.

И сравниваю я его, о сын царя, с пустыней, окруженной безводными гибельными местами. А сама она кишит зверьми хищными и разбойниками свирепыми, и дьяволами сильными, и оборотнями лютыми, и самумами жгучими. Вода ее — яд смертельный, и растения ее — дерево смерти. А в середине ее сад, окруженный стеной, недоступной и не разрушимой; дверь — плотно закрытая, надежная. В нем есть деревья плодоносные и вода чистая, и прохлада, и тень. А за теми безводными
115 местами, с одной стороны — берег и плодородие, и люди, и толпа, а с другой стороны — море яда, в которое бро-

шена желчь драконов и над которым веет самум огня, и нет из этой пустыни выхода, кроме этих двух дорог. А внутри того сада немногих людей, а вне его в пустыне много их. И между находящимися внутри есть такие, которые только и мечтают как бы выйти и устремиться к бедствию и мучению, чтобы, таким образом, приблизиться к берегу и к толпе. И есть такие, для которых нет предприятия противнее выхода из-за их кротости и вялости. И между находящимися вне есть такие, которые только и мечтают, как бы войти, из желания скорее добраться до еды и зелени, не будучи в состоянии переносить утомление ради возвращения. И есть между ними такие, которые счастливы и довольны своим местом, терпеливо ждут, кто их доведет до покоя и простора. А составляет этот сад охраняемую собственность царя, и он не перестает поддерживать с ним связь при посредстве надежнейших своих посланников. И кого они найдут из находящихся в нем воздержным и целомудренным, не праздным и не несправедливым, или же из находящихся вне его не разрушающим и не возносящимся, того они переносят из этого места, из милосердия к нему, сжалясь над ним и возвращают в его город и к его семье. А кого они найдут уклоняющимся от прямого пути или бесчинствующим из находящихся
116 внутри, и праздным и несправедливым, или же кого из находящихся вне его найдут нападающим и разрушающим, того они переносят, волоча его и опалая, потрясая его и жестоко обращаясь с ним, и ввергают его в пучину яда, которая предает смерти и поглощению то, что в ней. Эта пустыня — мир сей со всеми испытаниями, которые находятся в нем; сад — то небольшое количество спокойствия и наслаждения, которое есть в нем; берег, который с одной стороны ее — место пребывания благочестивых в жилищах того мира; море яда и самума — жилище безбожных в том мире. А те, которые находятся вне этого сада и внутри его — это различные разряды людей в этом мире.

Ты же, о сын царя, и отец твой принадлежат к тем, которые были внутри его. Отец твой не боялся бога и не щадил людей, ты же был мягок и милостив. А я, о сын царя, и многие из идолопоклонников были из тех, кто находился вне его. Что касается их, то они кричали и бесно-

вались, а я был мягок и кроток, и вот как будто пришли к нам посланники царя и разлучили нас, и разъединили нас, и перенесли каждого из нас к тому, что ему подобает и к чему он призван“.

Затем Билаухар увещевал его и сказал: „Ты, о сын царя, находишься между тремя врагами, помимо которых никто на тебя не посягает; это — дурное намерение и дурное слово и дурное дело. Итак, очисти свое намерение и будь праведным в своем деле“.

Потом он помолился за него, и вышел от него, и на этом расстались в эту ночь. Затем Билаухар не переставал приходить к нему, увещевая и поучая его, и челядь заподозрила его и усомнились в нем, из-за прихода его к нему среди глубокой ночи.

Царь поручил было надзор за сыном одному мужу из своих приближенных, умному, надежному, и когда тот узнал о положении Билаухара, он поговорил наедине с Будасфом и сказал ему: „Ты знаешь, о сын царя, мой сан у твоего отца и мое положение у него и что он назначил меня на это место только по доверию к моей верности и искренней преданности ему. И не одобряю я положения этого мужа, который приходит к тебе, и боюсь, что это именно такое дело, которого не желает царь и которое он запрещает. И если он приходит к тебе, о сын царя, по добру, так что не будет тебе неприятно, чтобы отец твой о нем знал, то мы его известим об этом, ибо уж очень усилилась его власть над тобой, и мы стали подозревать его и много толковать о нем. А если это есть дело, которое должно быть скрытым и к которому тебя увлекла страсть какая-нибудь и в котором ты усматриваешь какую-нибудь выгоду, так что из-за одной из этих причин тебе нежелательно, чтобы твой отец это знал, то сделай с нами одно из трех: или откажись от дальнейшего, а мы скроем прошедшее, или же обеспечь нас от твоего гнева и порицания, и мы доведем об этом до сведения царя после того, как ты приготовишь для него достаточный запас извинений и объяснений, или же ты прогони нас от себя в гневе, который ты обнаружишь по отношению к нам, и потребуй от царя, чтобы он нас прогнал от тебя“.

Будасф сказал: „Первое, что я сделаю с тобой, это будет то, что мы устроим собеседование, в котором ты услышишь речь нашу, из-за которой мы собираемся, а затем уже сделай по поводу нашего дела, как знаешь“.

И посадил он его в эту ночь за завесу, и вошел Билаухар, и Будасф попросил его описать ничтожность благ мира сего и величие положения будущего. Билаухар сказал: „Стремление к истинному благу выражается, между прочим, в предпочтении будущей жизни преходящим благам мира сего. И как не понимают пристрастившиеся к благам мира сего, что они не получают от них наслаждения, если они не могут быть уверены в продолжительности их! Или как они не знают большую и наиболее продолжительную часть этого наслаждения, обладая только незначительнейшей и ничтожнейшей, и презреннейшей, и наиболее скоро преходящей частью. И никогда не погибнет от благ мира сего никто, кроме легкомысленного, и никогда не собьется с пути к будущей жизни никто, кроме заблуждающегося. И разве ты не видишь, о сын царя, что люди обманывают друг друга из-за драгоценностей мира сего, хотя и не сомневаются, что они скоро уйдут из их рук, и покидают из них все, что имеет преимущество и прочность, и отвергают из них все, что имеет недостаток, и все, что скоро изменяется, переходя из состояния новизны в состояние ветхости, а между тем они упускают закрепить за собой драгоценности будущего мира, в преимуществе которых они не сомневаются. И какая же связь с миром сим будет найдена вечной? И какие из разных разрядов людей злощастнее в нем, чем эти ищущие увеличения его скарба, увлекающиеся собиранием его, которые по мере того, как в нем богатеют, беднеют в будущем, и по мере того, как в нем достигают почета, удаляются от бога?“

И как похожи они, о сын царя, на отряд воинов, который царь послал из своей земли в землю врага своего, дав им свои приказания относительно врага и взяв предварительно в виде залога из их имущества и их семей столько, сколько по его мнению было достаточно, чтобы страх потерять это удержал их от неповиновения царю и противодействия его приказу. И обещал он им, кроме того, столько богатых наград за повиновение и храбрость, сколько по его мнению было достаточно, чтобы они дорожили ими и предпочитали их, при доверии их к честности царя и правдивости его слов. И когда они выступили от него, они напали на врагов его и победили их. А завещал им царь, чтобы они, когда победят врагов своих, прогнали их и вывели

что она для них была чужая. Потом они привыкли к ней, когда узнали вид ее и дух ее. И она подружилась с ними, и они подружились с ней. И всякий раз когда ее хозяева оставляли ее без присмотра, она приходила к ним в это место и обнюхивала их, и оставалась к своим хозяевам. И они поняли это и извиняли ее исчезновение, потому что она скоро возвращалась; и оставались газели из-за нее в этом месте, боясь удалиться от нее так далеко, что ей нельзя будет приставать к ним и что тогда они лишены будут общества ее и свиданий с ней. И паслись они в этом месте до тех пор, пока оно не засохло. И когда она однажды опять пришла к ним, они увлекли ее в одну необитаемую зеленую долину и показали ей дорогу туда и условились встречаться там. И показалось ее отсутствие слишком долгим ее хозяевам, и они заподозрили ее и побоялись, как бы это не затянулось так долго, что она опять одичает и совсем к ним не вернется. И послали потом за ней соглядатая своего, когда она опять ушла, и тот принес им весть о ней. И когда она на другое утро опять ушла, они пошли по ее следам и дошли до нее и нашли, что она остается среди этих газелей. И тогда устремились на них собаки и стрелки на лошадях, и перерезали всех, и взяли свою газель, и увезли ее, и привязали ее, так что она уже не могла уходить и возвращаться в пустыню.

И вот, о сын царя, если бы ты ушел со мною, я боюсь как бы не оказалось таким положение мое и положение моих друзей, и как бы не наступило скоро для них наказание, и как бы не лишились мы нашей радости в тебе и нашей надежды на оживление этой веры тобою и на воздаяние через твои руки приверженцам ее, и как бы ты не был лишен того, что тебе нужно и чего ты, с соизволения бога, достигнешь в радости и благополучии. И, поистине, удерживать царя от свирепствования против оставшихся еще наших единомышленников тем, что ты пребываешь в его владениях, и умиловать его скрывает то нарушение его приказаний, которое его оскорбляет, дабы таким образом заставить его забыть свою ненависть к людям веры и свой страх пред ними за тебя, составляет для тебя большее служение богу, чем если бы ты его раздражил

против нас своим уходом с нами. И изощрял он свой ум, сожигая и изгоняя нас в прошедшем, и всецело предается этому в будущем. И нет у нас отвращения к смерти, но мы не желаем, чтобы твой уход с нами в место наших собраний послужил ему указанием на нас: в таком случае мы сами помогли бы ему в борьбе с нами. Итак, я уйду, а ты оставайся“.

Будасф сказал: „Где же место, где вы собираетесь?“
Билаухар сказал: „В пустыне, где нет ни человека, ни жилья, и куда нет дороги для людей. И никто не знает нашего места, кроме диких животных и хищных зверей“.

Будасф сказал: „Сколько времени остаетесь вы там, когда собираетесь?“
Билаухар сказал: „Кто из нас меньше всего остается, остается месяц, а кто больше всего остается, остается до года“.

Будасф сказал: „И есть ли там у вас пища, которою вы живете?“
Он сказал: „То, что мы там находим из зелени. Но чтобы у нас там были сады или поля, или овцы или коровы, так этого нет“.

Будасф сказал: „Какую же вы там находите зелень и сколько?“
Билаухар сказал: „Там есть дерево, листьями которого мы довольствуемся. И на каждого человека из нас приходится одна горсть листьев этого дерева каждый день. И есть у нас там вода пресная, обильная и тень того дерева“.

Будасф сказал: „Как вы называете это праздником, когда ваша жизнь так тяжка, как я слышу?“
Билаухар сказал: „Преимущество этой жизни, которую я тебе описал, пред жизнью нашей в остальные дни нашего земного существования похоже на преимущество жизни людей мира сего в их праздники перед жизнью их в остальные дни их земного существования. Разве ты не видишь, о сын царя, что праздник называется праздником потому, что он всего больше удовлетворяет потребности людей, празднующих его, и потому что прибавляет нечто к тому образу жизни, к которому они привыкли. И наш праздник соединяет для нас две вещи, из которых каждая удовлетворяет наши потребности и прибавляет нечто к роду нашей жизни. Дело в том, что мы утешаем души наши отвержением мира сего и напоминанием им о будущей жизни и назна-

чаем себе на пропитание пищу в таком только количестве, чтобы сохранить жизнь. Притом же мы утомляемся и трудимся и мало имеем отдыха. И вот праздник наш прибавляет нам досуга для того дела будущей жизни, которыми мы утешаем души наши, и отдыха для тел наших для мира сего“.

Будасф сказал: „Опиши мне состояние ваше, когда вы собираетесь, так, чтобы я как бы видел это своими глазами“.

Билаухар сказал: „Не посещал ли ты, о сын царя, когда-либо рынка и не видел ли посетителей его рассеянными по сторонам его. Все они настойчивы, выпрашивают, нуждаются в чем-нибудь, упорствуют в поисках его, но одни из них сидят, другие стоят, еще другие идут, другие бегут, одни молчат, другие говорят, еще другие кричат. Таково и наше состояние в праздник наш. Только те ищут мира сего, а мы ищем будущего. И так как велико значение того, чего мы ищем, то тяжел и труд искания. И мы также делимся на различные группы: стоящие и сидящие, поклоняющиеся и преклоняющиеся колена. Стоящие возвышают голос свой, обучая мудрости, поклоняющиеся плачут от величия того дела, из-за которого возвышают голос свой, преклоняющиеся колена возносят к богу свое желание, сидящие — славят за отдых господу своего. Далее, между нами есть удрученные слабостью и между нами есть замолкнувшие оттого, что долго скрывались, и между нами есть трясущиеся от утомления, и между нами есть заболевшие от усталости, и между нами есть и такие, которых упокоила смерть. И живой из нас радуется мертвому из нас, и здоровый из нас радуется больному из нас, и сильный из нас радуется слабому из нас, и каждый из нас радуется преимуществу другого, и каждый из нас доволен своим положением и положением брата своего. И ночь не делает нас беспечными, и день не делает нас наемными, и страсть не соблазняет нас, и богатство не занимает нас, и семья отвлекает нас, и вот таково наше состояние“.

Будасф сказал: „Как радостно для меня состояние это и как страстно я желаю его для себя!“

Билаухар сказал: „Ты скоро достигнешь его и будешь из живущих в нем“.

Будасф сказал: „Куда вы переселяетесь, когда расходитесь с вашего праздника?“

Билаухар сказал: „Одни из нас — в соседство людей и населенных мест, а другие — в горы и пустыни“.

Будасф сказал: „А какой отдых для тел ваших находите вы в ваш праздник?“

Билаухар сказал: „Пребывание на месте и общество. Дело в том, что мы странствуем в обыкновенное время по одному или по два, не останавливаясь нигде и не отдыхая, а в праздник наш мы живем на месте и собираемся вместе, и один снимает с другого бремя труда и одиночества“.

Будасф сказал: „Чем вы питаетесь в остальные дни вашего существования?“

Билаухар сказал: „Мы питаемся тем, что вырастит земля благодаря дождю и на что никто из людей не имеет притязания. Переходят же за это к тому, что люди выращивают и возделывают, только те из нас, которые пребывают вблизи населенных мест и не находят достаточно растений, на которые никто не имел бы притязаний, почему они едят то, что им без просьбы дают люди из выращенного ими, или же голодают, пока не случится кто-нибудь, кто бы им дал что-либо, или же умирают“.

Будасф сказал: „Я дам тебе в запас имущества, а ты отнеси его к своим друзьям“.

Билаухар сказал: „Разве есть у тебя, о сын царя, имущество, лишнее для тебя, которым ты мог бы снабдить меня в запас? Или как можешь ты от себя давать имущество моим друзьям, когда ты более нуждаешься в нем, чем мои друзья? И одаряет ведь человек только того, кто более нуждается, чем он сам. И наиболее нуждающийся, о сын царя, из моих друзей богаче тебя имуществом. Притом же в скором времени ты разбогатеешь, и умножится твое имущество, и затем ты привяжешься к нему, и душа твоя не расщедрится ни на что из него для кого бы то ни было из людей“.

Будасф сказал: „Как это беднейший из твоих друзей может быть богаче меня имуществом, когда ты только что описал их состояние таким, каким ты их описал. Или как это я буду скупиться на имущество, когда оно умножится, тогда как я его теперь щедро раздаю?“

Билаухар сказал: „Не бедность их я описывал; я тебе описывал их довольство и объяснял тебе, в каком состоянии удовлетворенности и радости они находятся, дабы ты радовался ему за них и восторгался им за них и дабы твоя душа возгорелась бы желанием достигнуть такого же состоя-

ния, в каком они находятся. Дело в том, что довольство состоит в незначительности потребностей в благах мира сего и в сильной радости будущей жизни. И они превосходят тебя в незначительности потребностей, потому что отреклись всецело от мира сего, с которым ты продолжаешь путаться, и превосходят тебя в радостном исполнении тех дел, к которым они крепко привязались и которых ты не достиг своей жизнью, и потому еще, что они больше жаждут быть ближе к смерти, которая есть отдых их, чем ты по причине продолжительности их жизни и молодости твоего возраста, и превосходят тебя еще общением и единением и единомыслием, которыми они отличаются, и уверенностью их в том, что их умершие достигли блаженства и милости, и потому что ты находишься в печали о братьях своих и в отчуждении от них. И ты едва ли не скоро присоединишься к ним, и пройдет много времени, и умножатся дела твои, и увидишь ты братьев своих, и возрадуешься им, и они возрадуются тебе. И затем твоя душа не расщедрится никому из людей ничем из твоих благ, к которым ты крепко привязался, но и не возьмет от твоих братьев, которых ты себе взял. И тогда вот ты признаешь нужным скупиться на добро свое и довольствоваться. А что касается того запаса, которым ты хотел меня снабдить, то не имущество ты мне предложил, а предложил ты мне соблазн, чтобы я отнес его своим друзьям. И каким дурным я был бы для них посетителем, если бы я пришел к ним с грузом мирских благ, с которыми они боролись, пока не победили их, и воскресил бы им врага и оживил бы им страсть, которую они уже успели отбросить за спину. И какая им нужда, о сын царя, допустить в свою среду врага, который начнет их опять смущать и напоминать им о мишуре мира сего и суете его? И если они вернутся к нему, они вернутся к бедности и гибели, а если не вернутся, то разве золото и серебро и драгоценные камни не то же самое, что те камни, которые мы находим в нашей пустыне, не извлекая из них никакой пользы?"

Будасф сказал: „Откуда вы добываете то платье, которое носите?"

Он сказал: „Мы находим, что добывание его для нас есть самое затруднительное из дел мира сего. И так как мы увидели это, то стали довольствоваться тряпьем и рубищем, а по временам и плетеньем из волокон и листьев. И не жаждем мы платья для тел наших, а только для срам-

ных частей, которые есть худшие части тела нашего, и довольствуемся одним платьем на одно время нашего существования и не возобновляем ни одного платья, разве что желаем, чтобы оно было последним нашим запасом от мира сего и приверженцев его. И если нас постигнет смерть прежде, чем оно износится, то это и есть цель, к которой мы не перестаем стремиться. А если мы остаемся в живых и оно износится настолько, что под ним уже нельзя скрывать то, на что мы считаем позорным смотреть, то мы не находим другого средства, как направиться в населенные места. И тогда нуждающийся из нас примет платье от любого человека, благочестивого ли или безбожного, который сочтет возможным для себя дать ему такое. И если это долго не случается, то он покрывается тряпьем из мусорных куч и древесным плетеньем, пока не встретит кого-либо, кто предложил бы ему без просьбы."

Будасф сказал: „Так не дать ли тебе в запас платье, которое ты мог бы распределить между ними?"

Билаухар сказал: „Это было бы запасом и подношением. А мы этого не делаем, и каждый из нас возобновляет платье только тогда, когда ему уже не остается никакой возможности, и не торопится делать запас для такого дня, о котором не знает, достигнет он до него или нет."

Будасф сказал: „И откуда у тебя это платье, в котором тыходишь ко мне?"

Билаухар сказал: „Это есть скорлупа, которую знает и к которой привык дьявол. А мы взяли ее к себе как средство, чтобы найти доступ к тебе и чтобы отец твой с войсками своими и воинами своими не отнесся к нам неодобрительно."

Разве ты не видишь, о сын царя, что иногда человеку желательно бывает попасть к врагу своему или потому, что ему что-нибудь нужно от него, или потому, чтобы высмотреть какую-либо слабую сторону его или из-за друга, который попал к нему в плен и которого он желает освободить и увести с собой. И тогда он не видит другого средства, как надеть платье врагов своих и подражать внешнему виду их и провозглашать боевой клич их, чтобы таким образом ему возможно было улучшить какую-нибудь оплошность у них и достигнуть того, что ему желательно у них. А когда он достигнет того, что ему нужно от них, и спасется вместе с пленником своим

и вернется в безопасное место, тогда он возвратится к одежде своих единомышленников и обличию их.

И вот ты, о сын царя, был тем, что нам нужно было у нашего врага и был тем другом нашим, который был в плену у него. И мы освободили тебя с соизволения бога из среды пленников мира сего, который есть твой враг и наш враг, при помощи той одежды, в которой ты был пленен. И она и есть та порицаемая часть, о которой я тебе возвещал и от предательства которой я тебя предостерегал и на позорность которой я обращал твое внимание. И мы вернемся теперь в наше убежище и сбросим с себя одежду врагов наших и возвратимся к одежде общины нашей. А что касается этой одежды, то она взята в заем у одного мужа, уверовавшего в мудрость, которого блага мира сего сделали неспособным переносить наш образ жизни. И мы зачтем ему как доброе дело ту изношенность, которая постигла его платье, так как мы не хотели дойти до тебя в другой одежде, чем в этой. И если бы мы ушли от тебя, о сын царя, мы не понесем ее на теле нашем, а на спине нашей. Затем ничто не отклонит нас от отдачи ее ему. И если бы ты, о сын царя, увидел меня в моей скорлупе и моей одежде, то увидел бы образ, может быть, ниже и презреннее того, чтобы тебе к нему подходить“.

И потребовал Будасф от него показаться ему в своей одежде, чтобы посмотреть на него, и заклинал его. И снял он ту одежду, и показалась кожа черная, натянутая на кости длинные, изнуренные, тонкие. И не было на них одежды, кроме потертого платка, покрывавшего его срамные части до половины голени. И умилился Будасф следами подвижничества, которые он видел на теле его, и не мог удержаться, чтобы не подскочить к нему и не обнять его, и плакал долго. Потом он сказал: „Если ты отказываешься взять меня с собой или отвезти от нас платья своим друзьям или имущество, то прими от нас одежду для самого себя“.

Билаухар сказал: „То, что ты предложил мне, о сын царя, не было желанным для моих друзей, так что я мог бы им это привезти; и каким же образом я то же самое приму для себя, когда я лишил их его из любви к ним? Если бы оно было благом, то я бы его предпочтительно отдал им“.

Будасф сказал: „Так возьми от меня платок вместо твоего платка, и отдай мне твой, ибо я желаю, чтобы он у меня остался как память о тебе“.

Билаухар сказал: „Замена мне старого платка новым растягивает мою надежду соразмерно разнице, существующей между ними в их крепости. И пусть будет тот похожим на этот по изношенности“.

И велел Будасф ему дать один из старых своих платков, и надел его на него, а сам взял его платок. И взял он с Билаухара обещание, что он вернется к нему еще до истечения года, если не умрет, или не будет удержан силой. Потом Билаухар простился с ним и благословил его и вышел от него.

Будасф же начал втайне предаваться подвижничеству и, когда наставала ночь и все кругом его спали, он снимал свои платья и надевал этот платок, и в нем спокойно молился до утра.

И притворялся больным несколько дней тот муж, которому был поручен надзор за Будасфом, а был он весьма уважаем царем. И послал царь к нему своего врача, чтобы тот его лечил и следил за ним. И посмотрел на него врач и ушел к царю и сказал ему: „О царь, я не вижу ничего подозрительного ни в цвете его лица, ни в поте, ни в дыхании, но только он сильно похудел, и я полагаю, что это не от чего-либо другого, как только от душевного волнения. Что же касается болезни, то как он далек от нее!“ И заподозрил царь тогда того мужа и побоялся, что Будасф начал тяготиться его положением и обидел его и наругал ему. И послал он сказать ему: „Я навещу тебя сегодня“. И когда к нему пришел вестник с этим, он встал и надел свои платья и вышел навстречу царю. И встретил он его на одной из дорог, и когда увидел царя, он поклонился ему до земли, потом встал и помолился за него. И сказал ему царь: „Что удержало тебя от пребывания в твоём жилище, чтобы я мог завершить посещение тебя?“ Он сказал: „О царь, болезнь моя не происходила от хворости в теле, а от тревоги в сердце, и я не хотел, чтобы царь утруждал себя посещением меня без болезни, которая приключилась бы мне, ибо это было бы с моей стороны непониманием его достоинства“. Царь сказал: „Чем же ты озабочен? и от которого“ О царь, я озабочен сном, который я видел и от которого в меня вселился страх. И стал я бояться, как бы не случилось некоторое бедствие“. Царь сказал: „Иди со мной, чтобы мы могли слышать его спокойно“. И когда он вошел во дворец свой, он призвал его, чтобы расспросить его о сне. И он сказал:

138 „Я видел, о царь, что народ весь вышел толпой в лес, изобилующий деревьями. И накинута на деревья, срубая и сжигая, пока не осталось ни одного дерева стоящего. И пока мы находились в таком положении, вот стало в нем вырастать одно дерево и возвышаться и толстеть. Потом оно стало двигаться и вошло в самую середину войска и прошло мимо людей, пока не дошло до Будасфа, и остановилось и дошло до него. И сел он у корня его, прислушиваясь, и стали листья его трястись и отпадать, и не падал ни один лист его иначе, как попадая в ухо его; потом он проходил и падал в живот его, так что мы видели, как потолстел живот его. Потом дерево ушло назад, пока не скрылось от нас, а он превратился вместо него в дерево еще большее и красивейшее, чем то. И подошел ты, о царь, с толпой людей и, когда ты приблизился к нему, ты направился к нему с немногими людьми и остановился у него. И оно тряслось над вами, и как только лист падал на кого-нибудь из вас, он сейчас же отталкивался и возвращался к тому месту дерева, от которого он вырос. И ушли вы от него и собрались люди к корню его. И оно стало над ними трястись, и всякий лист, который падал на кого-нибудь из них, входил в ухо его, а сам человек превращался в дерево вместо него, так что лес наполнился деревьями и стал лучше, чем он был прежде.

Потом я проснулся и напугал меня этот сон, потому что и наяву он был так страшен, и я не понимал, как истолковать его, и не мог ни есть, ни пить, хотя не было у меня ни болезни, ни страдания“.

И когда выслушал Джанайсар этот выдуманный сон, он показался ему страшным настолько, что это видно было по его лицу, и не ответил он рассказавшему его ни слова, и встал, и удалился в ту комнату свою, в которой он оставался один, когда бывал озабочен важным делом. И ушел тот муж в свое жилище и остался там.

И когда истощилось терпение царя, он послал за толкователем снов, которого имя было Ракис. Он был с толкователь, чародей, звездочет, и царь прибегал к нему по поводу важнейших дел своих. И сообщил он ему об этом сне и спросил его о значении его. Ракис сказал: „Это, царь, не есть сон, а видение сути, а именно то самое дело из дел веры, увлечения которым ты так боялся за своего сына.“

И не знаю я, случилось ли уже это дело, или еще имеет случиться. И если угодно царю, чтобы я подводил счет для этого дела, с тем, чтобы дать сведение о нем, то я это сделаю, а если ему угодно будет подослать к тому мужу кого-нибудь, кто потом мог бы сообщить правду и что тут сон и что действительность, то пусть сделает. Но вместе с тем, я не думаю, что, если бы ты допросил такого-то, он воздержался бы от объяснения того, на что он намекал тебе этим сном, и это будет лучше всего для обращения с этим делом и для изобретения средства против него“.

И послал царь к видевшему сон и сказал: „Ты знаешь, что я предпочитал тебя, доверяя твоему уму и твоей преданности. И ты своим сном, который ты сочинил, иносказательно указал нам нечто такое, что нам неприятно. И мы желаем знать его в настоящем виде, чтобы быть в состоянии найти выход; и так объясни его нам“. Он сказал: „Сон мой, который я рассказал царю, частью есть то, что я видел и чего был свидетелем, а частью есть то, чего я опасуюсь и что предвижу. То, что мы видели, есть то, что случилось с Будасфом в деле, которое порицает царь, а что мы предвидим — это призывание Будасфом народа к этому делу и согласие народа на это, если бы управление делами перешло к нему“. Потом он рассказал о Билаухаре и его посещениях и о тех речах его, которые он слышал. 140

И был царь удручен горем и гневом. Потом он стал обдумывать с неторопливостью, надеясь в этом найти средство для спасения сына своего. И остался наедине с Ракисом, звездочетом, и сказал: „Что до правды, то она дошла до нас, но что теперь предпринять?“ Ракис сказал: „Первое — отыскать этого человека. И если мы его захватим, то мы устроим с ним спор и приведем наши доводы против людей подвижничества, а именно, что они неблагодарны за благодеяния бога, запрещая пользоваться тем, что он им уготовил, и пресекая деторождение, когда только им и заселяется земля и только им завершается благосостояние. И если мы достигнем этим успеха над ним настолько, чтобы поколебать Будасфа и указать этим способом ошибку того мужа и неправоту его взглядов, то это будет для нас победой. А если мы этого не достигнем, мы его удалим. Потом я надену его наряд и явлюсь к вам в нем, чтобы Будасф признал меня в нем за Билаухара и не одного признака своего друга не искал бы тщетно. Потом я с ним поговорю 101

словами Билаухара, опровергая себя и признаваясь в заблуждении и ошибке в том, к чему он его призывал, и уговаривая его вернуться к признанной им справедливости в пользовании благами мира сего, отвержение и разрушение которого я раньше ему проповедовал. И если это излечит Будасфа и оторвет его от того, что нелюбо царю, то хорошо, а если нет, то прими те меры, которые признаешь нужными". И понадеялся Джанайсар, что Ракис поможет ему в этом деле.

Потом он послал доверенных своих на дороги и в области своей земли, а сам поехал с приближенными своими на важнейшую из этих дорог, по которой, вероятнее всего, пошел Билаухар. И усердствовал он несколько дней в поисках, и не захватил никого, и утомился, и хотел вернуться. И сказал ему Ракис: „Вычисление указывает, что мы не вернемся с этого пути, не достигнув. И я вижу успех, и вижу пленных, и вижу их недалеко отсюда. И если царю угодно, то он останется на этом плодородном и зеленеющем месте, а меня пошлет преследовать их“.

И остался Джанайсар и послал его с отрядом конницы. И пошел он быстро и, когда день подходил к концу, увидел толпу людей пеших, шедших быстро. И когда он дошел до них, то они оказались сборищем подвижников, в числе которых был один, нагруженный человеческими костями, которые он нанизал на веревку из древесных волокон. Он шел впереди их. И приказал Ракис своим конным остановить их. Потом он сказал: „Кто из вас тот, который обманул сына царя и ввел его в заблуждение?“ Нагруженный сказал: „Этот не находится среди нас и не вынес бы общения с нами; вы ближе к нему по связи и дольше знакомы с ним, чем мы“. Ракис сказал ему: „Знаете ли вы его?“ Он сказал: „Как хорошо мы его знаем! Это дьявол, имя которого Ракис. Мы не думаем, чтобы он был где-нибудь, кроме как среди вас“. Он сказал: „Мы вас спрашиваем только о Билаухаре“. Он сказал: „Не о том, кто его ввел в заблуждение, спрашиваете вы, когда спрашиваете о том, кто его учил и указывал ему прямой путь. А это наш брат и наш друг, но только мы теперь не имеем с ним связи“. Ракис сказал: „Скажите нам его местопребывание“. Они сказали: „Если бы он хотел встретить вас, он пришел бы к вам. А если он не хочет, то мы не навлечем на него того, что ему неприятно“. Он сказал: „В таком случае царь вас убьет“. Они сказали: „И из-за какого блага, которое ты

у нас видишь, подозреваешь ты в нас любовь к жизни и отвращение к смерти?“ И погнал их Ракис, пока не привел их к царю.

И когда Джанайсар увидел их, он загоревал, убедившись в том, сколько их еще осталось, несмотря на убиение и изгнание их им. Потом он сказал: „Поистине, если вы понесли эти кости, печальясь о владельцах их, то мы еще увеличим их число, присоединив к ним ваши кости“.

Нагруженный сказал: „Поистине, мы более печалимся за самих себя и за тех из друзей наших, которые еще несут свои кости, чем за хозяев костей, нанизанных на эту веревку, которую ты видишь. У нас нет горя по поводу того, чем ты нам угрожаешь и по поводу присоединения наших голов к числу этих костей, но у нас есть печаль по поводу запаздывания твоей жестокости к нам“.

Джанайсар сказал: „Что побудило вас понести их?“

Нагруженный сказал: „Уважение к ним и любовь к хозяевам их и радость за них по поводу благодати, которой они достигли благодаря тому, что ты разлучил эти кости с душами их, и, кроме того, то постоянное возобновление мысли о смерти, цели нашего странствования, которое мы ощущаем в своих сердцах“.

Джанайсар сказал: „И какое обстоятельство делает эти истлевшие кости более красноречивыми в увещании умных и в напоминании им о смерти, чем те кости, которые находятся в их телах?“

Нагруженный сказал: „Делает их более красноречивыми в напоминании о смерти то, что они — кости мертвых, а те кости, о которых ты говоришь, кости живых. Всякая же вещь более красноречива в напоминании, когда она действует в своем настоящем виде, чем когда действует при посредстве другого чего-нибудь. И если ты утверждаешь, что они равны, то все-таки не сочтешь ты недостатком в нас, что мы умножаем себе напоминание о смерти, так как те кости, которые в наших телах, и истлевшие кости наших мертвых оживляют нам это и напоминают нам о нем. Но какое обстоятельство делает тебя более гневным против тех, кто предоставляет тебе блага мира сего и уходит от них из-за тебя, чем против тех, кто борется с тобой из-за них“.

Джанайсар сказал: „Это доказывает, что я не желаю мира сего для одного себя, а что я желаю ввести туда с собой и подданных своих и что преследование их мною

за отвержение его есть только урок им за то, что они погубили из него, т. е. из наслаждения им“.

Нагруженный сказал: „Нет, это доказывает, напротив, что ты порицаешь их отречение от мира сего только потому, что боишься, как бы они не разорили его для тебя и не испортили тебе того, что тебе нужно от него. И ты требуешь, чтобы они не были отпущены из неволи его, дабы тебе осталась власть над ними, и чтобы они не избавились от унижения его, дабы тебе остался почет в их глазах, и чтобы они не вышли из нищеты его, дабы не пресеклось твое богатство, добываемое ими. Дело в том, что ты их лишаешь той части его, какой их лишать тебе придется мысль, и раздаешь им ту часть его, какую раздавать тебе придется мысль. Разве ты не видишь, что цель твоя в твоих отношениях к ним — удовлетворение твоей страсти и что ты пользуешься ими, как средством для добывания себе благ мира сего, точно так, как

145 Хозяева берут себе хищных птиц и собак и бьют их, и морят их голодом, чтобы они были упорнее для них в охоте и усерднее для них в отыскании добычи, когда они пускают их на преследуемую ими дичь. А затем вырывают дичь, пойманную ими, из ртов их, когда кончится преследование. И так победа их есть потеря для них и горе, а неудача — позор и жестокое наказание.

И вот точно таким же образом ты им внушаешь страсть к миру сему, и удерживаешь их от него, и не раздаешь им из его благ ничего, кроме того, чем ты не дорожишь. И о самом себе ты заботишься, не о них, когда ты требуешь их возвращения к нему“.

Джанайсар сказал: „Есть ли над тобой кто-нибудь из твоих товарищей?“

Нагруженный сказал: „Нет и нет никого ниже меня. Этого рода преимущества бывают только у тебя и у твоих товарищей в мире сем. Что же до нас, то никто из нас не бывает выше другого в богатстве и почете и славе, и никто из нас не бывает ниже другого в нищете и унижении, и смирении“.

И приказал тогда Джанайсар отрубить им руки и ноги и выжечь им глаза огнем.

Потом он ушел и посоветовался с Ракисом о том, что предпринять, так как не удалось захватить Билаухара. Ракис сказал: „Я помогу тебе, о царь, тем, что облечусь в вид Билаухара для тебя, так что по обличию и подобию ни в чем не ошибусь. И когда ты увидишь, что я притворюсь умершим, то покажи некоторое горе по поводу меня. Потом зажги для меня огонь и брось в него мой труп. Потом подожди меня некоторое время, и я явлюсь к вам 146 в виде Билаухара, а потом уж твое дело“.

И в то время, когда они шли, вот Ракис вдруг отстал. И остановился царь, пока тот не догнал его. И спросил его царь: „Что тебя задержало?“ И тот сделал ему рукой своей какой-то знак, потом свалился с лошади своей и упал на землю мертвым. И выказал царь печаль по нем, потом приказал зажечь огонь. И был он зажжен и в него брошено тело его. И сказал царь в честь его похвалу его преданности и заботливости и его доблести и знанию. Потом он пошел дальше и не успел отойти далеко, как увидел некоего человека. И привели его к нему, и он оказался в образе подвижников. И сказал ему царь: „К каким из приобретений дьявола ты принадлежишь?“ Он сказал: „Если бы я был из них, я был бы среди них, и если ты мне назовешь мою компанию, я рассказал бы тебе, кем из нее я состою“. И сказал царь: „Я надеюсь, что ты Билаухар“. Он сказал: „Так-то лучше, по причине моей заслуги пред тобой“. Царь сказал: „И какую заслугу ты считаешь за собой по отношению к нам?“ Он сказал: „Дело в том, что ты захотел воспитать своего сына и дал промах и воспитал его воспитанием заблуждения и гибели; мы же надеялись при остроте возраста его и пронизательности зрения его, что бог его возвысит правдой и исправит его воспитанием праведности и спасения, так что он освободился от мира сего и отверг его. И если, о царь, тебя обуял страх за блага мира сего, обуревание которыми 147 именно погубит тебя, то ты исчерпал всякую ошибку и придумал правильное средство, воздвигнув на нас казнь и мучения. А если у тебя был страх за сына своего, то ты был невежествен, не признав нашу милость тебе и наши заслуги пред тобой“. И обнаружил царь пред окружающими своего радость по поводу успеха в поимке Билаухара и сказал: „Мы не убьем тебя, не поспорив с тобой. И если ты вернешься к миру сему, мы это от тебя примем, а если откажешься, то мы на тебя обрушим две вещи: мы раскроем

народу твое заблуждение и подвергнем тебя примерному наказанию и мучительнейшей казни". Потом он приказал посадить его на лошадь и пошел дальше, пока не пришел в свой дворец. И приказал он посадить в тюрьму Ракиса, который был в образе Билаухара, и распустил слух среди народа, что он захватил Билаухара. И дошло это до Будасфа, и было это для него тяжело, и он думал, что они действительно захватили Билаухара.

И был один муж из любимцев царя и из носителей его тайн, который знал истину и веровал в нее. А когда царь запретил ему и наступил на него, он предпочел свой образ жизни и скрывал свое дело. И проведал он козни, которые устроил Ракис в деле Билаухара, и побоялся он, что это послужит соблазном для Будасфа. И пришел он к нему среди ночи, и известил его об этом, и отнял у него страх и боязнь за Билаухара, которые были у него, и укрепил его помощью, которую он ему обещал, против устроенных ему козней.

И поехал царь к Будасфу на другое утро и когда увидел его, то заплакал и растрепал бороду свою и волосы на голове и сел в пыли и сказал: „Никто никогда не радовался больше, чем я тебе, и никто никогда не страдал больше от разочарования и отчаяния, чем я оттого, что ты обманул мою надежду и оправдал мой страх. И я уже помирился с мыслью покинуть мир сей и смело ожидал смерти, будучи уверенным, что ты будешь моим преемником. А теперь моя привязанность к миру сему и мое отвращение к смерти увеличились благодаря тому, что ты пресек мою надежду и возвестил мне о смерти своей для мира и проявил дурное преемство, которое ты скрываешь в душе своей, слушая проповедников неправды и заблуждения и впадая в то, чего я боялся за тебя и относительно чего я давал тебе наставления. И ты не побоялся несчастья и гибели, забывая мои увещания, хотя я твой опекун и твой родитель, и все это ты сделал из легкомыслия и дерзкого пренебрежения к правам царским и отцовским, и из самонадеянности, так как ты заподозрил наше понимание веры и нашу понятливость в выборе, считая для себя добродетелью противодействовать тому, что мы для тебя считали лучшим, и оказывая свою защиту людям предательства и заблуждения из шайки дьявола, дабы он показал тебе слепоту и довел тебя до гибели. И ты не преминул вселить в меня печаль благодаря той горечи гибели, которую ты заставил

меня проглотить, не допустив до полной радости тебе, и не преминул презреть благодеяния бога к тебе, оставив втуне милости его, которыми он отличил тебя, и мирские блага его, которые он расточал тебе, и не преминул обидеть отца твоего той неблагоприятностью, которую ты проявлял к нему при жизни его и дурным преемством ему, которое можно ожидать после смерти его. И не есть это нечто невиданное из превратностей судьбы и успехов дьявола, и ты не единствен в согласии твоём на все, к чему он тебя низвел“.

Будасф сказал: „Ты снял завесу с такого моего дела, с которого я не желал, чтобы была снята завеса из-за тебя, дабы я мог тебе попрежнему делать приятным положение, которое ты предпочитаешь и которым ты наслаждаешься, и дабы быть тебе спутником жизни таким, каким ты желал бы меня иметь, пока мы оба в оковах земной жизни. И если бы я умер раньше, я умер бы, не засорив глаз твоих; а если бы ты умер раньше меня, ты умер бы с надеждой, что я после тебя поведу это дело, на которое ты благоволил меня избрать. А затем после твоей смерти тебе не было бы убытка от того изменения положения и перехода от одной веры к другой, которые случились бы в народе. Дело в том, что я часто видел вещи, весьма мною не одобряемые, как твое пристрастие к заключению людей в тюрьму и плен и твое отвращение к отпуску и освобождению их, и я не мечтал о твоём возвращении к правде, так как в тебя вошла ненависть к правде, но я решил из почтительности сыновней к тебе скрывать тайные мои мысли, дабы охранять тебя от обиды, до тех пор, пока это не дойдет до губительного предела, за которым уже нет страха. И ты имеешь права принудить меня к раскрытию перед тобой того, говорить о чем с тобой я избегал, чтобы не прекратилась у меня моя почтительность к тебе и стыд мой пред тобой и чтобы не дало мне это смелость открыто выступить с тем, что я скрывал в душе своей. И я ведь для виду настолько угождал твоему желанию относительно одежды и верховых животных и еды и питья, что ты должен был этим довольствоваться, не исследуя тайны душевной и намерений, и должен был знать, что допрос меня о тех моих мнениях, которые я желал скрывать от тебя, подстрекнет меня еще крепче к тому, что ты раскрыл у меня. И не поможет тебе это, о царь. И не убудет тебя от того правильного способа

действия, что оставишь ты меня в покое в том состоянии почтительности и уважения к тебе, в котором я нахожусь, и примешь от меня открытое мягкое объяснение, в котором не будет заметного для глаза упрека тебе и противодействия, а затем оставишь мне свободным мое сокровенное убеждение, которое не повредит тебе ни при жизни, ни при смерти“.

И когда царь Джанайсар услышал это, его терпение истощилось, и он начал бранить Будасфа, и грозить ему, и сказал: „Ты юноша гордый, самолюбивый. И мы укрывали тебя от людей и удаляли от тебя всякое горе, чтобы сделать тебя сильным и твердым и спасти тебя от порока сатаны и козней его. И возрастили мы тело твоее пищей дорогой и обильной и приучили слух твой и глаз твой видеть то, что чисто, и слышать то, что нежно, и отклонили от тебя вести о делах печальных и вещах гнусных, чтобы ты мог пользоваться тем, что тебя окружало. И сбили тебя с пути твоя надменность и твоя жадность, и тебе надоели спокойствие и нега, и ты потянулся к нужде и нищете, и научил свою душу жаждать того, от чего она оттолкнула бы тебя, если бы ты вкусил его. И тогда ты видел бы досаду ее и стеснение ее и горе ее вдвое более сильным, чем ее пресыщение и неудовлетворенность. И правду мне сказали звездочеты о тебе, когда сообщили в день рождения твоего, что ты будешь человеком вероломным, злополучным, изменчивым, пресыщенным, недовольным всяким положением в мире сем. И мы поэтому не преминули выбрать для тебя лучшее из положений, чтобы привычка к нему пристала к тебе, и мы отстранили от тебя заблуждающихся и невежественных, и очистили от них страну нашу, и вырвали из уст людей соблазнительные заклятия их и чары их, раскрыв перед ними их беззаконие и ложь. И тогда люди изгоняли их от ненависти к ним и убивали их на основании доводов. Тогда дьявол ополчился на нас в твоём лице, так как он не надеялся достигнуть чего-нибудь полезного у нас иначе, как через тебя. И не видел он у нас ничего обещавшего ему больше успеха в том, что ему нужно было от тебя, как внушить тебе отвращение к обладанию тем, что ты имеешь, так что он увлек тебя в скверное увлечение. И вот мы приблизили тебя к нему, ограждая тебя от того, от чего мы тебя охраняли. И если бы мы дали власть над тобой миру сему и он перемешал бы тебе свою горечь и свою сладость,

ты ограничил бы свою гордость и понял бы преимущество того, что ты имел пред другим. Но я принял за образец то, что сделал Касид, царь Несифы, и нашел подобное тому, что он нашел.

Касид был царь умный и праведный и был ревности чрезвычайной. Несифа же был народ из негров, живший за индийцами к восходу солнца. И были страны его до времени его странами чародейства и беззакония, и когда он стал управлять ими, он стал убивать чародеев их и изгонять прелюбодеев их, и в этом ему помогло, помимо его стремления к воздаянию, его воззрения на ревность, так что он понадеялся, что не оставил в своем государстве ни одного из них. Потом он сказал однажды своему везиру: „Знаешь ли ты, что кто-нибудь из царей нашей земли раньше нас принял такое решение или боишься ты, что кто-нибудь из этого отродья, которых я приказал изгнать, еще пребывает у нас в наших владениях?“ Везир сказал: „Что касается этого решения, то я не знаю, чтобы кто-нибудь из царей этой нашей земли предупредил тебя в нем, но чтобы мы могли быть обеспечены от нахождения среди нас остатков этих людей — на это надежды нет“. Касид сказал: „Это не заслуживает имени правильного решения, если оно не исполнено до конца; и если мы тут не достигнем того, что желали, то в таком случае мы не опередили прежних царей правильным решением, а лишь насилием и беспокойством“. Потом царь сказал: „Расскажи мне, каким образом можно дойти до вырывания их отростков и до искоренения их числа?“ Везир сказал: „Разве ты не видишь, о царь, что земля, в которой один род травы растет хорошо, не бывает для остальных родов растений столь же удобной, как для этого рода? Точно так же эта наша земля смешана по природе с чародейством и беззаконием, и не выйдет это из жителей ее, пока они крепко сидят на ней, разве только у тех, чья натура свободна от этого природного свойства, как какая-нибудь одна долина бывает свободной от того вида растений, которые преобладают в долинах, окружающих ее“. И был Касид озабочен тем опровержением своего взгляда и своего желания, которое он встретил и сказал про себя: „В моих женах и в семье моей есть нечто, что отвлекает мою силу, и если я освобожусь при помощи

их от этого позора, то вся моя хитрость не будет лишней для них". И обратил он главное свое внимание и заботу свою на ограждение их и препятствование тому, что кто-нибудь из людей доходил до них. А был он мужем-многоженцем и было у него много детей. И была у него дочка, которую он любил больше всех своих детей и не боялся за нее той порчи, которой он боялся за остальных членов семьи. И брал он ее с собой в походы, когда воевал. И стал народ Несифа многочисленным в это время и выступил в поход, и вышел с ним Касид воевать царей индийцев. И было вместе с ним несколько женщин его семьи и среди них эта его дочка. И когда столкнулись Несифа и индийцы, Несифа были обращены в бегство, и бежал Касид с небольшим числом сражавшихся вместе с ним. И был разграблен его лагерь, и шел он, разбитым, несколько дней, пока не пали лошади его спутников и не отстали они все от него, кроме того везира, с которым он вел ту беседу. И когда он приближался к своей стране, его лошадь остановилась с ним, и он остался без нее, и уступил везир ему свою лошадь, и он сел на нее, и не замедлила и она остановиться. Тогда они оба пошли пешком, и настигла их непогода. И когда Касид шел, понуря голову, пешком, блуждая, дрожа от холода, он вспомнил о своей дочке и прослезился и сказал везиру: „Разве ты не удивляешься дурному страху нашему перед смертью, к которой мы идем, если мы предали дочку нашу, с которою для нас ничто из благ мира сего не сравнялось, несмотря на ту ревность и гордость, на которые мы имеем притязание. И в этом походе не постигло нас ни одно бедствие, примириться с которым и утешиться по поводу которого мы не могли бы найти в себе силу, кроме того горя, какое нас постигло в ней". Везир сказал: „Поистине, о царь, то что ты терпишь от холода ночи и блуждания по странам и ночевания под небом и сырости от растений, для тебя гораздо большее несчастье, чем то, что ты в ней потерял, и, право, то, что ты описал, — ничтожнейшее бедствие, которое тебя постигло в этом походе". И обидела Касида резкая к нему речь везира в этом ответе, но он ее претерпел в душе своей и не ответил ему ничего. Потом они пошли, и дождь лил на них, пока не показалось им здание издалека. И устремились они поспешно

к нему и дошли до развалины стоящей, посреди которой был большой двор. И когда они оба вошли туда, везир сказал: „Эта развалина, без сомнения, местопребывание разбойников или чародеев, и к ней принадлежит без сомнения какое-нибудь место в долине и пустыне, и весьма вероятно, что когда наступит вечер, в ней найдут убежище люди недобрые. Итак, правильное решение для нас будет, если мы выберем для себя в ней скрытое помещение, которое послужит для нас кровом и охраной и защитой и чтобы из нашего помещения в темноте был виден вход в нее, так что в эту ночь никто не мог бы входить в нее невидимо для нас". И они сделали так, и когда настала ночь, они вдруг увидели перед собой двух женщин, которые примчались в развалину, и вот одна из них была жена царя, которую он оставил во дворце своем, а другая — жена везира. И легла жена царя, чтобы отдохнуть от усталости. И сказала ей жена везира: „Что заставляет тебя ложиться, когда ты назначила свидание нашим друзьям из всех стран в эту ночь, и я вижу, что ты не приготовила им угощения". И встала тогда эта жена царя и подошла к одному черепу человеческому, валявшемуся в одной стороне развалины, и положила его пред собой. Потом она свистнула, и не остался ни один член из членов этого человека, который не прибежал бы, чтобы присоединиться к своему товарищу ближайшему, так что человек встал целым, живым. И она сказала ему: „Кто ты?" Он сказал: „Я такой-то, преученый чародей, которого казнил Касид за чародейство". Она сказала: „Так помоги нам собой в эту ночь, а когда настанет утро, вернись на свое ложе". И поискала другой череп, и поставила его на очаг, и плюнула на него, и сказала воскресшему: „Подложи под него огонь, пока я не вернусь к тебе". Потом они обе ушли. И начал воскресший подкладывать огонь под черепом. Потом приблизился некий чародей из Магриба,¹ летевший с шумом, и спустился на развалину, и подсел к воскресшему, чтобы беседовать с ним. И вздохнул воскресший, и сказал ему магрибинец: „Что печалит тебя?" Он сказал: „Меня печалит, что если бы я мог достать глоток этого, чтобы проглотить его,

¹ Арабское название северной Африки, славившейся у мусульман своими колдунами.

я стал бы опять живым, каким был". Магрибинец сказал: "И какова твоя история?" И тот рассказал ему свои обстоятельства. И сказал магрибинец: "Я недавно проходил на одном из островов мимо старухи из наших друзей, чтобы с ней прибыть сюда в эту ночь, и нашел ее больной, близкой к смерти; и кроме нее я не знаю никого из наших друзей, который воскрешал бы мертвых". И просил воскресший воскресить его окончательно, и он ушел вместе с ним. И не замедлили они вернуться, и вернулись жена царя и жена везира, и сказал им обоим магрибинец: "Что вас задержало?" Она сказала: "Мы ходили к войску Касида и нашли, что оно обращено в бегство и что лагерь его разграблен, и мы искали, но не нашли его самого ни живым, ни мертвым". Потом встал воскресший и сказал: "О государыня моя, я ходил к какой-то жительнице моря, а у нее оставалось только последнее дыхание, чтобы она меня оживила, и она утверждала, что моя жизнь зависит от того, чтобы мне получить от тебя то, что получает мужчина от женщины". Она сказала: "Ты не более нуждаешься в жизни, которая для тебя в этом, чем я в наслаждении, которое для меня в этом". Потом она сделала, и он сделал, и он проглотил глоток этой жижицы. Потом они услышали звук от обмена словами и толкотни лошадей и вдруг увидели пред собой многие отряды из чародеев разных стран, женщин и мужчин верхом, которые пришли к чародеям Несифы, так что собралось их множество. Все они проглотили по глотку этой жижицы, которая составляла их угощение, и начали проделывать чудеса свои. И всегда, когда один отряд делает что-нибудь удивительное, все другие сделают то же самое, так что все они оказались почти равными. Потом несифийцы остались позади и сказали: "У нас есть наставник, которого здесь нет". И согласились все оставаться с тем, чтобы несифийцы привели своего учителя, пока еще продолжается ночь. И ушли жена царя и жена везира на некоторое время, чтобы отыскать наставника. Потом они пришли с дочкой царя, и вот она оказалась тем наставником, при помощи которого несифийцы надеялись на победу и перевес. И когда она вошла, она подула на них, и они все ослепли. И тогда они смирились пред ней, заклиная ее освободить их глаза, и тогда она подула на них другой раз, и они стали опять зрячими.

И тогда они признали ее и сказали: "Как могли индийцы победить твоего отца?" Она сказала: "Нет, я победила его по причине его злого умысла лишить меня того, что мне нужно. И когда столкнулись Несифа и индийцы, я положила свою левую руку на правую, и поэтому их победили и разбили индийцы. А если бы я положила правую на левую, то Несифа победили бы их". Тогда все народы признали превосходство Несифы в науке чародейства над всеми, и настигло их утро, и они разбредлись. И Касид своими глазами увидел чудеса, и увеличилось его доверие к мнениям везира. И пошли они оба дальше, пока не дошли до берега и до селений, и спросили о дороге, и вернулись в свое государство. И убил Касид всех женщин своего гарема и потом не брал себе жены до самой своей смерти.

И довольно мне позора и испытания, что я в ослеплении и испытании таком же был, как Касид, и увидел от тебя то самое, что увидел Касид от своей дочки".

Будасф сказал: "Не знаю я, о царь, сердись ли ты оттого, что я достиг блага, или оттого, что я нарушил твою волю. И если ты сердись на меня из-за того блага, то для меня самое лучшее бежать от тебя и искать освобождения из твоего государства. Если же ты сердись за то, что я нарушил твою волю, то ты, очевидно, предпочитаешь гибель мою в согласии с твоей волей праведности моей в нарушении твоей воли, а это обнаруживает мне в тебе малую любовь твою ко мне и малую жалость твою ко мне. И как я прав в таком случае, подозревая тебя и предполагая в тебе дурное. Притом же, о царь, ты не больше горюешь по поводу блага, которого я достиг, нежели я горюю по поводу того, что оно прошло мимо тебя. И я, таким образом, более тебя имею право горевать и печалиться. Что же касается твоей брани и твоего порицания и твоих угроз мне, то — о если бы описываемая тобою моя молодость избавила меня от ответственности, и о если бы я был свободен от всех пороков, кроме того, за который ты меня порицаешь, и о если бы ты исполнил свою угрозу и это меня ввело бы в число тех, которые достигли блаженства благодаря тому твоему натиску, который раньше на них обрушился! Но я не забочусь о своей молодости, так как жизнь моя уже столь продолжительна была, что на мне лежит полная ответственность за мои

162 поступки, и я не горюю из-за того порицания, которое ты мне высказал, так как в моих глазах самое похвальное мое отношение к тебе есть именно то, за которое ты меня порицаешь. Или что может меня заставить надеяться на обещаемое тобой, когда корень того, за что ты меня порицаешь, есть именно твое горе по поводу того, что я понес на себе страдание. Что же касается твоего благодеяния, которое ты приводишь, то именно твое благодеяние побудило меня к этому решению при посредстве тех благ мира сего, которых ты дал мне вкусить и благодаря которым я познал преимущества благ будущей жизни через те блага мира сего, которые ты мне доставил. И то, что ты мне доставил, не есть замена того, чего ты меня лишил. Притом же я, будучи лишен тобой этого, еще больше нуждаюсь в нем, благодаря твоим упрекам мне или затруднениям, чинимым судьбой тебе. Вместе с тем то состояние, к которому ты меня приучил и которое я согласно твоему желанию должен был предпочитать, есть состояние хорошее, привлекательное. И если ты уверен, что оно постоянно, то как бы я радовался ему и как бы я довольствовался им! А если ты не обеспечен от исчезновения его, то как же ты не извинишь меня, когда я его отвергаю, чтобы добыть нечто более драгоценное его. Или как можешь ты удивляться тому, что я ищу постоянного блага будущей жизни, и не удивляться твоему пристрастию к тленному благу мира сего? Или как можешь ты меня порицать за ненависть к нему, когда он губит любящих его тем самым, из-за чего его отвергают ненавидящие его? И как дурно то, чем ты меня испытал, о царь, когда ты отрезал мне путь к поискам изобилия в том жилище вечном, куда мы придем.

163 И как мы похожи, о царь, ты и я на посла, которого один царь послал по одному делу к одному из подвластных ему. И когда он пришел к тому, к кому был послан, тот ему помешал исполнить то, для чего он был послан, и обласкал его за нарушение доверия и повиновения. И предложил он ему положение, не похожее на то, которое он имел у своего владыки, и не такое, которого он достиг бы, если бы он исполнил поручение и удовлетворил своего царя, но в котором было некоторое удобство и покой. И не переставал он очаровывать его и соблазнять его, пока не склонил его и не устроил его у себя навсегда. И он остался у него. И когда он

окончательно отрезал его от его господина, одарившего его и благодетельствовавшего ему, и когда тот, таким образом, разгневал его и пристал к его послушникам, он прекратил то, что он ему давал. Потом пришли послы царя, чтобы увести его, и он его предал и покинул больше чем когда-либо нуждавшимся в помощи и защите.

И разве я, о царь, **Г**обеспечен от этого подобия? Защитишь ли ты меня от послов моего господина, или предашь меня в руки их, или продолжишь мне надолго это положение, или отнимешь его от меня? Ибо если ты ручаешься за непоколебимость и постоянство, ты ручаешься без уверенности, а если ты прямо объявляешь мне об изменчивости и оставлении меня без помощи, вместе с тем мешая мне стремиться к безопасности и спасению, то я у тебя встречаю то же самое, что посол встретил у того, к кому был послан. Что же касается того, что ты от меня отстранил соблазнительей и глупцов и извъял из уст людей ворожбу, 164 то это было бы величайшим знаком дружбы твоей ко мне, если бы только ты под этими словами разумел то и тех, что и кого они обозначают. Но как же быть, когда ты от меня отстранил руководителей и знающих и извъял из уст людей мудрость и правду?

И ты сделал со мною так, как сделал муж, поджидавший врага, направлявшегося к нему. Он преследовал его, дабы ограбить его и пресечь ему дорогу к достижению того, что ему нужно было, и бросил его в пустыне гибельной, воды которой иссякли и дороги которой стерлись, и знаки которой исчезли, и путеводители которой были убиты. И отделил он его от семьи его и друзей его и покинул его блуждающим между духами и зверями.

Вот так поступил ты со мной, преследуя правду и ее приверженцев, боясь их за меня и убивая лучших и праведных, которые и есть путеводители, выводящие из сомнений, и покидая меня блуждающим между изменниками лживыми и мутителями и соблазнительями, пока не воскресил мне бог из них знаменосца и не послал мне из них путеводителя. Что же касается того, что звездочеты тебе назвали меня трусом и злополучным, и изменчивым, и пресыщенным, и никогда недовольным ни одним положением в мире сем, то они были правы, о царь, и ты был 165 прав, поверив им. И как я не буду трусом, когда трусость

выводит меня из мира сего, без выхода из которого я не могу надеяться на покой и радость, и безопасность, и веселие, и спасение? Или как я могу не быть злополучным в нем, когда злополучность в нем есть причина благополучия в будущем мире? Или как я могу не быть переменчивым по отношению к нему, когда он по отношению ко мне переменчив? Или как могу я не питать отвращения к нему, когда мое отвращение к нему доставляет мне пользу от него, а любовь к нему вызывает вред от него? И как могу я не быть вечно недовольным всеми положениями его, когда нечем в нем быть довольным, так как в нем нет ничего постоянного? Что же касается того, что ты признаешь за царем Несифы ум и праведность, описывая, как он убивал чародеев и изгонял прелюбодеев, то это именно сокрушает твои притязания на правильность твоего образа действия, так как ты щадил тех, кого он казнил, и давал убежище тем, кого он изгонял. Потом ты не ограничился тем, что действовал в этом противоположно ему, но убивал и сожигал тех, кто понял твою ошибку в этом, и того, кого ты подозревал в явном или тайном порицании тебя за это. Как же ты можешь уподоблять свои поступки тому, что он сделал? Потом ты встретишь господу своего, оказавшего тебе благодеяние и милость и добро, тогда как ты преследуешь его, враждуешь с людьми веры его. И он возрастил от тебя растение, которым он во вред тебе возвратил свое благодеяние, которое ты в неблагодарности своей отверг, и воскресил тебе свою веру, которую ты тяготился, и вызвал тебя опять к возвращению к истине. И он в этом охранял твою порочность и не предал тебя той забывчивости и беспечности, и тому заблуждению, и ослеплению, которым ты сам себя предал. А раскрытие наших дел не показало тебе у нас ни изъяна, ни обмана, который покрыл бы тебя позором, или умалил бы тебе сан твой, или принудил бы тебя нарушить доблесть, или повел бы к гибели веры, как это было, когда царь Несифы раскрыл у своих жен и в своей семье позор. И как можешь ты поэтому быть подобным ему в том, что он испытал? И как далеки мы с тобой от этой притчи, которую ты привел! И как похожи мы с тобой на то, что передают люди о деле Анки и ее детенышей.

Они рассказывают, что ал-Будда после того, как передал индийцам заповедь бога, которой он напичал

их сердца при помощи своих уст, вышел странствовать по земле. И пока он это делал, настиг его предел. И прошла мимо Анка и понесла тело его своим детенышам, и они разделили его между собой и напичались теми заветами благой жизни, которые находились в этом теле, и наполнились благочестия и жалости, и правды, и знания, и мудрости. И сказал один из детенышей остальным, именно тот, который съел оба глаза его: „О собрание детенышей Анки! Видите ли вы своими глазами те же странные вещи, какие я вижу своим глазом? Ибо я стал видеть царя сильного и могущественного и нищего слабого и презренного и не знаю, кому из них больше удивляться, царю ли в его одиночестве или положению нищего в его счастья?“ Сказал съевший уши его: „Я слышу своим ухом подобное тому странному, что ты видишь глазом, и вот удивляюсь, к чему людям нужны игра и забава, когда они слышат голоса бедных и увещания божественных ученых?“ Сказал съевший нос его: „То, что вы находите странным, поистине, ничтожно по сравнению с тем, что я ощущаю. Дело в том, что я почувствовал отвращение к той падали, которая составляет нашу пищу, и возненавидел запах ее, так что тягочусь даже запахом дерева, на котором я нахожусь“. Сказал съевший язык его: „Это же самое постигло меня в языке моем, и я ощущаю от прелести правды и сладости ее и от горечи лжи и гадости ее нечто такое, что я при нем никогда не буду в состоянии сказать ложь“. Сказал, съевший сердце его: „У меня соединилось в этом деле то, что разделено между вами. И я ощущаю все то, что вы ощущаете, и, кроме того, я еще отличен отвращением к жизни и страстным желанием смерти, и знанием будущего, и убеждением в том, от чего произошло у вас это все новое“. Они сказали все: „Не завершается хождение по прямому пути иначе, как при помощи путевода, или воспитания иначе, как при помощи учения, или подвижничества иначе, как при помощи учителя. Сообщи же нам об этом все, что ты знаешь“. И рассказал он им о деле ал-Будда и значении, которое он имел у его господу, и завет его, доверенный его сердцу, пока они не узнали все это так, как он это знал. И тогда они все решили отвергнуть преходящее и стремиться к вечности. И вернулась Анка со своей добычей, и бросила

ее им вечером, и провела ночь, и утром отправилась искать пропитания, разделив между ними ту добычу. И взял каждый из них свою долю. Потом они удалились далеко в степь и бросили ее и вернулись в свои гнезда. И делали они это несколько дней, не вкушая ничего. И обнаружилось это на них, и спросила их Анка о причине их худобы. И сказал съевший язык его: „Как можем мы не худеть, когда мы ни одного куска не ели с тех пор, как ты нас накормила мясом ал-Будда?“ Анка сказала: „Почему же это?“ Он сказал: „Потому что эта еда доставила нам ту праведность, к которой мы стремились и при ней мы ни в чем больше не нуждаемся“. Анка сказала: „От чего же происходит вред и худоба, которая губит вас?“ Они сказали: „То, что таким образом сделало наше будущее праведным, важнее худобы наших тел“. Анка сказала: „Бросьте эту речь, не то — я вас опозорю“. Они сказали: „Если бы мы не были привязаны к ней в надежде, что ты нас опозоришь, то наша привязанность к ней была бы нам предметом желания“. Она сказала: „И какой покой находите вы в этом?“ Они сказали; „Разве есть покой, кроме как в этом, из-за скорого достижения того, что после него будет?“ И загоревала Анка о своих детенышах и стала их бить своими когтями, пока не разбила им черепа и осталась без детенышей. Потом она плакала о своих детенышах, пока не умерла. И с той поры говорили: Анка не имеет потомства.

И вот, о царь, это более похоже на положение твое и мое, чем притча о Несифе и царе его. И, право, я сам остался на краю гибели от твоего общества и пребывания в твоих мирских благах, подвергая опасности свою веру и боясь бедствия за тебя. И ты для меня сделал правильный выбор, заставляя меня выйти на это дело, в котором не приносят пользы кротость и скрывание, а только усердие и открытые действия. И самое страшное, что меня постигнет, это в моих глазах то, что ты меня лишаешь того мучения, которому ты подверг всех моих единомышленников и которое приближает к благу будущей жизни, и еще то, что ты оставляешь тот ее покой и блаженство, которые у меня в руках“.

И понял тогда Джанайсар, что дальнейшие упреки ему прибавят ему только такого гнева, который он не будет

в состоянии сдержать, и вскочил поспешно и вернулся в свой дворец в тягости с поражением.

И когда Будасф узнал о Нагруженном и его товарищах и о том, что царь сделал с ними, это разожгло его и огорчило, и он стал печалиться и горевать и бояться, что он согрешил в вере, так как царь был возбужден горем к преследованию подвижников и выходу по той дороге, получив известие о присоединении Будасфа к их взглядам, и что это открылось именно признаниями, сделанными доверенному царя, которому поручено было наблюдать за ним. И провел он весь тот день, горюя и печалась до самого вечера.

И когда люди все успокоились, он приказал своему воспитателю и одному своему слуге приготовиться к выходу вместе с ним и приготовить ему лошадь. И ушли они оба от него для этого. И заметил слуга в воспитателе тяготение этим и медлительность в этом и явное отвращение к нему. А воспитатель заметил в слуге охоту к этому и скорость. И начали они беседовать друг с другом, порицая каждый мнения своего товарища. И утверждал воспитатель, что он боится царя за себя и за семью, которую оставляет, если выйдет вместе с царевичем. А слуга сказал: „То самое, что удерживает тебя от этого дела, есть именно то, что меня к нему приводит. И как это ты боишься порицания царя за выход вместе с ним и перенесение утомления с ним и не боишься этого за покидание его и оставление его и нежелание быть при нем, несмотря на уговор, который у тебя был с ним, и на обязанность, которую он на тебя возложил. Клянусь своей жизнью, ты при подобном образе действий больше грешешь против царя и более достоин порицания и наказания. Что же касается меня, то если бы он даже погрузился в темнозеленое море и пылающий огонь, то я не покинул бы его и не остался бы сидеть. И если бы я этого не сделал по другой причине, как в должное воздаяние его благодеяниям за время доброго его царствования и милостивого его обращения, то я должен был неукоснительно повиноваться ему и блюсти свою обязанность по отношению к нему. Далее, если бы я это сделал только, чтобы быть оправданным пред царем или предпочитая его взгляды, то правильное решение было бы именно не расставаться с ним, чтобы знать его место и до чего доведет его дело. И если царь затем пожелает встретиться с ним и искать его, то он найдет, кто

укажет ему дорогу и прямой путь. Далее, если бы я это сделал, только заботясь о самом себе и ища своей доли в том, что обдумал Будасф, то верный путь все же состоял бы в подражании ему и послушании ему. И как отказывается душа царевича от мира сего при всем его блеске и сиянии и несмотря на молодость и богатство и власть над наслаждениями, а я стану к нему привязываться при том презренном и низком положении и бедности и зрелом возрасте и бессилии взять от мира сего, что мне нужно, при котором я нахожусь. Клянусь жизнью моей, я, поистине, более, чем он, обязан отвергнуть его и крепко держаться того, от чего я мог бы надеяться на хороший исход в будущей жизни; и я старше его по возрасту, и более его запутан грехами, и ближе его к смерти, и менее его наделен долею в мире сем. И что может меня заставить бояться смерти, к наступлению которой стремится Будасф? Или что заменит мне то благо, которого ищет Будасф после нее? И не любит он свою душу больше, чем я люблю свою, и не жажду я меньше его награды бога и прощения его. И вот, мое мнение, — и оно же правильное, — таково, что нам следует выйти вместе с ним. И если ему заблагорассудится вернуться к миру сему — и вероятнее всего, что это случится, — то он не может к нам придрататься за то, что мы его покинули и нарушили обязанность по отношению к нему. Если же он исполнит свое намерение и завершит свое дело, то мы потерпим вместе с ним, чтобы узнать его цель и местопребывание. Потом ты останешься при нем, а я вернусь к царю с вестью о нем. И будет утешением ему в его горе и облегчением в его печали о нем, когда он узнает, что он не оставлен и что может быть взят и не пребывает в несчастии и печали. И склонился воспитатель к тому мнению, которое высказал слуга, и они оба стали приготовляться.

Потом они вернулись к Будасфу и сообщили ему, что они кончили то, что он им приказал. И заставил он их взять жемчуга и драгоценных камней, и золота, и мускуса, и парчи, и шелка столько, что счета не было ценности всего этого. Потом они пошли быстро до самого утра, направляясь к той толпе подвижников, которых настиг царь. И когда показалось им место, где они были убиты, и когда он посмотрел на него, он заплакал и погоревал горем сильным. И сошел он с лошади, и снял свои платья и свое украшение, и бросил их в сторону, и остался в одном

174
плате Билахара, и приказал своим спутникам связать ему руки. И они, плача, связали ему руки. Потом он приказал им оставаться на месте, а сам пошел со связанными руками, пока не остановился среди них, крича и взывая о помощи и горюя о своей душе и оплакивая ее. И нашел он всех их уже мертвыми, кроме трех человек, в том числе Нагруженного, которые лежали совсем истощенные, испуская последние вздохи. И когда Нагруженный услышал его плач и крики о помощи, ему послышался звук печальный, и он понял, что это удрученный горем, и он подумал, что этот горящий, плачущий, взывающий о помощи на месте, где они лежали, один из его товарищей, и сказал: „Благо тебе, о плачущий, если плач твой о том, что заслуживает его, и горе твое о том, что соответствует ему. Если же ты плачешь о мире сем, то в этих телах сраженных и членах отрубленных и зрачках погибших, над унижением и ничтожеством которых одержали верх могущество и сила в этом мире, есть для тебя увещание в том именно, что замучивший эти тела не был в состоянии мучить их дух дольше, чем гибли эти тела, познавшие рабство и унижение у господ 175
их из владык мира сего. Потом они уйдут к господу их, милостивому к ним, знающему их тайны, надеясь на милость его и милосердие его и на получение от него своей награды и его милосердия. И это есть нечто такое, за которым нечего искать другого. А ты кто?“ Будасф сказал:

„Я человек из сыновей благородных. Был я в семье своей любимым и для нее дорогим. И подвергся я испытанию; попав в плен, когда был еще маленьким и попал в руки врагов, которые по отношению к нам были лютейшими из врагов по ненависти и злейшими по власти и злокачественнейшими по могуществу. И приучили они меня есть вонючую пададь и пить нечистую кровь, и кормили меня этим, и было это пищею их страны, и не имели они другой. И желали они заставить меня принять их обычаи, чтобы я мог вынести их общество и удовлетвориться образом их жизни. И терпел я все это у них, пока не возмужал. Тогда они привели ко мне разного рода животных из своей среды, волков ее и обезьян ее и свиней ее — это были их сожительницы — и заставляли меня сходиться с ними. И отказался я от совокупления с ними, и содрогалась душа моя от этой мысли и считала это слишком гадким,

и я не был в состоянии сделать это, и просил их избавить меня, но они отказались избавить меня, потому что они желали привязать меня к себе при помощи потопства, которое служило бы им залогом в их руках, и любовь к которому мешала бы мне бежать от них и присоединиться опять к моему народу и к моей стране. И когда я настоял на этом у них, они стали меня наказывать сильнеешим наказанием и связывать меня сильнеешим связыванием. И соединилась у меня тоска по народу моем и семье моей и страстное стремление к ним с тем мучением, которому они меня подвергали. И не находил я никого, кто бы взял меня под защиту и кто сжалился бы надо мной, пока не пришел один муж-странник из их страны и не показал мне путевых знаков и дорог и не напомнил мне то, что я забыл из положения моей семьи и высокого значения их в их странах. И он прибавил мне страстного желанья и тоски. И я просил его бежать со мной от них, чтобы выйти нам вместе. Но он побоялся, что последуют по нашим следам и что мы вместе будем убиты. И вышел он раньше меня, и выступил я после него нагим, со связанными руками, и бежал от них, ища, кто бы мог развязать мои узы. И не нашел я никого из людей, пока не показались вы мне. И я возымел надежду, что между вами будет, кто развяжет мои узы и окажет мне услугу и освободит меня. И вот я теперь стою здесь между вами. Окажите же мне благодеяние“.

И слышал Нагруженный и его товарищи пение прелестное и звуки сладкие нежной души, в которой они угадали благо и достоинство и сан, и уразумели по тому, что он сказал им, то, что он имел намерение им сказать и к чему стремился, и сказал Нагруженный: „Ты был тверд, о сын благородных, и благороден, считая свою душу слишком благородной для того дела, исполнить которое мешает тебе ее благородство и от которого она удалялась и преступить которое она воспротивилась, и ты был благороден в своем страстном желании вернуться в свое общество и нежелании оставаться у своего врага. И ты, право, кинул нам слово, для которого есть прекрасный путь и полное тебе не будет убытка. И если ты им надеялся получить высшую степень в вере, то да укрепит бог твое намерение

и да утвердит твое решение и да отгонит от тебя дьявола. А если нечто другое имел в виду, то да исполнит бог твою заботу и да соберет тебе бог то, что ты желаешь иметь собранным, и да даст тебе то, что ты имел в виду. Что же касается твоей просьбы об освобождении тебя, то мы воздаем богу хвалу, который сделал язык наш лучшим из наших членов, так как он в наших глазах благороднейший и наиболее нам помогающий из них, благодаря тому, что им произносится славословие богу и восхваление ему, и прославление ему, и молитва, и извещаем засим тебя, что царь Джанайсар не оставил нам из наших членов такого, при помощи которого мы могли бы дойти до освобождения пленных по телу, о которых не заботился Джанайсар. Но бог удержал его от наших языков, которые суть ключи замков невежества и слепоты и страстей для сердец, о которых горевал Джанайсар. И так как благодеяние бога у нас сказалося в том, что он оставил нам этот член, который выводит наружу из сердца нашего зародыш мудрости, возникающий в нем, то мы призываем тебя к богу и его вере, без которой тебе не будет помощи и не будет доли ни в чем другом, и не будет тебе счастья, если ты ее будешь лишен; и мы порицаем пред тобой мир сей, для которого не найдется хвалителя и в котором никто не уцелеет. Притом же то, что ты нас видишь, хотя оно по твоему мнению дурно и в твоих глазах гадко, есть наилучшее по награде. А лучшая дорога — уходить из него и нет стремления к пребыванию в нем“.

Будасф сказал: „Скажите мне, о благочестивцы, подвергнувшиеся насилию, освободили бы вы меня, если бы имели возможность это сделать, хотя бы я пред вами был виноват?“

Они сказали: „Мы не знаем никого, грех которого пред нами и вина которого были бы больше, чем Джанайсара, но мы не поскупились бы в этом даже и ему. Что же касается его греха перед нами, то мы славим бога за то, что он в сердцах наших укрепил в состоянии испытания те же самые чувства, которые в них были в состоянии здоровья. И насилье Джанайсара над ними прибавило им только любви к нему, так что мы знаем о нашей душе, что она теперь менее печалится о наших телах, чем она печалится о Джанайсаре из-за греха, в котором он запутался своим образом действия с нами. И мы свидетельствуем пред богом и его ангелами, что мы простили ему грех его

пред нами и сложили с него его бремя и оправдали его от вины его, если он вернулся к Истине и признал слово ее. Мы оставляем ему это слово в надежде, что оно дойдет до него, дабы он, если задумает вернуться к богу, не был удержан от этого воспоминанием о насилии, совершенном им над праведниками его“.

Будасф сказал: „Джанайсара, при всей величине его вины пред вами и греха его пред вами, побудил к преследованию вас и к засаде на пути вашем и подстрекнул против в самом начале дела и в конце его никто иной, как я. Что касается первого его нападения на людей веры убиванием и сожиганием, то оно было вызвано его страхом за меня. А что касается новейшего мучения, которому он вас подверг, то он был побужден к нему тем, что до него дошло об избрании мною ваших мнений и обращении моем к ним. И не знаю я никого, кто бы мог более меня считаться причиною этого, и был бы более меня грешным по отношению к нему. И я вот вернулся в эту долину, в которой для вас завершилось блаженство, сняв с себя власть и надев унижение, выйдя из богатства мира сего и славы его и почета его, войдя в бедность его и позор его, и слабость его, не имея ни запаса, ни помощника. И я от своего тела даю вам те части, которых вы лишены были от ваших тел в справедливое воздаяние вам в виде извинения пред вами со смирением и унижением. Я уже отдал свою душу вам и дал вам власть над ней, постановите же над телом моим приговор сообразно тому, как вам кажется и как я заслужил за мой грех пред вами, но не раньте моей веры, как я не ранил вашей веры. И если вы простите меня и найдете в этом для меня выход из того, в чем я спутан, то прекрасно, в противном случае я останусь в этой долине, не покидая ее, связанным, пока не умру“.

И когда услышали это Нагруженный и его два товарища, они отдохнули в нем и души их укрепились им и облегчились боли мучения, которые они испытывали, и горе смерти, и удивились они чистоте намерения его и силе проникательности его, несмотря на богатство жизни и молодость возраста. Они сказали: „Ты праведен и благочестив, о сын тех царей, которые властвовали над телами людей и оставили дух их душ, если душа твоя возвысилась над низостью мира сего и развратом его и подлостью его, стремясь к тому, что чище и благороднее, и дороже, и драгоценнее“.

его. И тебе была внушена праведность, и ты был приведен к правильному выбору и был захвачен канатом блаженства. И как ты почтенен, о сын царей, так как ты возненавидел мир сей, когда он подходил к тебе, и ушел от него, когда он был к тебе привязан, и бросил его, когда он тебя держался, и предупредил его, порвав связь и разлучившись. И если бы ты этого не сделал, то он не преминал бы сделать это с тобой. И он дал было тебе такую от себя долю, которую он не мог бы тебе оставить, разве только настолько времени, чтобы ему взять с тебя то, что ему нужно было от владения тобой. А потом он бросил бы тебя точно так же, как бросил он предшествовавших тебе царей земли и властителей его, как и охотник не заботится о птицах, пока они не попадают в середину силка, и дает им клевать зерно только для этой цели. И как хорошо ты разгневался на него, о сын царя, и как сильно ты его перехитрил и поиграл с ним. Мы же воздаем хвалу богу и возвеличиваем его благодеяния, так как он оказал нам милость, обрадовав нас встречей с тобой и беседою с тобой, после того как уже прекратилась надежда наша на радость от него, и возносим благодарность богу за ту милость к тебе, о которой мы узнали, когда он привел тебя на это место и показал тебе этот пример, чтобы укрепить тебя, намереваясь направить тебя на истинный путь и отогнать от тебя дьявола. И привет тебе, о сын царей, как гостю и посетителю, другу, пришедшему к друзьям своим, и родственнику, устремившемуся к родным своим, и пленнику, не удовольствовавшемуся полонем, и здоровому, осчастливившемуся удрученных, и сильному, почтившему близких, и извиняющемуся без вины и кающемуся без греха. И радуйся, о сын царей, ибо ты свободен, оправдан с начала этого и конца его, ты, выказавший добрую доблесть и великую хитрость в возвелачении веры божьей и размножении приверженцев ее благодаря тому, что не осталось никого выше тебя, для которого ты не служил бы примером, когда это положение его отталкивает и удерживает от избрания истинной веры, и нет никого ниже тебя, которому было бы позволительно отречься от того, что ты взял на себя, или притязать на страх пред тем, что ты претерпел. И ты настоящий учитель при помощи бога и опора святых его. Успокойся же, да простит тебе бог грех твой и сложит с тебя бремя твое и освободит руки твои“.

183 И развязались тогда узы его, так что освободились руки его. И когда Будасф увидел это, он вознес хвалу богу и пал ниц пред ним на лицо свое. Потом он встал умиленным и в слезах, и приблизился к Нагруженному, и взял его подмышки, и поднял его с земли, опирая его на грудь свою и поцеловав голову его и глаза его и щеки его, и положил его опять на землю нежно и осторожно. И сделал то же самое с его двумя товарищами, и стал над этими телами, плача над ними и прося душам их очищения и благодати.

Потом он вернулся к Нагруженному и взял его голову на лоно свое и сидел, плача над ним и печалась о страданиях его и его товарищей, и сказал: „О святой божий, подвергнувшийся насилию и в теле и в вере! Удали от меня страх мой за эти грехи, хотя бы некоторой суровостью к телу моему, и научи меня, что я должен делать с этими телами, когда послы божьи вынесут души их в рай, и оставь мне завет, которым я руководствовался бы, пока не присоединюсь опять к тебе. И знай, что я взял с собой разного рода камни мира сего, дорогие для злополучных, ничтожные для бога, как то золото и драгоценные камни и жемчуг, и тряпки шелка и парчи, и благовония, 184 чтобы ими оказать вам наружный почет и дать вам власть над моим телом и моими мирскими богатствами, дабы не оставить ни одному обиженному притязания ко мне, или дьяволу надежды на меня, и в ожидании, что вы прикажете мне направить их на какой-нибудь путь, где заключается помощь вере или дружеская услуга вам, если это возможно. И очисти меня, о святой божий, тою частью этого презренного богатства и этого приносимого в дар тела, которую я мог бы досигнуть своего очищения. Ибо ничего подобного я не считал бы для себя нежелательным или печальным“.

Нагруженный сказал: „Радуйся, о сын царей, тому возвышенному, которое заменит тебе тот мир земной, который ты отверг и который, если бы ты его выбрал, чтобы держаться его, из-за этого не удержался бы у тебя и не стеснялся бы изменить тебе и обмануть тебя именно тогда, когда ты более всего им наслаждался. Ибо он поджидает увлекающегося им, чтобы произвести вдруг нападение на него именно тогда, когда он больше всего привязан к нему и больше всего жаждет его, дабы поражение было тяжелее ему. И он не любит обнаруживать разрыв связи с ним, 126

когда человек находится в стесненных обстоятельствах, боясь, что тогда он легко утешится без него. Ты же радуйся силе и высокой степени у бога и знай, о сын царей, что то 185 знание радостей, возвещаемых мною тебе, которое я хочу тебе сообщить, вынуждает меня открыть некоторую часть того, что я скрывал и от упоминания о чем я воздерживался. И вот я тебе скажу, что тот, кто меня породил, был знатным и почетным мужем в мире сем. И был он князем земли Шавилабатт,¹ и родил он двенадцать сыновей, младшим из коих был я. И когда я явился, этот князь спросил прорицателя Фатира обо мне. И оказались для Фатира сбивчивыми сведения обо мне, и видел он вещи, противоречащие одна другой, потому что его знание было грубо и его взор завешен. Его свойство было превращать в истину виденное и мало колебаться. И донес он князю, что он видел, и сказал: „Не спрашивал ты меня ни об одном из твоих сыновей, которые были важнее по сану, и выше по месту, и славнее по положению, чем этот новорожденный. И я, поистине, нахожу, что он при всей своей знатности, увидит наготу и голод, и странствование, и пребывание в пустыне в такой мере, которая не соответствует тому величию его царской власти, которое я тоже вижу. И при этом я нахожу, что он не умрет, пока зрение его не отразится в сердце и не погаснет свет в его глазах. И будет соперничать с ним один из царей и победит его этот новорожденный, и тем не менее при победе над этим царем 186 не спасется он от того, чтобы быть брошенным в степи с отрубленными членами. И не умрет, пока не очутится голова его на лоне одного богобоязненного из богобоязненных людей“. И отдалился князь от Фатира, и обошелся с ним грубо, и заподозрил его проницательность, так как он сообщил ему такие сбивчивые слова, и не верил ему больше, пока не ушел из мира сего. И вот исполнилось слово Фатира, потому что благодать божья досталась тебе. А что касается желаемого тобой истязания тела твоего, то оно совершенно необходимо, и без него не будет тебе праведности, но, поистине, достаточным истязанием для него служит то, что ты его вывел из изнеженности царства к нужде подвижничества. О, если бы оно у тебя оставалось к нужде подвижничества, и не беспокоило бы тебя, и не переносящим эту нужду, и не беспокоило бы тебя, и не забо-

¹ Приписка на полях оригинала говорит о том, что в одной рукописи страна называется Дамлим (?).

187 тило тебя! Что же касается того, что тебе делать с этими телами, когда они очутятся свободными от душ на твоих руках, то как можем мы завещать тебе их очищение и украшение, и надушивание благовониями, и одевание, если от них нельзя требовать желаний принимать пищу и красоту, когда они для нас ничтожнее всего, и мы дальше всего от них по подобию и отношению. И мы ведь их обнажали и морили голодом, и лишали их нужного им за то, что они устремлялись к этому и жаждали его, и мы растили их, тяготясь ими, пока не бросили их, наконец, презренными, отвернувшись от них. И поищи для них, о сын царя, ближайшую пещеру в горах или яму в земле, и положи один из них на другие, и потом взвали на них слой глины и камней в защиту их от птиц и зверей. И мы не желаем соблюдать для охраны их ничего более этого, и не заслуживают они от нас ничего другого. Что же касается тех разного рода камней и тряпок, которые ты взял с собой, чтобы нас ими почитать, в надежде направить их на путь помощи вере в согласии с нами, то ты уже поступил с нами так, как согласно с поддержкой вере и с радостью нашей, тем именно, что не осталось уже более важной помощи вере этой, чем твое отречение от этих камней и тряпок и их презренность в твоих глазах, и не осталось уже ничего более радостного для нас. И не нужны они ни нам, ни вере. Итак, брось их, о сын царя, и удались от них, как ты удаляешься от огня пылающего, и знай, что, если ты кому-нибудь их даешь, ты ему причиняешь злейшее зло и совершаешь пред ним тяжкий грех тем, что навязываешь ему их греховность и их соблазнительность. И кто только примет их от тебя, тот сам к себе 188 присоединяет врага, всегда присутствующего, яростного, сильного тем его свойством, которое приводит в движение могущество страстей. А что касается той ответственности за грех, которая, как ты боишься, падает на тебя за то, что твой отец причинил нам, то выслушай, о сын царя, притчу, которую я тебе расскажу.

128 «Рассказывают, что один муж из знатных горожан был обладателем богатства в мире сем и был полон благонамерения. И шел он раз по полю, чтобы проведать одно свое имение и вдруг натолкнулся на толпу подвижников в жаркий летний день. И постигло их сильное утомление от голода и жажды. И упал он ниц

189 пред ними, смиряясь пред ними, чтобы они оказали ему благодеяние посещением дома его и вкушением пищи его и питья его. Потом он повел их в жилище свое и разостлал им ковры царские из парчи и шелка, и заколол для них множество овец и коров, и сделал для них из этого разные кушанья, и разложил их им в том помещении, и поставил для них кувшины из золота и серебра, полные разного рода напитками, и потом успокоился в надежде, что эти люди вкусят от всего этого столько, сколько им нужно, когда прекратят свой пост. И оставил он их, таким образом, с коврами, на которые они не ступают, и с яствами, которых они не едят, и с кувшинами, до которых они не касаются, и с напитками, которые они запрещают, и остались они, таким образом, без угощения и без пропитания, а лишь при вожделениях, которые появились у них и которыми дьявол хотел одолеть их, напоминая им о благах мира сего. И был у этого мужа сосед один, злейший ему враг. И узнал он об этих людях. И когда он увидел, что для них было приготовлено, он стал завидовать своему соседу из-за почета, который он им оказал, и воспылал жадностью к поставленному там, как бы захватить его. И ухитрился он войти к ним, и понесте ковры и сосуды с содержащимися в них теми яствами и напитками, и унес все это, а им разостлал циновки, которые им заменяют ковры, и принес им хлеб и зелень, которые составляют их пищу, и горшки с водою, которые есть их питье и их сосуды, и сказал им: „Хозяин дома раскаялся в том почете, который он задумал вам оказывать, и взял все это назад и заменил тем, что вы видите“. Хотел он этими словами навлечь на него порицание из их уст. Но люди эти не порицали этого и думали, что угощавший их приказал ему так сделать, когда он 190 заметил, что они не намерены пользоваться тем, что было для них приготовлено. И они похвалили своего хозяина, и поели по его слову, и переночевали на земле. И узнал утром хозяин жилища, что сделал его враг, завидующий ему, с его гостями, и это его разгневало, и было ему тяжело, и вошел он к ним, стыдясь их и места, где они ночевали, боясь их порицания и их жалобы. И извинился он пред ними в этом, и рассказал им о враге, который сделал с ними то, что сделал, и они сказали: „В наших глазах мы не были испытаны испытанием

лучшим по последствиям и по воздействию, чем то, в котором мы видим тебя извиняющимся пред нами. И если бы не то, что нам сделал этот твой враг, мы провели бы ночь в голоде и жажде. Но тебе принадлежит награда за то, что сделал нам враг твой, потому что твое намерение было оказать нам почет, а на него падает бремя и грех за ту обиду, которую он намерен был тебе причинить, и за порицание, которое он хотел на тебя навлечь.

И точно так же ты, о сын царя, свободен от ответственности за то, что причинил нам твой отец Джанайсар, и получишь награду и похвалу за снизошедшую на нас благодать, которой мы жаждали и к которой стремились. Что же касается моего завета тебе, то не осталось уже такой степени, к избранию которой и к поднятию на которую я мог бы тебя побуждать, кроме кротости. Итак, ¹⁹¹избери для себя кротость и милосердие и любовь, пока не завершит бог через тебя то оживление веры в этой стране, из-за которого он тебя послал в этой стране, от которой дьявол взял себе долю и которою завладел с давнего времени. И близок уже конец этого и прекращение его благодаря могуществу бога через твои руки“.

И принял Будасф завет его, и удовлетворился словом его, и возрадовался той вестью, которою он его обрадовал, и укрепился в своем отвращении к миру сему и в своем презрении к тому, что было ему неприятно из дел отца своего. И продолжал он беседовать с Нагруженным, и молиться за него, и плакать над ним некоторое время.

Потом ему сказал Нагруженный: „Ступай к двум своим братьям, ибо они оба уже близки к смерти и уйдут из мира сего раньше меня. И будь ты свидетелем этого, и потом вернись ко мне; я же не умру, пока ты не вернешься“.

И встал Будасф, и пошел к ним, и обращался с ними кротко и милосердно и любовно, пока они не скончались. Потом он вернулся к Нагруженному и с ним обращался таким же точно образом, и тот не замедлил умереть — да будет над ним милосердие божие. Потом он встал и не переставал бродить пешком по окружающим горам, пока не нашел недалеко от него пещеру в горе. И понес он тех покойников на своей спине, одно тело после другого и поместил ¹⁹²их в этой пещере. Потом он насыпал на них землю и стал около нее, молясь. И было это в конце дня.

И узнал Джанайсар об уходе Будасфа только на другое утро. И выступил он со своей свитой и дошел до него. И когда он увидел его стоящим, молящимся у входа в пещеру в таком наряде, — а двое слуг его стояли, вспоминая о нем и плача над ним, — горе его усилилось и терпение его истощилось, и он упал на землю, вырывая бороду свою и приник к земле лицом своим. И были вместе с ним сорок предводителей из идолопоклонников, которые должны были спорить с Будасфом, отклоняя его от веры, и сорок чародеев, которые должны были дуть на него, охраняя его от бесов, и сорок из сыновей отца его, которые должны были бранить его и увещевать его, и колесница, которую тащили лошади и на которой была разбита шитая золотом палатка, а в ней были приготовлены для царя и для него седалища. И остался царь в таком положении долго. Потом он встал и умылся, и надушился, и надел новые платья.

И подошли к Будасфу эти группы людей, и сказали спорщики: „Эй, сын царя, давай поспорим с тобой о вере и приведем тебе доводы, ибо ты увлекся своеволием далеко и уклонился от пути истины“.

И сказали чародеи: „Пораздумай о себе, сын царя. Ибо человек подвергнут испытанию, и если тебе стал поперек дороги кто-нибудь из этих духов, то не поддавайся нашедшему на тебя при силе наших лекарств и успехе наших чар“.

И сказали его ровесники из сыновей его отца: „Горе тебе, о сын царя! Поистине, доблестная смерть была бы лучше для тебя, чем это, так как ты заставил своего врага элорадствовать и опозорил самого себя и нарушил свои обязанности к отцу“.

Потом подошел царь с его платьем и накинул его на него, и посадил его на колесницу, и поехал с ним на ней, и начал его порицать и упрекать, и стеснил его порицанием и доводами, и сказал ему: „Не дозволено тебе и не пододает тебе ни по какому мнению и ни по какому выводу заподозреть нашу искреннюю любовь к тебе и заботливость о тебе. И если бы это дозволено было тебе, то не дозволено было бы тебе утверждать, что я отстранил свою душу от правоты, намереваясь погубить ее, избирая для нее заблуждение. И если бы ты утверждал, что истина тяжела для меня по причине больших связанных с ней затруднений и что меня увлекли страсти, которые я сознательно предпочел, то опровержением тебе в этом может

служить обнаруженное мною пред людьми терпение при
всех трудных обязанностях, которые на меня возлагала
194 вера: я не один раз опорожнял свои сокровищницы и свою
казну на расходы по храмам для богослужения и на служе-
телей капищ богов, и я ведь не раз брил свою голову
и снимал свои платья, потом бегал, как глупый ребенок,
ища убежища в капищах их и оказывая им почет и покло-
няясь их повелению; и не раз я ведь возвеличивал мужа
низкого звания, носильщика дров, когда я узнавал его
искреннее намерение и совершенство в служении богу,
тем что вставал пред ним со своего седалища и первым
падал пред ним ниц, припадая к его ногам и лобызая их,
и стоял пред ним долго, вымаливая его прощение. И дал
я обет сделать тебя, свет глаз моих, слугой главного
капища, если бы ты был склонен к этому. Притом, если
бы мое решение было искать наслаждений и не иметь
никакого другого намерения, я не стал бы казнить людей
за то сопротивление их мне в стремлении к наслаждениям,
ибо в убивании и мучении живых дыханий нет никакой
радости и никакого наслаждения, и к этому побуждаются
только сильным гневом и раздражением, и это вредит
195 радости и отравляет веселие. Далее я, поистине, перестал
бы, достигнув такого возраста, когда должен был заметить
у себя слабость, предаваться тем страстям, которые ты,
как я вижу, приписываешь мне. И кто из самых жалких
людей дошел до такой степени заблуждения, какую ты
подозреваешь в своем отце, которого увлечение страстями
довело до того, что он их узаконил в виде религии, рас-
ходуя свое имущество на тех, кто следует ему в этом,
и свирепствуя мечом своим против тех, кто противодей-
ствует ему в этом. И опровержением тебе в этом служит
явно противоречащий этому мой образ жизни и милосердие
мое к детям и бедным, и слабым, и больным, так как я
защищал их от бедствий и отстранял от них нужду и сирот-
ство, и болезнь, так что, бывало, отдам приказание отно-
сительно старца слепого и младенца гибнущего и затем
не владею глазом своим и не могу уйти, пока не исполню
для него то, что исполнил бы для находящегося в подоб-
ном же положении какого-нибудь моего родного. И я,
поистине, действую в этом согласно надежно установлен-
ному взгляду и давнишнему преданию из поучений ал-
Будда нашему деду Байсаму, гласящему: «Считай всех
детей своими детьми и престарелых женщин своими мате-

рами и старых мужчин своими отцами, а мужчин-ровесников
и женщин-ровесниц — своими братьями и сестрами, и затем 196
оказывай им сообразно с этим почтительность и щедрость,
ибо в этом состоит справедливость». И какое еще порица-
ние нам осталось у тебя и какое еще подозрение относи-
тельно нашей пронизательности? Скажешь ли ты, что мы
избрали не лучшее и придерживаемся не того, что заслу-
живает одобрения. Но каким же образом боишься ты этого
за нас и не боишься за тебя? И каким образом ты запод-
озреваешь наше понимание, несмотря на продолжительность
нашего исследования и нашего обдумывания, и доверяешь
своему пониманию, которого ты не проверял согласием
твоих предшественников? Далее, ты не испытал его тем,
что предложил его на обсуждение ни учителю мудрому,
ни родителю любящему, ни мудрецу опытному. И каким
образом ты считаешь себя обеспеченным от того, что
дьявол, поняв твою нежность и мягкость, устремился
на тебя раньше, чем мудрость бога дошла до тебя со вну-
шенными тебе пустыми заблуждениями и разукрашенной
пред тобой ложью в устах подосланного им же Билаухара?
Или каков же ты, если именно он привел тебя к этому
удивительному делу и к этому безрассудству, что присудил
себе правоту и нам ошибку, не имея при себе ни руково-
дителя, удовлетворяющего требованиям, ни доказательства
разумного? И разве ты во всем этом не похож на других
людей разной веры, которые раньше придерживались разных 197
лжеучений, а потом, когда они, наконец, познакомились
с истиной, то ересь, раньше дошедшая до них, оказалась
у них сильнее укоренившейся и правильнее узаконенной,
чем истина, запоздавшая для них? Итак, берегись этого,
о сынок мой! И, поистине, у тебя есть стремление к добру,
так как ты по природе предрасположен к нему. И это
одно из величайших благодеяний бога, тебе и нам в тебе
оказанных. И в этом тебя влекут за собой благородные
качества, врожденные отцам твоим и предкам твоим, и род-
ным твоим.

Так, дед твой, Байсам, у ал-Будда был первым поспе-
шавшим признать его и сильнейшим помощником его веры
и лучшим его заместителем, так что присоединил даже
к нему сорок из своих детей, мужского и женского пола,
поднося их к нему в подарок, чтобы оказать ему почет,
помимо всяких других даров. И ни разу он не входил
к нему без того, чтобы он не подарил ему одного

из своих детей, мужчину или женщину. Всех их принимал ал-Будд и молился за него, и благословлял его милостиво и любовно. И был он подобным ал-Будду по совершенству и вере. А что касается женщин, то они соблюдали себя, так что умирали девственницами, а мужчины были его проповедниками и его заместителями, так что благодаря им одержала верх его вера, и распространился среди них его образ жизни. Потом ал-Будд оставил своим преемником Байсама, когда умирал. И не был тот ниже по званию и мудрости.

Потом был Шабахна, сын Байсама, один из справедливейших царей индийцев по образу жизни и из превосходнейших среди них по мудрости. И столь велики были его нежность, и его кроткость, и его великодушие, что он раз проходил со своей свитой и, увидев мальчика нагого, который стоял пред стеной и плакал и горевал, зывая о помощи к солнцу и луне, он отделился от своей свиты, бегом направился к нему и спросил его об его положении. И сказал ему мальчик: «О государь мой, мой отец был обладателем почета и богатства. И постигло его несчастье, и он впал в нужду, и одолели его долги, и умерла мать моя. А нас осталось семеро, мальчиков и девочек, и я младший из них. И приставали к моему отцу кредиторы, и не находил он для них ничего, кроме детей своих, и не переставал он удовлетворять их нами, одним за другим. Они брали их себе в рабы и уводили их от нас горемычными, и плакали они и унижались от тяжести и разлуки, и дошло дело до меня, и не хотел отец мой отдать меня, и горевал о разлуке со мной, и просил своих кредиторов, чтобы они пожалели его старость и мою молодость и отдали бы в виде милостыни кого-нибудь из нас, но они отказались и настаивали на выплате долга. Тогда отец мой бежал со мной из одного селения, называемого так-то, неся меня на спине своей голым, как ты меня видишь, чтобы меня спасти, горюя о разлуке со мной. И погнались за ним его кредиторы, и настигли его на этом месте, и вцепились в него, надеясь, что он мною выкупит себя. И унижался он пред ними, прося пощадить его. А они вцепились в него, а я сидел у него на спине. И когда они отказались, он снял меня со спины своей и плакал надо мной, и держал меня долго прижатым к груди своей, потом простился со мной и пошел с ними, чтобы предать себя в тюрьму». И не мог удержаться Шабахна, и пал на землю,

плача и рыдая и вырывая себе волосы из бороды и головы от жалости, которую возбудили в нем эти слова, и печали о том, что подобное происходит в его царстве. И пребывал он в таком положении некоторое время, а свита его стояла. Потом он встал и снял с себя свои платья, кроме платя, который покрывал его наготу, и завернул мальчика в них и понес его на спине своей и пошел пешком, чтобы довести его до отца его, а свита его шла за ним. И дошел он с ним до отца его, в то место, где он был заключен в тюрьму. Кредиторы его сковали его и бранили его скверными словами и произносили сильные угрозы. И приказал он заплатить им то, что им следовало, и порицал их сильно за их грубость и жестокость и удаление от бога и его святых, и отдал любящему любимца его, и поклялся, что не будет ни спать, ни есть, ни пить, пока не соберет ему всех его детей. И были они собраны для него, и он их отдал ему и приказал ему удвоить прежнее богатство его.

Потом был Талзин сын Шабахны, ушедший из своего царства на четырнадцать лет. А было дело так, что он в один день поехал на охоту и отделился от своих людей в одну из пустынь и блуждал там много дней. И пала его лошадь, и пошел он пешком, пока не дошел до берега, обильного водой и деревьями, а впереди была пустынная земля. И услышал он вздохи у корней одного дерева, и пошел туда, и нашел одного юношу, израненного на смерть и находившегося при последнем издыхании. И он поддержал его голову и спросил его об его обстоятельствах, и раненый сказал: «Мы были семьей людей почтенных и жили на этой горе и на этом берегу. И были у нас запасы и богатства. И настиг нас враг на этом нашем месте, и они убивали нас, и полонили нас, и унесли наше имущество. А мать моя была дряхлая старуха, и не было у нее детей, кроме меня и моего одного брата, которых она родила близнецами. И был убит этот мой брат в тот день в числе тех, которые были убиты из семьи нашей и племени нашего, и спасся я с матерью своей. И когда враги ушли от нас, я похоронил брата своего вблизи, и пришла мать моя плакать на его могилу утром и вечером, так что лишилась зрения. И пожелал я увести ее и привести ее к людям, но она просила меня во имя того, кого она носила в утробе и родила, чтобы я ее не уводил с этого места, дабы не прекращалась близость ее к этой могиле до самой ее смерти, и сказала: „Если ты не согласен, то

уходи и оставь меня, ибо я не уйду, пока не лягу близко от нее". И с того времени остался я с ней, собирая ей пищу из этих плодов, и в свое время собираю столько этих трав и лечебных средств, чтобы за них покупать для нее платье за платьем от людей, которые один за другим проходят около нас. И вожу я ее на эту могилу утром и вечером. И вот когда наступил сегодняшней день, я увидел толпу на этом месте и принял их за путешественников, и подошел к ним по обыкновению. И вот они оказались разбойниками и взяли меня, чтобы увести меня и сделать меня рабом. И я противился им из любви к старухе. И когда я вырвался от них, они рассердились и сделали со мной то, что ты видишь. И я стою пред двоякого рода смертью, смертью от прекращения жизни и смертью от жалости к матери). Талзин сказал ему: «На каком месте ты оставил ее?» Он сказал: «На этой горе пред тобой». Он сказал: «Облегчится ли смерть тебе, если ты найдешь кого-нибудь, который после твоей смерти будет ухаживать за нею так, как ты ухаживал?» Он сказал: «В таком случае я не стал бы печалиться о смерти и не находил бы ее тягостной». Он сказал: «Вот я сделаю для тебя это. Укажи мне, как ты за ней ухаживал, дабы привычка к тебе не прерывалась у нее и дабы она не знала, что она тебя лишилась». И сделал тот муж это. Потом он умер, и Талзин его похоронил. Потом он собрал тех плодов столько, сколько нужно было ему и ей, и пришел к ней, как ему указал раненый, и когда она услышала поступь его ног, она возвысила свой голос, хваля его и выражая свою любовь к нему, и он подошел к ней, и она протянула ему свою руку, и он повел к могиле, и она там исполнила долг свой. Потом он ее привел обратно к ее ложу и дал ей пищу, и она поела и легла спать. И когда наступило утро, она позвала его любовно и нежно. И он поднял ее и повел ее к могиле, и она сделала, как раньше, и он повел ее обратно к ее месту и накормил ее. Потом он пошел искать пропитания. И, таким образом, он заботился о ней четырнадцать лет терпеливо и благотворя, исполняя свой обет великодушно, так что она не сомневалась, что он ее сын. И избавлял он ее от труда и удерживал от нее нужду и бедствие, пока она не умерла. Тогда он похоронил ее вблизи этой могилы и пошел и возвратился в свое царство. А там народ долго его искал, и когда он им не явился, сделали царем его сына Филантина, сына Талзина.

202

203

136

И когда Филантин посмотрел на своего отца, а солнце его прожгло и нужда его изнурила, то он встал и припал к его ногам, целуя их. Потом он его обнял и выразил готовность жертвовать собой для него, и встал, и дал ему умыться и одеться. Потом он надел на его голову корону, и он вернулся на свой трон и после этого пробыл царем еще двадцать лет. И много говорили люди об этом и утверждали, что его похитили духи, и он не сообщил им, как было дело, боясь того, что они о нем будут говорить, чтобы отстранить от себя это и не украшать себя в глазах народа тем презрением благ мира и тою доблестью, какие он выказал, так как этим он имел в виду только награду от бога. И открыл он это только своему сыну Филантину, сыну Талзина, когда был на смертном одре. И тот объявил об этом поступке отца и поехал со своей свитой, чтобы взглянуть на те следы его подвига.

Потом был Филантин, сын Талзина, а это мой отец, 204 который меня родил. Он был наиболее всех людей привязан к учению ал-Будда и наиболее стоек в следовании по его пути, пока не разделились дороги у его последователей. И возникли у них новшества, и явились у них сомнения. И была ему свыше внушена праведность, и был он охранен от ошибок, и вернулись к нему умы, и подчинился его мнению величайший учитель из последователей ал-Будда, и не противился ему никто, кроме жалких опровергнутых. И был он из наиболее кротких людей по обращению и наиболее справедливых по управлению, и наиболее милосердных, и наиболее заботливых о бедных или больных или старых, и наиболее готовых оказывать помощь взывающему о ней, и наиболее ревностных заступников за обиженных, и наиболее далеких от гордости и самомнения. Он даже запретил своим подданным называть его царем, чтобы уничтожить в них страх пред ним, при заявлении ими о своих нуждах. И кто был старше его, того он сам называл отцом, и кто был моложе, того он называл сыном, и кто был его ровесником, того он называл братом.

И бывало даже так, что среди глубокой ночи он встанет с одним своим везирем, чтобы ходить по улицам и узнавать о делах людей то, что до его сведения не доводилось. И подошел он раз к одной толпе, и поклонился ей, и подсел к ней, и нашел, что двое мужчин бранят друг друга. И один из них стыдил другого за бедность. И сказал нуждающийся: «Что касается нужды, которою ты меня

205

137

стыдишь, то она не есть нечто всегда присущее мне, а только пока не узнает о ней царь и не устранил ее, но я тебя упрекну в таком позоре, который не отстранит от тебя и которого царь исправить не может». Тот муж сказал: «Что же это такое?» Он сказал: «Одна сестра твоя блудница и мать твоя колдунья». И заплакал тот муж, и сказали люди: «Что заставляет тебя плакать?» Он сказал: «Я плачу оттого, что то, чем он меня стыдил, правда, и оттого, что он близок к избавлению от нужды благодаря царю, тогда как царь далек от возможности снять с меня позор, так как нет для меня выхода из этого родства, и нет у меня чести при его существовании». И пошел царь, печалась об этом муже, и позвал их обоих, когда наступило утро. И наделил он нуждающегося, и позвал тех двух женщин, и приблизил их к себе, и увещевал их, пока они не раскаялись искренне. Потом он посадил их на слона из выезда цариц и приказал глашатаю возглашать, что старшая — мать царя и имя ее — Подвижница, а дочь ее — сестра царя и имя ее — Кающаяся, и кто назовет их не их именами, поносит честь царя и заслуживает кары его.

206 И стали люди постоянно делать так, так что это стало родством для того мужа. И что касается старшей, то она отошла лучшей из женщин индийцев и самой дорогой из них для сердец народа, а что касается ее дочери, то цари полюбили ее и просили ее в жены, но она предпочла девственность и служение в храме, так что она отошла, находясь на пути самой чистой праведности. И был осчастливлен тот муж этим, и оно стало для него и его потомства почетом и славой.

Потом после Филантина дела перешли к нам, и мы переносили многое, что нам неприятно, и обходились без многого, что нам приятно, признавая путь со всеми обязанностями, которые он на нас возлагал, и преклоняясь пред ним при всем том, что он нам запрещал, и довольствуясь тем, чем для самих себя и для нас решили довольствоваться учителя, не упрекая их и не укоряя их, пока не оказал нам бог милости тобою. И понадеялись мы, что в тебе бог окажет нам обычную свою милость, которую он оказывал нашим предкам в их преемниках. И я спрашиваю моего любимца: «Было ли нами совершено с тех пор, как мы стали управлять этим делом, какое-нибудь действие, противное разуму в виде ли ереси, возникшей вновь, или благодеяния уничтоженного, или права, не данного тому,

кому следует, или данного не тому, кому следует, и пре- небрежали ли мы верою, задерживая какой-нибудь расход на нее или отвергая жертву, приносимую ей, или обижая пострадавшего за нее, или не благодетельствуя подвижнику или оставляя безнаказанным лжеучителя? И разве мы беспечно относились к слабым из народа и бедным из него, забывая спрашивать о них? И разве мы унижали старого за старость его или выдавали слабого за слабость его или презирали нуждающегося за нужду его? Или разве плачет сирота из-за сиротства своего в нашем государстве? Разве я не закрыл двери царства моего над 70 000 сирот, из которых каждый считает меня своим отцом и называет меня этим именем, так что сирота, поистине, благодаря своему сиротству, становится только обеспеченнее и достаточнее, за исключением разве той нежности родительской, которой он не найдет и которой не может превзойти другая. И разве я не обеспечил женщин народа от того, чтобы нужда заставляла женщину выходить из своего дома из-за чего-нибудь нужного, чего она искала бы, или из-за обиды, на которую следовало бы жаловаться, и делал я все это, защищая наготу и оберегая заветное. Итак, вот твои предки, которых власть не заставляла забывать о вере и которых вера не лишала радости царствования, и которые не думали, что одно из этих двух вредит другому или мешает. И не обязывал их а-Будд к большему, чем это, и не считал для них изъяном пребывание у власти или добродетелью оставление ее, так как они водворяли справедливость и шли по пути ее неуклонно. А сколько испытывали мы от тебя благодаря обману, который дьявол устроил тебе устами этого чародея! И, по- истине, сколько было противодействия дьяволу от нас и сколько гнева мы его заставили проглотить и сколько было его страстей, которые мы устранили, и бешенства, которому мы подвергали себя за ненависть нашу к его друзьям, которые враги бога, и за помощь его врагам, которые ему ненавистны! И тем, чего он достиг от тебя, он возместил себе всю злобу, которою он нас преследовал. Ты не стыдился так скоро предать себя дьяволу и так сильно ему подчиниться, оставляя твоего отца и презирая твоих учителей и впадая в это гадкое унижение и в эти явные грехи, запрещая себе то, что дозволено и допущено, и допуская то, что изнуряет и губит. И если ты утверждаешь, что тебя обуяла забота о вере и неудовольствие тем, что в ней случилось, то, клянусь жизнью своей, мы не признаем,

чтобы кто-нибудь более нас заботился о ней и пекся о ней. И если бы в уме было у нас уклониться и отвернуться от значительной части ее из-за какой-нибудь страсти влияющей и вождения одолевающего, то одной из причин, побуждающих нас заботиться о ней и следить за ней, явилось бы то, что бог послал нам в твоём лице, именно желание направить тебя на прямой путь вместе с нами. И мы ближе всех к тому, чтобы заимствовать у тебя правду, когда ты прав, и ближе всех к тому, чтобы руководить тобой и направлять тебя, когда ты подвергаешься соблазну. Ну, а теперь давай сюда свои доводы! И если хочешь, то это будет между нами и не пройдет дальше, а если хочешь, то я это дело поручу злодею Серендиба, который тебя заполнил своими чарами и которого потом бог дал в нашу власть, а мы поручили одному из согласных с нами".

И когда выслушал это Будасф, он понял, что дьявол устроил ему козни и что не избежать ему препирательства с ним, и он сказал: „Нет, о царь, ничего для меня более приятного, чем праведность твоя и благорасположение твое. И если я лишен этого, то мне остается только неуклонно следовать правде. И если я противодействовал тебе, то все же считал, что ты в мысли спасся от заблуждения, хотя бы ты на деле и запутался в нем, потому что знаешь цену того, что я покинул, и ненавидишь то, к чему я привязался. Но вот оказывается, что болезнь мысли, которою ты страдаешь, требует более сильного лечения и труднее поддается исцелению, чем изъян в твоих действиях. И так как на нас лежит обязанность понести труд ради исправления этого у тебя, и так как тебя одолела страсть соглашения с ним, и так как ты не можешь нас оставить и нет нам возможности покинуть тебя, то мы нашли необходимым противопоставить страсти, одолевшей тебя, разум, который ей родственен. И так как борец не выступает на борьбу свою без своего оружия, и так как встреча его с безоружным удерживает его от боя, то мы не надеялись обуздать ополчившуюся на тебя страсть хитростью и мечтами, а только равным ей противником, истинной правдой. И так как это было так, то и была нами по отношению к тебе проявлена резкость, которою мы хотели только тебе оказать почтение, так как не оказывает тебе почтения и не есть твой искренний друг тот, кто льстит тебе. Поэтому, о царь, успокой страх твой и пойми, где истинный путь твой, и знай, что не осталось никого из людей, кто своим

поведением и действиями оправдывал бы то согласие с учением ал-Будда, на которое ты имеешь притязание, кроме того племени, против которого ты преисполнен гнева и которого ты так боишься. И разве дьявол восстановил тебя против них преимущественно пред другими, несогласными с тобой в вере, по другой причине, чем по той, что они больше других жителей земли разгневаны против него? И разве он разгневан против них по другой причине, чем по отчуждению их от него? И разве есть что-нибудь более приближающее к богу, чем отчужденность от дьявола? И каким образом, о царь, это ускользнуло от тебя, когда ты восхваляешь предков за незначительную долю милосердия, которым эти подвижники обладают в полной мере, и за незначительную долю благочестия, которого те — полные сосуды, и за незначительную долю мудрости, которой те подчиняют души свои? И вот ты их убиваешь, а они печалятся о тебе, и ты их проклинаешь, а они молятся за тебя, и ты ищешь их смерти, а они ищут твоей жизни. В их груди не вызывает злобу к тебе изгнание их тобой и их милосердие к тебе не уничтожает твоего насилия над ними. И не было у них пред тобой никакого дела, но они знали твое происхождение, которого ты не знал, и соблюдали твои обязательства, которые ты нарушил, и видели у тебя болезнь, одолевшую тебя и доведшую тебя до того отвращения к лекарству и страха к отысканию его, до которого доводит один запах болящего страдающего ею. И видели они степень, которой они достигли у тебя, и почувствовали сожаление к тебе, и уверились они в лекарстве, которое у них в руках, и возмечтали о тебе. Что же касается той смеси мудрости, которою ты украсил речь свою, мудрости, которая склоняет сердца и восхищает уши, то выслушай, о царь, притчу, которую я тебе скажу.

Рассказывают, что у одного мужа было сокровище, состоявшее из разного рода драгоценностей, как то: золота и яхонта и изумруда, и эти камни, помимо своей драгоценности и блеска, с соизволения божьего, исцеляли в людях слепоту и глухоту, и немоту, и безумие. И был хозяин их щедр ими, и раздавал их охотно из жалости к людям нуждающимся и больным, и не требовал за это ни замены, ни награды, а только уважения к ним и признания их преимуществ и оберегания их от того, чтобы они служили кому-нибудь украшениями ради мирской

красы и были повешены на недостойных их. И уразумели это некоторые люди из строптивых и невежей, и обнаружили кротость и смирение, и утверждали, будто бы они пришли к нему из разных городов из-за тех слухов об этом, которые дошли до них, и из-за множества оставленных ими дома людей, нуждающихся в разного рода лечении, которое скрывается в этих драгоценных камнях. И заявили ему, что они, если бы он доверил им эти камни, раздавали бы их достойным их и действовали бы относительно этого согласно его приказанию. И дал он им тогда часть этих камней и приказал им раздавать их сообразно разного рода пользе, которую они могли приносить, и доверять их людям чистых намерений и честных правил, и оберегать их от всякого другого употребления. И разделили эти строптивные люди эти камни между собой. Потом они разбрелись по земле, добывая при помощи их скоропреходящее благо. И был призван к богу хозяин сокровища, и назначил над своим сокровищем хранителей из людей надежных и воздержных, и приказал им распоряжаться им так, как он им распоряжался, и оберегать его от того, от чего он его оберегал. И сказал он им, что некоторые из этих драгоценных камней потерялись в руках людей обмана и предательства и что эти люди приобрели за них товары и украсили ими блудниц и глупцов и животных и повесили их на изображения и картины. И из них есть такие, которые благодаря им стали говорить и слышать и видеть. И приказал он им отыскать эти камни, и собрать все, и соединить их друг с другом, и указал им на средства к этому. И понес каждый из этих хранителей столько тех камней, которые очутились у него в руках, сколько он считал для себя достаточным. Потом они рассеялись, чтобы отыскать потерянные для них камни. А те строптивные ушли с теми камнями, которые попали им в руки, и смешали их с похожими на них ракушками и стеклом под именем драгоценностей той же величины и цвета, чтобы увеличить число своего имущества и расходовать раковины и стекло под именем драгоценных камней с их блеском. И назвали они себя торговцами ими и учителями, и господами, и благодаря этому разоряли людей, и склоняли их на свою сторону, и обманывали их. И когда хранители сокровища рассеялись в поисках за драгоцен-

ными камнями, то они входили в города и селения и показывали, что у них было, и созывали людей, и не входили они ни в одно селение, в котором не находили бы кого-нибудь из этих обманщиков или кого-нибудь из тех, кто заимствовал от них учение. И стали люди тяготиться хранителями сокровища, думая про себя, что могут обходиться без них, приравнивая их владельцам раковин и стекла, и отчаиваясь совершенно, чтобы у них можно было находить исцеление, так как они испытали ложь того, что было в руках изменников и обман его. И направились тогда хранители сокровища к обманщикам и сказали: «Вы украли часть наших камней и смешали их с другими и потом ими обманывали людей и пускали в оборот под их именем раковины, от которых нет пользы, и стекло, которое не имеет прочности, и вот мы пришли, чтобы вернуть себе все это. И давайте сюда товар ваш, тогда обнаружится народу правда наша и ложь ваша». И смутились люди от этого, и собрались, и устроили обманщики против хранителей сокровища, сильнейшие свои козни и величайшие хитрости, и привели идолов, которые двигались, и животных, которые говорили, и блудниц, которых лица сияли, и глупцов, у которых видны были ум и важная осанка, благодаря тем украденным драгоценным камням, которые были навешаны на них. И были на них ожерелья, составленные из разного рода раковин и стекла, подделанных под настоящие драгоценные камни и его различные сорта и формы в каждом ожерелье. И удивительный венец из настоящих камней украшал эти ожерелья и венцы и делал их еще более красивыми. И когда это увидели хранители, они раскрыли настоящие, не смешанные камни, которые были у них. И стали тогда эти чужие в руках обманщиков краденые и поддельные камни соскакивать с мест, где они были прикреплены и вделаны, когда увидели подобные себе и признали лица хозяев своих, пока не возвратились к ним и не смешались с ними. И стал камень соскакивать с идола, и идол сейчас же упадет и сломается, и с животного — и оно станет глухим и немым, и с блудницы — и явными станут ее мерзость и грязь, и с глупца — и станет видной его низость и презренность, и с ожерелья и венца — и они станут презираемыми и ни для кого не желательными. И были, как молнией, поражены люди тем светом

этих камней и блеском их и чистотой их, которые они увидели, и поняли преимущество их, и стали искать исцеления ими. И вот, владетель сокровища — вера, разного рода драгоценные камни — слова мудрости, обманщики — твои учителя из идолопоклонников, те раковины и стекло, с которыми они смешали драгоценные камни — это те лживые слова их, которые вселились в тебя, те хранители — из числа ненавистных тебе людей, из возложивших на себя труды подвижничества, а то, что они себе вернули из своих камней, чуждых для рук обманщиков, — это та мудрость, которую ты примешиваешь к своей речи“.

Джанайсар сказал: „Эта притча завершается обнаружением превосходства драгоценных камней и красоты их пред людьми, когда они поставили их рядом с примешанными к ним раковинами и стеклом, так что люди их признали и устремились к исцелению ими. А почему люди не усматривают ничего подобного в твоих речах и не признают их?“

Будасф сказал: „Поистине, это будет так непременно, при жизни ли твоей или после тебя“.

Джанайсар сказал: „Нет, оно будет противоположно тому, что ты говоришь. И что подтверждает твое притязание и делает тебя более близким к истине, чем нас? И разве та твоя победа над нами завтра, на которую ты претендуешь, не должна считаться такой же окончательной, как наша победа над тобой сегодня? И каким образом ты считаешь доводом в свою пользу против нас твой успех над нами завтра и не считаешь доводом в нашу пользу против тебя наш успех над тобой сегодня?“

Будасф сказал: „Подтверждается мое притязание на победу над тобой тем, что ты признаешь силу истины и ее могущество и слабость лжи и ее бессилие, и что ты сознаешь, что побеждающая истина заключается в учении ал-Будды и его пути, а ложь побеждаемая в том, что несогласно с ними, далее в том, что я тебя заставлю неопровержимыми примерами из жития ал-Будды признать, что я ближе к ал-Будде и неуклоннее следую его учению, чем те, которые действуют противоположно нам“.

Джанайсар сказал: „Ты меня принудишь признать победу, на которую ты имеешь притязание, когда ты докажешь мне, что ты неуклонно следуешь учению ал-Будды и что мы уклоняемся от него“.

Будасф сказал: „Ведь ты на этой ступени явно признаешь превосходство того, чем мы обладаем, и явно отрицаешь превосходство того, чем ты обладаешь. Дело в том, что ты и люди твоего согласия уверены, что ал-Будда не признавал за людьми его веры никакой доли в почете мира сего и его богатстве, и никакого стремления к ним, и что он не одобрял его ни для них, ни для себя, и предписывал всегда отвергать его.“

А между тем, когда он раз сидел открыто в тени дерева, окруженный толпой своих приверженцев, приблизились к нему два мужа, направлявшиеся к нему. И когда они дошли до него, то оказалось, что это два брата. И сказал один из них: «О раб божий! Мы — два брата, от одного отца и одной матери. И у нас есть старые наши родители и маленькие слабые братья и сестры. И вот этот мой брат покинул своих родителей и пренебрег своими братьями и сестрами, и оставил меня одним, одиноким, и ушел из мира, и плакали пред ним его родители и сестры и братья, но он не сжалился над ними, и все это не помешало ему меня также призывать к подобному же образу действия и утверждать, что в этом заключается его удел. Я же решил оказывать любовь родителям своим и братьям и сестрам и заботиться о них, и избавлять их от труда до тех пор, пока не умрут старые и не достигнут зрелого возраста молодые. И на этом я устоял, и кто из нас ближе к истине?» Сказал ему ал-Будд: «Ты ближе к истине, если ты в состоянии сделать одно из трех: взойти на свод неба и обойти все звезды одна за другой, и заручиться от властителя их обязательством отворачивать от тебя все бедствия до тех пор, пока ты не достигнешь того, что тебе нужно. А если ты этого не достигнешь, то поискать землю, обитатели которой были бы бессмертны, и затем подняться в путь и поселиться на ней. Если же и это превышает твои силы, то избегать всякой вещи, в которой скрывается смерть, чтобы не есть ее и не пить ее, и не надевать ее, и не обитывать в ней. А если ни одно из этих трех не находимо, то каким образом ты мог определить себе, что будешь ходить за своей семьей и заботиться о ней до тех пор, пока старые не умрут и молодые не достигнут зрелого возраста? И что обеспечивает тебя от того, чтобы не произошло болезни или слабости, которые обессилят тебя больше, чем старость обессиливает твоих родителей, и чтобы не постигли тебя слабость и беспомощность в более силь-

ной степени, чем они имеются у малых твоих братьев и сестер? И в таком случае ведь они должны будут взять на себя труд ходить за тобой». Потом он рассказал им притчу и сказал:

«Рассказывают, что некий царь воевал землю своих врагов и разграбил ее, и вернулся со своею добычей. И имел он при себе двух маленьких своих сыновей, и они заблудились, когда отец их проник далеко в землю врагов. И переходили они из страны в страну, пока не попали к одному источнику у подножия горы в пустыне безлюдной, пространство которой было не ведомо. И остались они у этого источника, довольствуясь водою его и росшими около него деревьями и травами. И дикие звери и птицы этой пустыни приходили к этому источнику и искали там убежища. И в этой горе были пещеры и логовища, куда они спасались от жары и холода. И когда оба мальчика почувствовали одиночество свое в пустыне и страх пред зверями, то они вошли в одну из этих пещер, чтобы там провести ночь. И пришли вечером разного рода звери, как то: львы и барсы, и медведи, и волки, и пилы, а оба мальчика смотрели на них. Потом они рассеялись по этим пещерам, и к мальчикам в пещеру вошла толпа обезьян. И когда они их увидели, они обласкали их и приблизили к ним припасенные ими плоды деревьев, и зажигали им огонь в пещере, и мальчики видели от них только ласку и нежность к себе. И так они провели ночь. И на другое утро обезьяны удалились, а мальчики вышли и осмотрелись, и посмотрели, и не видели вокруг себя ничего, кроме пустынь, в которых безводные места. И когда наступил вечер, они укрылись опять в пещере и сказали: „Было особенною милостью бога, что мы попали в пещеру обезьян среди пещер различного рода зверей, ибо между последними, если мы испытаем всех, нет породы более близкой к нам по сходству и менее свирепой к нам и более расположенной помогать нам и быть ласковой к нам, чем обезьяны“. И были они счастливы совместной с ними жизнью и остались в их пещере, пока не стали юношами. И полюбили их обезьяны, как они любили самих себя и свой род, и ласкались к ним их самки, пока они не сошлись с ними. И берегли они от них и рожали. А царь, между тем, не

забывал искать и выслеживать их обоих, пока не узнал их местопребывания. И когда к ним пришли неожиданно с верховыми животными и платьем и подарками, то один из них охотно согласился возвратиться к отцу своему и благодарил его, и принял почетный подарок его, и отправился к нему с его послами. А другого успели одолеть привычка и привязанность к этому месту, и любовь к детенышам обезьян, и страсть к своим женам из них, и страх пред небольшим страданием от тех безводных мест, которое он должен был встретить; все это удержало его от ухода вместе с послами отца, и он остался».

И кто из них по твоему мнению ближе к истине? Тот муж сказал: «О раб божий! Как можно сравнить отношение наше к нашим отцам и нашим матерям и нашим детям с отношением обезьян к этим двум мальчикам?» Ал-Будд сказал: «Совсем напротив! Тела обезьян ближе к телам людей и более похожи на них, чем тела твоего народа, с которым ты связан своим духом, у которого нет благодати иначе, как под условием унижения тела».

И каким образом мечтаешь ты, о царь, несмотря на знакомство твое с этим преданием, о согласии с ал-Буддом в учении и несогласии с ним в образе жизни? Что же касается твоих слов, почему наша завтрашняя победа над тобой должна служить доводом в нашу пользу против тебя, а твоя сегодняшняя победа над нами не может служить доводом в твою пользу против нас, то я скажу: в твоей сегодняшней победе над нами есть один довод в пользу нашу, а другой довод есть в нашей завтрашней победе над тобой. А в твою пользу против нас нет довода ни в одном из этих двух случаев, так как сегодняшняя твоя победа над нами значит для нас смерть и гибель, а это есть один из надежнейших доводов в нашу пользу и один из сильнейших доводов против тебя. Завтрашняя же победа наша над тобой означает жизнь для тебя и спасение, и при этом подтвердится правота наша и обнаружится превосходство веры нашей. Что же касается тебя, то нет у тебя довода в твою пользу против нас в победе твоей над нами, потому что ты убьешь нас без греха нашего против тебя, и нет у тебя довода также и в победе нашей над тобой, так как мы не злобствовали и не мстили. И, поистине, ты сегодня, когда имеешь притязание на победу, подвергаешь себя величайшему

испытанию и не будешь при завтрашней нашей победой иметь лучшую долю, чем мы, так как победа над нами есть гибель для наших тел, а завтрашняя победа над тобой есть спасение для твоей веры. Что же касается тех благородных поступков наших предков и их подвигов, которые ты перечислил, то какой довод может быть красноречивее и какое доказательство может быть сильнее, чем сведения об этом, которые дошли до тебя? И я повторю тебе изложение того, в чем я нахожу указание на учение ал-Будда, которого ты желаешь и на которое имеешь притязание. Скажи мне, были ли те из твоих предков, которых ты перечислил, дороже ал-Будду и более заботливы о нем, чем его собственная душа, которая более всех душ была обязана его любить и к нему относиться с почитательностью? Он сказал: „Его собственная душа“. Будасф сказал: „И каким образом ты надеялся, что они достигли и удобной жизнью и без усилия степени, подобной ал-Будда, которая не достигается иначе, как с большим трудом? И как мог он этим удовлетвориться для них, когда он для самого себя удовлетворился только отвержением мира сего и устранением его от себя? Или как мог он тем двум братьям приказать уйти от мира сего, хотя они ему жаловались на старость родителей и беспомощность детей, а для твоих предков допустить пребывание в нем и управление ими? Скажешь ли ты, что он был снисходительным к некоторым людям, потому что они были царями, и был строгим к другим, потому что они были низкими людьми? Это было бы таким качеством, которого ты ему, полагаю я, не припишешь и для такого мнения ты не найдешь себе согласного с тобой. Или скажешь ты, что степени весьма различны, но все они на пути к спасению? Но в таком случае ты противоречишь истине и принужден будешь признать за подвижниками их превосходство, которым ты тяготишься, и жаждать для себя искренней любви их и помощи их, и уразуметь превосходство того, что они перенесли и чего ты убоялся. Клянусь жизнью своей, это будет так непременно. И, поистине, это та степень, уклоняться от которой ты не имеешь предлога и для откладывания достижения которой ты не имеешь надежного авторитета и для которой не будет замены, если ты будешь лишен ее. И это есть тот довод, на который ал-Будд указывает всякому здоровому или недужному в надежде, что они дойдут до этой степени вечером, если они не дойдут до нее утром. И знал

он, что терпение в полуденный зной и на раскаленных камнях и на солнце легче для них и лучше для них, чем предавать себя врагу и пребывать на пути врага и на месте прохождения злых. И на этой степени пребывали твои предки в мире, и на нее они надеялись. И они были праведны с соизволения бога, и достигли цели, и некоторые из них завершили в совершенстве дела свои, и дошли до жилища утром. Ал-Будд же был рабом божьим и врачом душ и действовал он кротостью, и распорядился с ухищрением, и разные болезни лечил разными лекарствами. И был в этом похож на врача в притче, который отличался знанием врачебного искусства, состраданием к людям и пронизательностью в придумывании средств. Дело было так:

Дошло до царя, что жители одного города из его подданных были поражены сумасшествием, и не остался здоровым ни один из них. И послал он к ним того врача за превосходство его мудрости и действительность его знания в тот город, чтобы лечить его обитателей. И когда он вошел в него и обходил его улицы и рынки, увидел он нечто ужасное, страшное от большого числа сумасшедших и отсутствия здоровых, и встречал он только сумасшедших, которыми вполне овладело сумасшествие, или таких, у которых оно начиналось, или здоровых, которых постигало оно периодами, пока не приставало к ним окончательно. И понял он, что если он открыто начнет их лечить, то заволнуются души, овладевшие ими из-за вражды их к этому врачу, и соберутся они, чтобы его убить. И было одним из лучших его приемов, что он улучал рассеянность у одного из них за другим и, когда он увидит кого-нибудь в одиночестве, он накидывался на него, и связывал его, потом колдовал над ним, и лечил его, пока он не выздоровеет. Потом он пользовался его помощью против других сумасшедших и вместе с тем понимал, что такой человек будет ему лучшим из помощников и сильнейшим из них по энергии и будет лучше всего удерживать от него сумасшедших. И заметил он между ними одного мужа, который был больше всех их ростом и свирепее всех их по стремительности и властнее всех над этими несчастными. И он заметил, что они подчиняются ему и угождают ему. И понял он, что этот муж мог быть лучшим помощником, если бы ему удалось его выле-

И не решился он подступиться к нему и лечить его без помощи других. И не переставал он ссызывать одного человека за другим из слабых сумасшедших, и оставался с каждым наедине, затем крепко затягивал его узы и оковы, и шептал над ним, и вливал лекарства в нос, и, когда он выздоравливал, отпускал его, и приказывал ему скрывать свое приключение. Так он делал, пока не собралось у него некоторое число их. Потом он стал искать случая, чтобы застать число этого сильнейшего сумасшедшего, и нашел его одиноким, и бросился на него с теми своими помощниками, и они держали его для него. И тогда он накинудся на него с нашептываниями и вливанием лекарства в нос, пока тот не выздоровел. И когда он, таким образом, получил помощь сильнейшего из сумасшедших в придачу к помощи тех из них, которые раньше выздоровели, он стал усердствовать и стал неуязвимым. И начал смело подступать к сумасшедшим с лечением, и они при этом сильном муже не могли трогать его. И оказались они при этом разного вида: одни из них получили полное выздоровление, другие поправились от всякого сумасшествия, еще другие вылечились от главной части болезни, но у них остались припадки беспокойства, и еще другие исцелились, а некоторые были оставлены и не могли быть достигнуты. И ушел врач к царю, оставив свои лекарства у людей выздоровевших и приказав тем, которых поражали блуждающие припадки этой болезни, и тем, у которых еще замечались остатки ее, посещать здоровых и слушаться их и помогать им против самих себя, и приказал всем им быть жалостливыми в применении средств лечения к оставшимся и к тем из ослепленных, которых им удастся лечить. И они так и сделали.

И вот: бог — царь и ал-Будд — врач, и город, которым овладело сумасшествие, — мир сей, и сумасшествие — любовь к благам его. А тот сильнейший человек и его товарищи — отец твой Байсам и похожие на него люди совершенства, которые не уклонялись от заповедей ал-Будда. А те, у которых остались следы этой болезни, хотя они освободились от большей части ее, — это Шабахна и другие менее совершенные из твоих предков. Ты же и кто подобен тебе, с соизволения бога, — вы люди совершенства в знании

и изъяна в действиях. А ослепленные — это злополучные идолопоклонники, которые не ведают лекарства и ненавидят врача. Пойми же, где прямой путь твой, о царь, и направь душу свою, ибо обманывать ее и лгать ей — влечет за собой последствия дурные, и помоги себе тем, что ты перечислил из подвигов твоих предков и их образа жизни, и тогда ты непременно поймешь то, без понимания чего ты не можешь обойтись. Дело в том, что тебе не неизвестно, что ал-Будд у бога считался выше по положению, чем твой отец Байсам, и если бы царство, которым он управлял, было благом для того, кто его получил, то бог предпочел бы дать его своему рабу, ал-Будду, и если бы ал-Будд видел в нем преимущество, то выпросил бы его у своего господина или выпросил бы у него лучшее, чем оно, или он приказал бы твоему отцу держаться его и пребывать в нем. И ты ведь знаешь, что отец твой не подвергался ни опасности быть изгнанным из него обманым образом, ни зависти. И разве царство и мир сей могут существовать без рабства и рабство без унижения, и разве унижение не сопровождается всегда страхом, и разве страх может быть свободным от ненависти? И разве ты не видишь, что царство есть ненависть и что бог не повелевает людям ненавидеть друг друга? Затем посмотри на то, как отец твой Байсам считал ал-Будда слишком возвышенным для других подарков и как он подарил ему своих детей, чтобы понять, что отец твой не считал золота и серебра и другое добро мира сего предметом желанья ал-Будда так, что их можно было бы ему дарить или предлагать их, и что он не давал ему ничего, кроме душ, помимо которых ал-Будду ничего не было нужно, ибо он очищал их и спасал их. И каким образом считаешь ты себя действующим согласно с Байсамом и надеешься быть подобным ему, когда он щедро роздал сорок человек своих детей, мужского и женского пола, которых ал-Будд оторвал от мира сего, а ты скупился отдать одного из твоих детей, при котором нет никого? И каким образом ты радуешься за девственность этих женщин, отшедших даже девственницами, и за преемство ал-Будда и следование его учению со стороны той части сынов твоего отца, когда ты это самое запрещаешь мне? И каким образом ты равняешь твоего отца Шабахну, нуждавшегося в мире сем и склонявшегося к нему, с его отцом Байсамом, которого не удерживала в нем никакая нужда в нем? И какая была помощь от сострадательности

его к тому бедному мальчику, другим детям и подобным
229 им бедным и нуждающимся из слабых и больных, о кото-
рых он не узнавал и которым он не мог помочь? И разве
были этот мальчик и его отец и его семья путем достав-
шегося им его благодеяния обеспечены от того, что судьба
повернет против них такое же несчастье и бедность? И как
могли все нуждающиеся и всякий, кто жил во время Шабахны,
рассчитывать, что встретят с его стороны подобное же на-
строение, в котором он сжалился над этим мальчиком,
когда выезд Шабахны в тот день не был предпринят
с целью посетить удрученных и нуждающихся и отыскать
тех из них, которые остались ему неизвестными, а с целью
повеселиться и развлечься и так как нахождение этого
мальчика на том месте не было в ожидании Шабахны
и в надежде на встречу с ним и на милость его, но было
вызвано необходимостью и нуждой? И уже из сравнения
малого количества нуждающихся, сделавшихся известными
Шабахне, с теми, о которых он не знал, можно понять,
до какой степени для него остались тайной и приключения
этого мужа и его нужда, заставившая его выкупить себя
шестью из детей его, и суровость его кредиторов, и обман
его везирей, и скрывание ими подобных дел от него, и что
он не достиг того, что нужно было для благосостояния
230 всего народа и что у него не было и силы для благосостоя-
ния отдельных. И что же значит благосостояние всего
народа его государства, если бы этот народ и пользовался
им, в сравнении со всеми остальными государствами,
о которых Шабахна не слышал или о которых он слышал,
но куда не доходил? И не думаешь ли ты, о царь, что
Шабахна сам не считал себя заслуживающим признания
за ним совершенства в намерении делать добро и что
он не имел мужества завершить дело, хотя он и жил пра-
ведно и действовал искренне, помогая тем, кто терпеливо
стремился к совершенству, и сознавая собственное свое
несовершенство? И подобным же образом действовали Тал-
зин и Филантин, и будешь и ты действовать, если богу
угодно. Люди же совершенные в шествовании по пути
ал-Будда и постижении самой сути его учения и в терпе-
ливом исполнении его законов — это те самые люди, отда-
лением от которых и враждой к которым ты испытан.
А они счастливы твоим насилием и терпят боль от того
бремени, которое ты возложил на них. И я скажу тебе
притчу об этом; выслушай ее:

«Рассказывают, что некий царь собрал большое войско
и произвел набег на одну землю, и ограбил ее, и нашел
в ней много золота, и собрал его из всех мест, где его
находил, в одну свою сокровищницу. И собрал он золотых
дел мастеров из жителей того города, и приказал
им очистить это золото, и освободить его от всякой
примеси, и сделать из него царские сосуды, которые
он возьмет с собой. И было для золотых дел мастеров 231
слишком тяжелым бременем сделать это скоро, и было
для них золота слишком много, и они поняли, что если
он останется в их стране до окончания этой работы,
то его не вынесет земля, и не будет она в состоянии
прокормить его и его войско. И пожаловались они ему
на это и попросили его, чтобы он ушел от них и поставил
над этой казной доверенного, которому он поручил бы
заведывать ею, пока они не кончат того, что он им при-
казал сделать. И он внял им, и ушел от них, и поручил
это дело одному своему казнохранителю, и дал ему
опытных золотых дел мастеров, и передал им формы
тех сосудов, которые он им приказал сделать, и объяс-
нил им их вид и вес, и обязал их каждый год присылать
ему определенное количество через особых посланных,
и повелел им не присылать ему ни одной вещи, прежде
чем они употребят все старания для очистки его и освобож-
дения его от всякой примеси, и приказал им на случай
смерти царского казнохранителя, которому царь поручил
казну, не доверять ее никому, кроме самого надежного,
какого они только найдут. И заставил тот казнохранитель
тех золотых дел мастеров делать то, что им приказал
царь, и посылал царю до самой смерти положенное
число сосудов из самого чистого золота, в котором
не было примеси. Потом заведывал этим другой, поступаая 232
таким же образом, пока не умер. Потом заведывал этим
другой, и тому эта обязанность стала тяжелой, и очистка
золота и освобождение его от примесей стали ему
тягостными, и он поэтому сделал сосуды из золота
с примесью, и отправил их к царю, и усмотрел выгоды
для своего земного блага в том количестве нечистого
металла, которое он поставил за цену золота. Потом
заведывал этим еще другой и стал еще уменьшать
количество золота и увеличивать количество нечистого
металла. Потом заведывал этим еще другой и стал делать
эти сосуды из желтой меди, покрытой слоем золота;

потом заведывал этим еще другой и стал их делать из чистой меди. Потом заведывал этим еще другой и стал их делать из стекла, окрашенного в цвет золота. Потом заведывал этим еще другой и разграбил казнохранилище, и убил золотых дел мастеров, и разбил формы, и открыто взбунтовался. И не поступит ли, о царь, этот царь рассудительно и не исполнит ли свою обязанность, если он пошлет в ту страну, чтобы опять собрать в то казнохранилище все, что было из него похищено, и наказать бунтовщиков или помиловать их после овладения ими, и восстановить формы для сосудов, и поставить опять к делу золотых дел мастеров, и заставить жителей того города в будущем заплатить недоимки за те годы, когда они нарушали возложенную на них обязанность, и возвратить им присланные ими негодные сосуды, дабы они улучшили золото их и усовершенствовали выделку их, и началась бы выделка их опять из чистого золота без всякой примеси? Разве не было бы справедливо, чтобы он так сделал?»

Джанайсар сказал: „Это было бы справедливо“. Будасф сказал: „И если это так, то не полагаешь ли ты, о царь, что жители той страны должны были предупредить своим раскаянием приход для их наказания царских послов и должны были сознаться в своих грехах, и послать должное с них, и исполнять возложенное на них?“

Джанайсар сказал: „Я не вижу для них ничего, кроме этого“.

Будасф сказал: „Куда ты уклонился от самого себя, о царь! И какой есть на земле человек более тебя обязанный иметь правильное мнение и здравый взгляд и совершать дела благородные, возвышающие до милости божьей и до святости будущей жизни. Разве ты не облагодетельствован больше других людей милостями бога, разве ты не обязан больше всех людей благодарить его, разве ты не меньше всех имел бы предлогов ослаблять веру его и больше всех имел бы силы поддерживать ее. И вспомни, о царь, благодеяния, которые бог оказал тебе твоим происхождением, саном, видом, могуществом, народом, домом и тем милосердием, которое он к тебе проявил, послав тебе через меня милость свою в доставлении мудрости тебе и внедрении ее в твои уши так, что ты не мог препятствовать ей. Ибо никто из людей не был в состоянии напомнить

тебе о ней и предложить тебе ее, и ты сам не мог взывать ни к кому, чтобы притти к нему с пониманием и вниманием, пока не оказал тебе господь твоя милость и не дал тебе услышать это от меня, благодаря милосердию, проявившемуся через меня к тебе, и не удержал тебя от меня милосердием, которое проявилось через тебя ко мне. Прими же дар бога и исполни дело его и внемли зову его, и возвеличь мудрость его, да даст тебе бог за это славу в мире сем и блаженство в будущем. Что же касается твоего желания исследовать веру и обсуждать доказательства, то как это меня радует, о царь, и как много мне это дает надежды видеть тебя на истинном пути! И пусть будет это сделано так, как тебе лучше кажется“.

И когда это услышал Джанайсар, улегся его гнев и успокоилось его раздражение, и он увидел свет в его речи, и осенил его мир. И промолчал он некоторое время, совещаясь с своей душой и стараясь побороть свои страсти. И начали духи страстей его тревожить, и удерживать, и омрачать, и напоминать ему о тех наслаждениях, к которым он привык, и внушать ему, что он не выдержит отречения от них и уклонения от них, и что привязанность его к ним при сознании их греховности и при невозможности быть равным людям добродетели покроет его позором и срамом, и что спасение себя от этого позора есть ближайшее достижимое для него благо, и что нет для него другого средства, как твердо держаться незыблемо уставленного учения идолов, зовущего к страстям и побуждающего к ним. И решил он тогда, что он не взял с Будасфа всего, что следует, и даже не приближался к этому. И поэтому он прибег к помощи имеющихся у идолопоклонников доказательств и понадеялся на силу козней, которые придумал Ракис, и сказал: „Меня прельщает и склоняет то, что ты сказал, но я решил, что я не откажусь от исследования всего этого и обсуждения его. И если оно — истина, то исследование только прибавит ему убедительности. Если же оно — ложь, то обманчивость его тем самым обнаружится ясно. И как сильно я нуждаюсь в деле веры, которое соединило бы тебя со мной! И вот я возглашу среди народа, и отдам приказание верховным жрецам, чтобы они приоткрылись, и возглашу среди подвижников, что они в безопасности, и объявлю им, чтобы они явились в это собрание и защищали свои взгляды и помогали своему товарищу Билаухару, который есть их предводитель и вождь их уче-

ния, разве только что ты сам желал бы поручить это другому. Тогда ты поставь для этого, кого пожелаешь. И я того мнения, что все это должно происходить открыто, на глазах у всех, дабы никто не говорил и никто не упрекал за это, и никто не думал, что какое-нибудь доказательство его осталось для нас скрытым, которым он нас победил бы, если бы его нам привел, и дабы не подумали подобного этому и люди твоей веры. И, таким образом, исход дела лучше всего удовлетворит народ". И согласился с этим Будасф, и они назначили для себя день.

И собрались люди в этот день, и вышли главы жрецов, чтобы исследовать дело вместе с Ракисом, который для них был Билаухаром. И не явился на это собрание ни один из подвижников, разве только кое-кто из неизвестных друзей явился, готовый открыто высказываться врагам и помогать Ракису, принимаемому за Билаухара, если заметит в нем слабость в ответе врагам. И выступили царь и Будасф, и сели оба на землю. И когда все собрание уселось спокойно, царь сказал жрецам: „Вы — главари этого учения, которого мы придерживаемся и которое мы избрали. И от вас мы его переняли и вам мы в нем последовали. Защищайте же его в этот день. И если вы победите, так что правда ваша для народа станет явной, то ваши труды в наших глазах будут прекрасны, и наша награда вам велика. Если же в вашем учении окажется ложь и в вашей проповеди кривда, то никто, о жрецы, не будет признан дерзновеннее вас по отношению к богу и греховнее вас по отношению к этому народу и коварнее вас по отношению особенно ко мне“.

И произнес царь обет перед богом, который послал своего пророка доверенным и отличил его веру и одобрил его путь как руководство,¹ что если сегодня обнаружится ложь вашего учения, в которую вы его ввергли, и правда подвижников, от которой вы его отвлекли обманом, то, поистине, он возвеличит бога за его благодеяние, оказанное ему дарованием ему своего руководства и снятием с его глаз слепоты, тем что сломает свою корону и разрушит свой дворец, и обреет свою голову, и сожжет идолов, и убьет жрецов: „Потом (продолжал царь) не останется у вас жены, которая не была бы невольницей, и сына,

¹ Придаточное предложение, вероятно, вставлено переписчиком.

который не был бы рабом, и тела, которое не было бы распято". И подобный же обет произнес он также в противоположном смысле, если бы дело кончилось в противоположном смысле. И когда Джанайсар кончил, Будасф сказал: „Ты поступил, о царь, правильно и справедливо, и никто больше тебя не заслуживает правды и справедливости. И мы решили подражать тому, что ты сделал, так как оно — истина". И позвал он Ракиса, относительно которого царь не сомневался, что Будасф принимает его за Билаухара, и сказал: „Ты знаешь, в каком величии ты меня увидел и в каком богатстве благами мира сего ты меня нашел и к какому учению ты меня призвал, утверждая, что ты обладаешь твердыми доказательствами его, в силу чего я и дерзнул подвергнуться гневу царя и пойти наперекор ему и возложил на себя бремя бедности, вняв твоему призыву, в уповании на обещанную тобою за это награду и в страхе пред карою и злосчастьем, назначенными по твоим словам за послушание. И вот теперь явились сюда наши противники. И их тут целая толпа и нет среди них никого, кто бы нам сочувствовал. И ты слышал, какой беспристрастный обет произнес царь. И я буду столь же беспристрастным, как он. И, поистине, если ты воздвигнул предо мною обман, чтобы лишить меня благ мира сего и свергнуть меня в гибель в той жизни, и затем истина, при встрече с тобой, тебя победит, так что ты сдашься, или то, что в твоих руках, окажется слабым, то я взыщу воздаяние себе с твоего сердца и с твоего языка, ибо они были твоим орудием для того, что ты воздвиг предо мною и к чему ты меня призывал. Возмездием тебе за это будет то, что мы вырвем у тебя это орудие, и оно будет брошено собакам, которых более удобно и более прилично обманывать, чем сыновей царских. И я даю в этом обет пред богом, обет, обязательный для себя, если дело твое так повернется". И когда это услышал Ракис, явившийся в образе Билаухара, он понял, что хитрость его отвернулась от него, и убедился, что он погиб и пропал, и увидел смерть пред собою ясно с обеих сторон. И решил он тогда, что спасти себя он может только, если будет защищать веру Билаухара, именем которого он себя назвал, и придерживаясь учения его, чтобы Будасф воздержался от наказания его. Что же до царя, то он надеялся, что тот примет извинение его и доверит искренности его. И вот он начал поносить идолов и заблуждения поклонников их, и защищать истинную веру

и ее приверженцев. И был он в этом красноречивее и входил глубже в доказательства, чем сам Билаухар, если бы он тут присутствовал. Жрецы же, спорившие с ним, не могли придаться к нему. И стал Будасф этому радоваться, и лицо его стало сиять, и он начал прославлять бога за ту помощь, которую он даровал вере, и за ту поддержку, которую он ей оказал языками врагов ее, так как там ее друзей не было. И так они спорили долгое время. И рассердился царя видимое ему смущение Ракиса и его молчание, но ему было совестно напасть на него в этом собрании языком своим или рукой своей, ибо он не хотел, чтобы люди видели его беспокойство от этого и несправедливость по отношению к нему, и он сказал себе: „Это есть испытание, которое мы сами себе уготовили“. И тогда он сам выступил для спора с Ракисом, и когда встретил его во всем своем величии и красноречии, Ракис побоялся, что не вынесет этого при том смущении и начал несколько поддаваться. И усилились благодаря этому жрецы и стали защищаться с равным успехом, благодаря некоторому смирению Ракиса и рвению царя и жрецов до конца дня. И вступился Будасф за Ракиса, надеясь на его обращение, но боялся, что царь на него обрушится. И сказал Будасф: „Ты сегодня выслушал терпеливо много истин, проявляя полное беспристрастие, и, поистине, последствия этого поведут ко благу. И пусть будет завершением твоей справедливости одно из двух: или ты отдашь мне моего наставника этого, которому я поручил вести спор за меня, дабы он мог провести день у меня и я мог бы его научить, укрепить, утвердить и предостеречь от тебя, чтобы страх не извел его, ты же возьмешь своих наставников и сделаешь с ними то же, или же ты отдашь мне своих наставников, и они пробудут у меня день, ты же уведешь моего наставника. Оставить же его наедине с тобой, когда ты лаской или угрозами можешь на него действовать, особенно при его смущении оттого, что я его оставил, и дать твоим наставникам возможность отдохнуть в спокойствии и безопасности — не было бы справедливо“. И не хотел царь ни отказать ему в этом, боясь, что он его победит, ни удержать Ракиса у себя, боясь, что Будасф его заподозрит в пристрастии, ни отдать ему жрецов, боясь, что Будасф совершит их из веры идолопоклонников. Со стороны Ракиса же он надеялся на его преданность и изворотливость, если они будут наедине. И так он отпустил его к

И ушел Будасф с Ракисом в свой дворец. Потом он позвал его ночью и сказал ему: „Радуйся, о Ракис, ибо от тебя исходило благо, и выслушай притчу, которую я тебе расскажу применительно к тебе.“

Рассказывают, что в одной из приморских стран водился род птиц, нежных, которые не трогали ни посевов, ни растений и жили только мелкими камушками, которые они подбирали. Они были притом из красивейших птиц по виду и из прелестнейших по пению. Наибольшее же благословение, которое приносили они, заключалось в том, что когда одна из них поселится в доме и выведет детенышей в нем, не придут в этот дом ни развратник, ни вор, ни колдунья и не постигнет его обитателей ни немощь, ни болезнь, пока она остается в нем. И зная это, люди той страны все желали, чтобы та птица обитала в их домах, и употребляли, какие только могли, меры ласки для привлечения их, и находили хорошее предзнаменование в близости их и созерцании их. И так они жили долгое время, и эти птицы вознаграждали их за легкие заботы о них. Потом их постиг голодный год и погубил весь их скот. И стали редкими у них дичь на суше и рыба в воде. И провозгласил царь среди народа, чтобы он ел тех птиц и перебивался их мясом, пока не поспеет урожай. И стали они тогда охотиться на них, и есть их, и нашли в мясе их вкус лучший, чем у всякого другого рода мяса, и особенную прелесть, так что это их побудило уничтожить большую часть их. Оставшиеся же улетели от жилищ тех людей и искали себе убежища в других прибрежных странах и пустынях. Но люди стали выслеживать их гнезда ночью и ловить их птенцов, и резать, и поедать их. И достал один из приближенных царя одну из них, и сжалился над нею, и понадеялся, что от нее ему будет польза, и спрятал ее. Боясь за нее, он выкрасил ее в черный цвет, чтобы люди не могли ее узнать, и стал приучать ее есть зерна и плоды, которых птицы ее породы не ели и до которых не дотрагивались. И выросла птица на этой пище, привыкая к тому, к чему ее приучал ее хозяин, и поедая то, чем он ее кормил. И пришли колдуны и воры и развратники опять в жилища людей, и смешались с ними, и пожили с ними, и соврали большую часть их. И увидели они все, чего достигли

от удовлетворения своих желаний, благодаря тому, что эти птицы покинули их жилища, и какую тягость испытывали прежде от праведной жизни и воздержания от этих соблазнов, благодаря тому, что птицы эти жили в их домах. И преисполнились они тогда гнева против этих птиц и ненависти к ним и начали бояться, что они опять вернутся к ним. И видели они, что иногда одна из таких птиц пролетит, трепеща на высоте неба, и где только она очутится насупротив дома, там она помешает проделкам их. И стоило только услышать кому-нибудь из этих лиц шум их крыльев, и он тотчас же падал ниц и обнаруживал свою настоящую природу. И постановили они тогда искоренить этих птиц так, чтобы ни одна не осталась. И лучшая хитрость, какую они только могли придумать для этого, состояла в том, что они отправились к царю и сказали ему: «Знаешь ли ты, о царь, что такой-то поймал детеныша этих птиц и скрыл его и выкрасил его, чтобы он не был узнан, и приучил его есть зерна и плоды. И было бы очень хорошо, если бы царь послал за этой птицей, затем приблизил ее к себе и обласкал ее, и украсил ее жемчугом, и отдал приказанье, чтобы она была погружена в благовония и допущена к царской трапезе, пока она не привыкнет к дому царя и не приучится к такой роскоши, так чтобы она не могла обойтись без нее. Затем он отправил бы ее к птицам ее же породы, которым она передала бы извинение царя за разрешение истреблять их и приказание не являться нигде в его государстве и не пролетать мимо его и избавить его от лицезрения их и их звуков. Если же они откажутся, она обманом привела бы, сколько ей удастся обмануть, во дворец царя, где бы их поймали и употребили для той же цели или же зарезали бы и съели. Если бы царь так сделал, то это уменьшило бы их число и расстроило бы их дела». И сделал царь так. И когда царь этого птенца отправил к птицам его породы и он их встретил, они чуждались его и улетали, не узнавая ни его цвета, ни привычек, и признавали в нем только его строение. К птенцу же вернулась его природа, когда он посмотрел на них. И зашевелились его врожденные чувства, и вспомнил он свой нрав, и стал приучаться к их образу жизни, когда посмотрел он на них, и остался он у них. И стал с этими птицами пролетать мимо жилища царя и остальных тех домов. И дольше всех

птиц летал он именно над ними и сильнее всех беспокоил те существа и мешал их желаниям. И смотрел на него царь и придумавшие эту хитрость и узнавали его по цвету, в который они его выкрасили, и особенно сильно их сердило это и особенно для них тяжело было, так как он поступил противоположно их ожиданиям и уничтожил их хитрости.

И вот ты и есть эта птица. Велика была твоя заслуга пред верой, так как ты отстаивал ее в споре. И взяли мы тебя под охрану, когда мы начали бояться за тебя. И мы не желаем, чтобы ты поддерживал веру, как ты делал теперь, по принуждению и по необходимости, а желаем, чтобы это было от искреннего намерения и от твердого убеждения. Внемли же призыву бога и проникни в истину и ты будешь первым из этого поколения, кто вернется к вере божьей“.

И когда Ракис услышал это, он сбросил с себя принятый ²⁴⁶ облик и явился в своем собственном виде, и заплакал, и пал ниц у ног Будасфа. Потом он сказал: „Ты же, о сын царя, возрадуйся величайшей благодати бога и высшей степени в будущем мире; ибо ты — тот учитель рода человеческого, пришествия которого ожидали индийцы, и та звезда блаженства, на восход которой они уповали. И было это предсказано в древнем предании со слов учителей веры и в правильных вычислениях, восходящих к ученым из звездочетов. И я расскажу тебе, о сын царя, что Фатир и Татир из всех людей достигли предела в истинном знании. И я был им отдан, когда мне было 12 лет от роду. И я был их учеником 30 лет и не помню ни единого дня за все это время, когда они не повторяли бы упоминания о тебе и не описывали бы твоих качеств и не мечтали бы о твоём времени. Их обоих родила мать их близнецами такими, что вследствие большого сходства их между собой никто не мог отличать одного от другого. И определили они, что смерть обоих их наступит в один и тот же день и час, и что она наступит, когда исполнится сто лет со дня их рождения. И произошло твое рождение, когда от этого времени им осталось только двенадцать дней. И позвал их царь на третий день после твоего рождения, чтобы они рассмотрели твое положение; спешил он так потому, что боялся предстоящей им смерти, и знал, что некому из их современников заменить их в их правдивости и твердом

знании. И когда они разглядели время рождения твоего, оказалось, что тот, которого они поджидали, явился как раз тогда, когда судьба им оставила только одно последнее дыхание. И заплакали они и плакали долго, потом засмеялись и смеялись долго. И спросил их царь о причине их плача и их смеха, и они сказали: «О царь, мы плакали исключительно из-за самих себя и смеялись из-за всего народа нашего. Плач наш был из-за той благодати этого ребенка, которая до нас не дойдет, а смех наш был от радости за ту благодать от него, которая достанется на долю людям из-за одновременности жизни с ним». Потом они сказали царю, что ты будешь свободен от мирских благ, чист от них, будешь благородным, великодушным, и не коснется тебя нужда в них и не удержит тебя страсть к ним, и что ты будешь учителем рода человеческого, посланным от бога, и опорой его святых и сосудом мудрости и недоступным искушению. Потом царь спросил их, сколько ему самому осталось жить, и выразил опасение, что он до этого не доживет. И они сказали ему, что он после твоего рождения проживет 20 лет. И загоревал царь, и одолела его печаль вследствие предсказанной ему ими краткости жизни его. И они сказали ему: «Почему грустишь ты, о царь, из-за краткости этого срока? Как же нам утешиться, когда мы умрем раньше десяти дней?» Потом они ушли, и умерли оба в назначенное время в один и тот же час. И вот, о сын царя, тебе теперь 18 лет, и осталось твоему отцу жить два года, и я того мнения, о сын царя, что тебе следовало бы выказать к нему в течение этих двух лет почтительность, несколько примирившись с ним, ибо бог полностью исполнит через тебя все, что он обещал. Что же до меня, то я, если ты разрешишь, пойду странствовать на это время и вернусь к тебе среди тех, которые вернутся. Ибо обратилось против меня самого мое решение относительно защиты этого дела, на которую надеялся от меня царь, твой отец, так что мне стыдно смотреть ему в лицо». И разрешил ему Будасф это, и он простился с ним, и помолился за него, и ушел от него, и пребывал в пустынях и горах, пока не умер Джанайсар и не стал открыто проповедовать свое учение Будасф. Тогда он вернулся к нему и был из числа тех, которые восприняли это и достигли совершенства в служении богу до самой своей смерти.

Когда до царя дошло известие о том, что случилось с Ракисом, он стал отчаиваться одержать победу над Будас-

фом, на которую он надеялся, и бросил препираться с ним и стал относиться пренебрежительно к значительной доле служения идолам, но без намерения предаться подвижничеству. Видя же со стороны Будасфа ласковое обращение, принимал его. И, таким образом, они жили непродолжительное время.

Затем наступил величайший праздник идолов, который царь почитал и в котором сам принимал участие. И усомнились жрецы, видя резкое обращение с ними царя и непосещение им капищ их идолов, и побоялись, что он на этот их праздник не придет и что им не удастся, как прежде, устроить возвеличивание его, поклонение ему, принесение жертв во время его. И вышли они, чтобы поискать себе помощи у странника в горах. Дело в том, что некоторые мужи из наиболее прославившихся служением идолам, когда увидели, какой позор получается для их учения от установленных в нем обычаев есть и пить, и играть, и забавляться, и какое при этом открывается расхождение с образом жизни ал-Будда, которому, по их притязанию, они следуют ближе и строже других, и как легко поэтому в глазах народа достается победа над ними подвижникам, опечалились по этому поводу и взяли на себя обязанность улучшить учение отправкой некоторых из его приверженцев в странствование по земле в подражание подвижникам. Из них некоторые занимались этим добровольно определенное число лет и возвращались в мир, когда эти годы пройдут, и в этом не усматривали греха, другие же возлагали на себя обязанность до смерти отдаваться подвижничеству. Того, кто посвятил себя этому делу и проявил терпеливость в нем, называли ал-Бахван. То обстоятельство, что идолопоклонники отдавали преимущество этой степени, которую они уподобляли подвижничеству, что они прославляли тех, кто оставался твердым при этом, и признавали достигших этой степени достойными уважения и почета, служило подвижникам одним из сильнейших доказательств против идолопоклонников в силу того противоречия, которое, таким образом, обнаруживалось в учении идолопоклонников: ведь они одобряют служение миру сему и уход за телом, а вместе с тем соглашаются с приверженцами подвижничества в возложении на себя трудов и воздержании от страстей. И вот поэтому эта их хитрость обратилась против них же самих. И не было тогда налицо никого из достигших совершенства в этом, кроме одного мужа, которого жрецы искали

в горах и нашли. И привели они его к царю, ища в нем опоры себе против царя, чтобы он царя укреплял и утверждал в вере.

И когда ал-Бахван вошел к Джанайсару, который его прежде не знал, царь поднялся со своего места. И тот произнес приветствие и пал ниц пред ним, и затем стоял перед ним, пока не получил приказа сестры. Потом он сказал: „Дошло до меня, о царь, что ты претерпел после нас со стороны партии дьявола, натравлявшего ее на тебя. И порадовала меня победа, которую ты одержал“. Джанайсар сказал: „Никогда мы больше не нуждались в борьбе с ними, чем сегодня. Есть ли у тебя какая-нибудь помощь для нее?“ Ал-Бахван сказал: „Вот наступил этот праздник, который лучший наш помощник против тех, кто с нами враждует. И мы начнем справлять его с тем блеском, с которым нам подобает его справлять, а потом встретим своего врага лучшими своими силами и сильнейшей своею хитростью“. Джанайсар сказал:

„Рассказывают, что некий муж из воинов женился на женщине высокой красоты. А был он человеком очень ревнивым и боялся за нее соблазна из-за ее красоты и молодости. И сказал он ей: «У меня есть ревнивый ко мне враг, который употребит все старания, чтобы устроить козни против тебя, дабы отравить благодеяние, которое мне оказал бог в тебе. И представит он тебе всякие соблазны, ты же защищайся тем, что всегда, когда ты в сердце твоём почувствуешь малейшее вожделение к мужчинам, ты завяжешь волосы свои над ушами, дабы я это знал. Если же я не успею удовлетворить возникшие в твоём сердце вожделения, то я разрешаю тебе слушаться дьявола“. А был муж этот молод, красив и уверен в себе. И делала она это некоторое время, и душа ее не влекла ее ни к кому другому, кроме мужа. Жили они в городе, а враг их подстерегал их, и однажды он неожиданно напал на горожан, и они вышли для сражения с ним. И вошел тот муж в свой дом и надел свое оружие. И когда она посмотрела на него в его вооружении, она почувствовала, что страсть ее зашевелилась, и связала волосы свои над ушами. И когда он это увидел, он вернулся к ней. Товарищи его кричали ему и подстрекали его к бою, он же соединился с ней и потом только вышел к ним. И стали они

его порицать и обвинять его в медлительности и сказали ему: «Ты отстал из страха пред врагом». Он же сказал: «Я был в борьбе с внутренним врагом, который ближайший ко мне враг по месту жительства и наиболее трудноодолеваемый. И поэтому я хотел с него начать».

И вот так и мы поражены в самой среде своей врагом, озабочены весьма важным для нас делом. Не можем мы начать ничего, в чем успех был бы для нас полезнее и поражение вреднее, лечение важнее и исцеление решительнее, чем в этом деле. И мы постановили начать именно с него“. Ал-Бахван сказал: „Готовиться к борьбе с этим врагом и бороться с ним с наибольшей надеждой на собственный успех и на его гнев ты лучше всего можешь возвеличиванием этого праздника и привлечением к нему. И не считай этого за откладывание борьбы или за отлынивание от нее и знай, что это — приготовление к ней и начало благоразумного ведения ее“. Джанайсар сказал: „Мы стали сомневаться относительно того, что мы запрещали. И если ты хочешь заведывать этим праздником помимо нас, то ты будешь им заведывать, мы же останемся при своих сомнениях, пока ты не кончишь. Если же ты хочешь, ты нам теперь же покажешь имеющиеся у тебя в руках доводы и доказательства. И если ты успеешь уничтожить в нас эти сомнения, мы согласимся с тобой“.

Тогда ал-Бахван бросил свою палку из рук своих и снял свое нижнее платье и бросил его. Затем он сложил свои пальцы, встал голым и сказал: „Поистине, если ты, обладая всем этим могуществом и величием, этой короной, и дворцом, и этим благородным изнеженным телом, не боишься, что дело принудит тебя покинуть все это и отказаться от всего этого и возложить на себя то, что для тебя непривычно и невыносимо, то я, право, еще менее боюсь за эту свою палку и свой плат и еще скорее могу обойтись без них. И ни из-за чего я не стану обманывать свою душу и не стану уклоняться от подвижничества из-за страха пред таким состоянием, которое было бы тяжелее, и жизнью, которая была бы стесненнее той, которую я переносил. Ибо у меня нет сожаления о мире и нет в нем ничего, что было бы мне ближе той земли, по которой я ползаю, и травы, которой питаюсь. И пойдем, о царь, если ты согласен, ибо клянусь жизнью своей, я не имею ни малейшей потребности в чем бы то ни было из подобного рода благ мира сего“.

Когда это услышал Джанайсар, он отчаялся от того что было в мыслях ал-Бахвана, и понял, что если он поговорит с Будасфом, он примет его учение и вернется к подвижническому странствованию. И поднялись тогда у него стремления к власти из-за страстей мира сего, ибо ал-Бахван напомнил ему о его положении. И он потупил глаза, огорченный и удрученный, и пребывал долго в раздумье, совещаясь с собой. Потом одолела его та любовь к миру сему, которая не переставала преобладать в нем, и он приказал сделать приготовления к празднику идолов такие же, какие делались прежде. И прибавил он на этот год еще больше возвеличения его и привлечения к нему с целью склонить к нему Будасфа и обратить его к учению идолопоклонников.

И когда кончился праздник, он остался наедине с ал-Бахваном и спросил у него о средствах против Будасфа. Ал-Бахван сказал: „Воспользуйся против него дьяволами, ибо они наилучшие помощники против него“. Джанайсар сказал: „Каким образом?“ Ал-Бахван сказал:

255 „Рассказывают, что у одного из царей земли родился сын. И сказали ему жрецы: «Если этот мальчик увидит солнце и взглянет на мир и на те вещи, которые в нем, раньше двадцати лет, то он умрет». Тогда царь велел вырыть для него подземное помещение и поместил его в нем. И когда ребенок был отнят от груди, кормилица была выведена из подземелья, и туда были помещены слуги и воспитатели, которые обучали мальчика языку, и дожил он до того времени, не видев ничего из находящегося на земле, кроме того, что к нему приносили в его подземелье. Затем отец его приказал одеть его, разубрать и украсить, и потом привести его в толпу людей, и расставить для него в разных местах разные вещи, и чтобы при всякой вещи, мимо которой он пройдет, ему указывали ее свойства и называли ее имя. И были для него поставлены на разных местах его пути разные животные, и проводили его мимо разного рода деревьев, и были для него разукрашены женщины, и помещены в стороне. И было разложено для него разного рода имущество и всякие товары. И проходил он мимо всего этого и спрашивал о каждой вещи, и ему называли ее имя. И проходил он мимо женщин и спросил о них. И сказали ему: «Это — дьяволы, которые искушают

людей и сбивают их с пути». И исполнился он тогда любовью к дьяволам и восхищением пред ними. И шел он, пока не дошел до своего отца. И начал тот его допрашивать, что лучшее из того, что он видел, и что ему больше всего понравилось. И сказал он: «Не видел я, о царь, ничего из того, мимо чего проходил сегодня, что бы меня больше смутило, и больше мне понравилось, и что в моих глазах было бы краше, чем дьяволы».

И так-то и ты, о царь, никогда не найдешь себе лучших помощников против Будасфа или успешнее достигающих того, что тебе нужно, чем женщины».

Тогда Джанайсар тотчас же приказал убрать всех мужчин, прислуживавших Будасфу или охранявших его или имевших какое-либо отношение к нему. Потом он выбрал для него 4000 девушек из красивейших лицом и телом, которых нашел в своем государстве, и поручил им ведать его дело, и заменил ими его слуг и стражников. И наполнил он, таким образом, его дворец соблазном и мучительным искушением, и никакой хитрости более тяжелой, чем эта, он против него не мог бы придумать. И приказал он им заигрывать с ним и привязываться к нему и завлекать его наиболее блестящими, какие только найдут, нарядами и наиболее способными соблазнить его, сильнее разжечь его страсть и напомнить о благах мира сего. И они искушали его до усталости, и вызывали его нагло по приказанию царя, и начали приходить к нему в образе мужчин в дни их нежности или с молчалием их в дни их печали и в одежде их во время охоты их и в разного рода нарядах, в которые наряжаются женщины, в украшениях и забавах, и начали обнажаться в своих нижних одеяниях, и взывать к нему, и кружить около него, и открываться, и заирать его, и заигрывать с ним. Вместе с тем они вертелись около него со всякого рода кокетством и жеманством и ласковыми речами, пели песни и играли на разных инструментах, говорили нежности и объявляли ему, что они готовы жертвовать собою для него. И был он вследствие всего этого в великом бедствии. И начали они все чаще и чаще ездить с ним на охоту и в места гулянья и в пышные сады. И когда он поедет, они поедут вместе с ним и скачут кругом него и склоняются над ним. Часто они также окружали его, когда отдыхали от приставанья к нему, и говорили с ним, утверждая правоту взглядов его отца и истину того, чего придерживался его отец,

и порицали его взгляды и неправильность его образа жизни. И говорили они обо всем этом красноречивее мужчин.

И находилась среди них одна царская дочь, которая была лучше всех их красотой и лицом и выше всех их умом и знанием и пониманием. И был Будасф искушен ею и поражен ее красотой и умом и уравновешенностью ее речи. И он многократно говорил с ней, призывая ее к истинной вере и доказывая ей заблуждение идолопоклонничества и сообщая ей, как скоро изменится это тело, которое привязывается к миру сему только ради себя. И радовала 258 царя доходившая до него весть о том, что Будасф сближается с ней и восхищается ею. И сказала она: „Если ты желаешь, о сын царя, чтобы я приняла то, что ты мне предлагаешь, то дай мне наслаждаться тобой хоть один год и я дам тебе обязательство перед богом, что я приму твою веру и вместе с тобою проживу целомудренно до своей смерти“. Он сказал ей: „Что даст мне обеспечение от смерти до истечения этого срока?“ Она ответила: „Каким образом можешь ты бояться смерти раньше достижения тобою предсказанного тебе твоими учителями оживления веры и награждения ее приверженцев после смерти твоего отца? Если ты убежден в истине этого предсказания, то ты обеспечен от смерти до осуществления этого; если же ты заподозреваешь их, то у тебя вообще ничего из этого нет“. Он сказал: „Что же дает тебе уверенность в этом раньше этого срока?“ Она сказала: „Я имею такую же уверенность в этом, ибо Фатир и Татир, которые были наставниками индийских ученых, сказали моим родителям и моей семье, что я не умру, пока не пробуду слугой царя, женой царя и матерью царя. И не было в словах их лжи и не было разногласий. И я притом не вижу в этом никакого заблуждения, чтобы мне бояться, что смерть похитит меня внезапно при нем“. И не было дано Будасфу обогнать людей, спасшихся от соблазна женщин, и он ей ничего не ответил и стал защищаться от нее тем, что потуплял взоры от ее красоты. И сказала она: „Не лишай меня возможности, о сын царя, войти в твою веру и последовать твоему образу жизни и потерпеть с тобой за один год наслаждения тобою, а если ты не хочешь этого, то за один месяц, или хотя бы за одну ночь. Ибо в этом нет ничего такого, чего бы ты не мог дать душе для ее излечения и приготовления к вере бога“. Тогда дьявол нашел себе путь в его теле и помощника себе против него в той радости, с которою

оно его встретило. И взял Будасф тогда с нее обязательство, что она примет веру бога и будет жить по его заповедям, и потом разрешил ей, и она пришла к нему в ночь своей чистоты, и он спал с ней, и она зачала от него мальчика, а он на утро раскаялся. И когда прекратились ее месячные и царю стало ясно, что она забеременела, он понадеялся, что от Будасфа останется сын, которым живо будет потомство его. И тогда ему показалось легче то в деле Будасфа, что его особенно тяготило, и он избавил Будасфа от части тех мучений, которым он его подвергал, понося его взгляды и предоставляя этим женщинам власть над ним. Но только он их не убрал от него и никого, кроме них, к нему не допускал. Дьявол же не хотел удовлетвориться тем, чего добился от Будасфа, застигнув 260 его, а желал побудить его еще на подобные дела и начал представлять его глазам в прелестнейшем виде окружавших его прелестниц. Будасф же начал искать помощи в молитве, а они мешали ему, отвлекая его от нее музыкой и игрою. И ослепляло его и нравилось его глазам и ушам и сердцу то, что он видел из их красоты и слышал из их речей и чем наслаждался, благодаря их близости и созерцанию их.

И когда он однажды ночью, находясь в таком состоянии, лежал простертым на земле молясь, его дух был исхищен, а тело оставлено простертым. И он видел, что Билаухар и Нагруженный пришли к нему. И увели они его и привели его в рай. И посмотрел он на бывшие в нем блеск и свет, и жилища, и селения, подобного которым ничего не было в мире сем. И потом ему были предъявлены зараз худшие вещи в раю и те женщины в наилучшем их виде, и оказались они далеко не похожими на те вещи и гаже на вид в сравнении с ними, чем собаки и свиньи. Потом все эти женщины до последней были изображены для него с того самого времени, когда каждая из них была каплей в утробе матери, до того времени, когда она превратится в труп 261 в могиле, во всех состояниях нечистоты, в которых она находилась или будет находиться от грязи ли или месячных, или седины, или старости, или болезни, или дряхлости. И был показан ему всякий обман и разврат их — прошедший и будущий, всякая беременность и роды. И все это было утомлением для глаз его, и не мог он этого забыть и пренебречь им. Потом они обрадовали его благою вестью и укрепили его и показали ему его место в раю. Потом они возвратили его дух его телу, и он поднял свою голову.

И оказался он окруженным теми женщинами, которые плакали по нем и выли по нем. Ибо они видели его тело повергнутым ниц всю ночь, не шевелился ни один член его, и не возвращалось к нему дыхание. И не сомневались они в его смерти. Но он встал на ноги, еще более совершенный телом и ликом, чем был прежде. И лицо его сияло светом. И смутило их, что при известном им желании его смотреть на них, теперь на его лице обнаруживалось удивление им. И стал он вглядываться в них и всматриваться в них, удивляясь их безобразию, и запрещал себе обращать внимание на них. Тогда они поняли это его решение и ослабели и были сломлены.

262 И вошел к нему Джанайсар испуганный и спросил его о том, что с ним случилось. Будасф рассказал ему свое дело и изложил ему свою тайну, и призвал его к богу и его вере, и устрасил его смертью, от которой ему нет спасения, и напомнил ему забытые им слова Фатира и Татира о сроке его жизни и о том, что он приближается. И сообщил он ему далее, что у него нет никакого извинения медлить уверованием в бога и его закон, хотя бы он и не был в состоянии исполнить все дела, требуемые верою. Если же он упустит это, то не сравняется со своими предками, с которыми он, однако, же желал сравниться. В этой же степени он найдет удовлетворение и опору в будущей жизни.

И смягчился Джанайсар, и проявилось в нем благо, и он принял веру, и отверг идолов, и сказал: „О сынок мой, удерживали меня от этого дела многие препятствия, представлявшие мне это дело страшным: государство, которым мы управляли, и правление, которое нам устраивали наши предки, так что оно в конце концов стало совершенно нашим и движется нашими руками и нашей головой. И мы надеялись, что все это минует нас и что другой, а не мы, найдет в нем счастье или пострадает от того бремени, которое заключается в этом пределе. Далее удерживало нас наше желание, чтобы имеющееся у нас рухнуло, если оно — ложь, и укоренилось в наших сердцах противоположное ему, если оно — истина. И вот бог даровал нам теперь это твоею любовью и твоею милостью. Что же касается нашего насилия над приверженцами этого учения, то мы не знаем, есть для нас выход из этого положения или нет? Сообщи нам, как смотреть на это дело“.

263 Будасф сказал: „Радуйся, о царь, ибо ты тем, что им причинял, в сущности только ускорял достижения ими

той степени, которой они сами жаждали и к которой страстно стремились, и, если страдали от этого, то только из-за тебя, именно за то, что ты замедляешь достижение для себя этой степени, ускоряя достижение ее для них. И свое намерение простить тебе то, что ты им сделал, они предоставили себе и заявили об этом лицам, которых искренность и любовь ты не можешь заподозрить, дабы не отклоняло тебя от истины насилие, которое ты творил над приверженцами ее, ибо это было одною из хитростей дьявола, и против нее употреби надлежащее средство, и тебя постигнет за это то, что неизбежно, а конец будет ко благу“. Затем он сказал ему слова Нагруженного и его двух спутников, которые они завещали ему, и обрадовался этому Джанайсар, и остался при нем, и выгнал от него всех тех женщин, кроме той, которая забеременела от него. И остался Будасф при отце своем, обращаясь с ним почтительно.

И стали люди тяготиться служением идолам, когда 264 им стал тяготиться царь, и были унижены жрецы. И рассердился ал-Бахван и пришел к Будасфу, чтобы поспорить с ним, и сказал ему: „О сын царя! За какую обиду, тебе причиненную, упрекаешь ты богов, когда ты объявляешь войну истине и не перестаешь нападать на нее, и обманом отвлекать от нее, и порицать приверженцев ее. За злодеяния ли их, которые они творили против твоих предков в древности или в новейшее время против твоего отца и тебя самого? Но ведь таких злодеяний их не было. Напротив — они совсем противоположное творили тебе, даровав тебе царство наследственное, положение блаженное, мирские блага беспредельные, красивую наружность, пищу обильную. Как же ты сторишься сам от истины и обманом отвлекаешь от нее твоих родителей и упрекаешь за нее твоих учителей и вместе с тем удерживаешь от учения ей и веры в нее людей?“

Будасф сказал: „Если ты оказанное богами мне считаешь за благо, то ты больше других обязан отвергнуть их и упрекнуть их, так как они отняли у тебя и отклонили от тебя то благо, помимо которого у них в действительности не видно ничего другого. И скажи мне, за то ли ты так благодарен им, что они тебе даровали, и объясни, что собственно тебе так нравится в твоём состоянии, что ты с жалостью говоришь о мире сем, когда в твоих глазах было бы заслугой вла- 265 деть им и наслаждаться им? И если мир сей создан для того, чтобы наслаждаться им, то боги, поистине, дали тебе

слишком малую долю в нем, т. е. это рубище, которое составляет весь твой домашний скраб, и эту палку, которую ты удовлетворяешься как снаряжением и спутником. И ты, поистине, довольствуешься той долей его, которую не следовало бы тебе довольствоваться, и отвергаешь то, к чему тебе следовало бы привязываться и к увеличению чего следовало бы стремиться. Если же блага мира сего созданы для какого-нибудь другого назначения, то ты не прав в своих речах и описаниях, и нет у тебя выхода из такого положения: ты не прав или в речах своих или в действиях».

И потупил ал-Бахван глаза и долго совещался в мыслях с собою, стоя перед ним и опираясь на свою палку. И понадеялся Будасф на спасение его и сказал: „Садись, о учитель, и выслушай притчу, которую я тебе расскажу применительно к тебе“. И сел ал-Бахван, и Будасф сказал:

„Рассказывают, что некий купец прибыл в одну страну. И прислал к нему царь ее приказание явиться к его столу в его дворец. И сделал он это и показал ему царь все вещи, которые были в его сокровищнице и в его государстве, и потом спросил его: «Заметил ли ты в чем-нибудь из моего имущества изъян или недостаток?» Купец сказал: «Не видел я ничего, кроме подобающего тебе, но я желал бы, чтобы у тебя был павлин, который восхищал бы твои глаза и украшал бы твое жилище». Царь сказал: «Что такое павлин?» Тогда купец описал его царю. И когда купец ушел от него, он позвал одного из своих сановников и дал ему денег и приказал поехать в страну павлинов и привезти оттуда то, что ему нужно было. И показалось тому мужу путешествие слишком далеким, и не захотел он взять на себя обузу привезти павлинов, и польстился на деньги, которые царь ему дал. И поймал он ворона черного с белыми пятнами, и выкрасил его по-павлиньему, и принес его царю, и сказал: «Я нашел его, о царь, недалеко отсюда и купил его на те деньги». И взял его царь и дивился ему. И возвратился тот купец после некоторого времени с двумя павлинами, которых он хотел поднести царю. И когда он вошел к царю, тот его приветствовал и обласкал и сказал: «После твоего ухода мы добыли ту птицу, которую ты нам описал, и она действительно красива, удивительна». Купец сказал: «Чтобы царю радость еще увеличилась, я ему приношу в подарок

еще двух таких птиц». И приказал царь принести ворона, черного с белыми пятнами, чтобы показать его купцу, и когда тот взглянул на него, он воспылил гневом за царя на дерзость человека, подсунувшего ему обманом ворона вместо павлина, и сказал: «Владелец этого ворона, о царь, проявил дерзость по отношению к тебе, и не питает страха к тебе и не может тебе быть советником». И послал он за двумя павлинами, и они были привезены, и когда царь взглянул на них, он понял их превосходство и убедился в обмане своего советника. И послал он за ним, и понял тот муж свой грех, но не нашел для себя другого исхода, кроме отрицания, и сказал: «О царь, это — павлин, птица благословенная, красивая, а те две птицы — птицы, приносящие несчастье; у кого они заведутся, тот погибает». Купец сказал: «Спроси его, о царь, об окраске, которая у этой птицы, природная ли она или искусственная». И спросил его царь об этом, и он ответил: «Природная». И приказал тогда купец принести горячую воду и мыло и занялся вороном, пока не вымыл его начисто; потом он его выставил на солнце, пока тот не высох и не встряхнулся, и вот он оказался чистейшим вороном. И был, таким образом, опозорен его владелец. Затем царь сказал: «Если с этим вороном вышел обман, то это принуждает нас испытать твоих двух птиц тем же способом, который ты применил к ворону». И не воспрепятствовал этому купец, и приказал царь вымыть тех двух птиц начисто. Но от воды окраска их стала только еще красивее. Тогда он принял их и щедро облагодетельствовал купца и приказал наказать владельца ворона. И вот это, о мудрец, есть подобие истинной веры: купец — это ал-Будд; везир царя, который обманул царя вороном под именем павлина, — наставники идолопоклонников, павлин — вера божья, а выкрашенный ворон — то новшество, которое загрязнило ваших наставников, тогда как они уподобляли его истинной вере.

И принял ее ты и подобные тебе из людей, ищущих блага. Теперь же пришел тот, кто смеет с новшествами те слова истины, которыми они покрашены, дабы ересь в своем безобразии и негодности обнаружилась и мудрость проявилась в совершенном своем виде, и стали ясными людям красота ее и святость ее».

И испугался ал-Бахван и сказал: „Повтори мне притчу“. И он повторил ее ему. Ал-Бахван сказал: „Ты ли владелец павлина, о сын царя?“ Он сказал: „Я владелец его“.

И поднялся тогда ал-Бахван, и стал прямо, и сказал: „Если то знание об ал-Будде, на которое ты имеешь притязание, правдиво, то истина действительно в твоих руках. Если же оно ложно, то у нас не было учителя. И я расскажу тебе, о сын царя, некоторое предание, которое я не переставал хранить и которым был все время озабочен. Дело в том, что я сорок лет тому назад пристал к этому учению, а был я тогда юношей. Принадлежали же мы к дому знатному и богатому. И родичи мои опечалились и не одобрили этого, а я вышел, удаляясь от мира, устремляясь в пустыню, а позади меня было много моих родных, которые плакали по мне. И встретил я Контоса, учителя, а это был тогда наставник индийцев, наиболее отличавшийся славой и знанием и наиболее близкий по времени к сподвижникам ал-Будда. И когда он взглянул на меня в таком виде, он сказал: «Этого юношу восхитила природа ворона. Что было бы, если бы он увидел воочию павлина!» И я запомнил это слово, и оно стало меня заботить. И когда мои родные отчаялись во мне, они покинули меня, а я пошел к Контосу и сказал: «Я слышал, о мудрец, что ты сказал то-то и то-то. И что значит это твое слово?» Он сказал: «О сынок мой, я расскажу тебе: я встретил Кахрариджа, когда ему было уже больше 150 лет. А был он последним оставшимся в живых из сподвижников ал-Будда. И он завещал мне, что он слышал, как ал-Будд сказал своим сподвижникам: „Я отдал вам на хранение павлина, но он будет украден из-под ваших рук, и вам принесут черно-белого ворона, подмазанного наподобие его, и многие из вас примут ворона, и привяжутся к нему люди добрых намерений из жажды истины. И когда пройдет полностью 300 лет со времени ухода моего от вас, вам принесут самого павлина. И обнаружится тогда ясно превосходство его и будет опозорен ворон и приверженцы его“. Эти слова Кахраридж передал Контосу по истечении 140 лет с того времени, когда он слышал их от ал-Будда, а Контос передал их мне по истечении 120 лет с того времени, когда он услышал их, и я передаю их тебе по истечении 40 лет со времени, когда я их услышал от Контоса. И не осталось нам, о сын царя, ничего, как только вымыть павлина, чтобы узнать его по прочности его окраски“.

И дал ему Будасф возможность расследовать истинную веру и расспросить обо всем, что ему было неясно, и открыл ему заблуждение идолопоклонников, так что не оставил в его сердце никакой потребности. И принял тогда ал-Бахван подвижничество и вернулся к странствованию. И были сокрушены эти идолы, и поколеблено дело жрецов, и обнаружилось презрение людей к учению их. И, таким образом, прошел год.

И родился у Будасфа сын, и царь взял его к себе, мать его с того времени до самой смерти осталась целомудренной согласно обещанию, которое она дала Будасфу. И радость царя этому мальчику была так велика, что облегчила ему перенести поведение Будасфа и утешила его. И стал он плакать и отчаиваться из-за краткости времени, которое ему еще осталось жить, и горевать об этом и о том, что не случилось рождение ребенка, когда у него еще оставалось жить столько, чтобы укрепить за ним царство. И велел он провозгласить, чтобы подвижники открыто показались и что они в безопасности. И вернулось малое количество их, и пристрастился царь к расспросам о конечной судьбе этого мальчика, чтобы узнать, будет ли он достоин царствования или нет. И ответили ученые и книги единогласно, что его потомство будет многочисленно и царствование будет продолжительным. И когда выяснилось это царю, печаль его о сыне улеглась и боязнь за него прекратилась, и он ублагодворился тем, что принял от Будасфа, и не переставал быть таковым.

И послал бог одного из своих ангелов, и тот следил за Будасфом, пока не нашел его в одиночестве. И тогда он явился ему, и стал перед ним, и сказал: „Благо тебе и спасение и привет, человек среди животных, пленник среди обидчиков, праведник среди развратников, мудрец среди невежд! Я принес тебе привет и мир от бога всего сотворенного. Послан же я к тебе, чтобы увещевать тебя и обрадовать тебя благою вестью и сказать тебе оставшееся скрытым от тебя из дел твоей земной жизни и будущей жизни и как было начало и середина и каков будет конец. Прими же мой совет и мою благою весть. Отбрось мир и удали от себя свои страсти, и отрекись от переходящего царства и власти низкой, непостоянной, конец которой — раскаяние и горе, и ищи царства, которое не кончится, покоя, который не прекратится, и будь искренним праведным, ибо ты будешь наставником для этого поколения“.

И когда Будасф это услышал, он обрадовался и пал ниц пред ним, и уверовал в то, что услышал, и сказал: „Я сле-
дую приказанию бога и готов уразуметь и принять его
уведомление. Итак, прикажи мне, что ты мне хочешь прика-
зывать, и я воздам тебе хвалу и благодарность тому, кто
послал тебя ко мне, ибо он сжалился надо мной и поми-
ловал меня и не отверг меня среди врагов. И я был оза-
бочен тем, что мне теперь даровано“. И сказал ему ангел:
„Я вернусь к тебе через несколько дней и выведу тебя;
приготовься к этому и очисти сердце твое и душу твою,
и пусть никто не узнает твоего намерения“.

273 И стал приучать Будасф душу свою и не говорил никому
о своем деле и пребывал в таком состоянии несколько
дней. И когда наступил день его ухода, явился ангел среди
глубокой ночи, когда все люди спали, и сказал ему: „Встань
и уходи и не откладывай этого“. И встал он. Тайну свою
он открыл из своих людей одному только преданному ему
везиру. И вышел он к воротам дворца в сопровождении
того благовестителя, который к нему пришел, и вот у ворот
дворца сидел стражник. И приказал он ему привести лошадь.

И когда он вознамерился сесть на лошадь, предстал
пред ним муж юный и пал ниц пред ним и сказал: „Куда
идешь ты, о сын царя, благословенный, великодушный,
совершенный, оставляя царство свое и страну свою, тогда
как мы не переставали надеяться на твои дни с самого
времени твоего рождения?“ И успокоил его Будасф и ска-
зал ему: „Оставайся ты в своей стране, я же должен уйти
туда, где я скроюсь, и сделать то, что мне приказано.
И если ты мне поможешь, то тебе будет дана доля во всем,
что я сделаю“.

Затем он сел на лошадь и проехал столько, сколько
ему суждено было проехать, потом он сошел с лошади
и пошел пешком, а везир его вел его лошадь. И сказал
274 ему Будасф: „Вернись с моей лошадью к моим родителям“.
И стал везир плакать и сказал: „С каким лицом предстану
я пред твоими родителями и какими глазами я взгляну на них
и какому наказанию подвергнут они меня? И ты — как
будешь ты в состоянии идти пешком и вынесешь лишения,
к которым ты не привык, и как это ты не боишься одино-
чества, когда ты никогда на один день не оставался оди-
ноким? И как ты вынесешь трудности пути и голод и жажду
и как ты выдержишь лежание на земле в пыли?“ И успокоил
его Будасф и утешил его.

И лошадь вдруг остановилась перед ним, и начала цело-
вать его ноги, и дал господь всеславный и всевеликий ее
языку способность речи, и она стала говорить, и сказала:
„Не покидай меня, а возьми меня с собой и не оставляй
меня за собой, ибо я никогда тогда не возрадуюсь опять
и никому не буду служить, и, если ты покинешь меня и не
возьмешь меня с собою, я уйду в степи, и буду жить вместе
с дикими животными“. И успокоил ее Будасф, и сказал:
„Не допускай в душу свою ничего, кроме блага. И я возвращу
тебя назад, и пошлю тебя к царю, и завещаю ему относи-
тельно везира моего и относительно тебя, чтобы он вам
обоим оказывал милость и добро. И никогда после меня
вы не будете служить другому“.

Потом Будасф снял с себя царские одежды и украшения, 275
которые были на нем, и передал их везиру, и сказал ему:
„Надень мои платья“. И дал он ему тот красный яхонт,
который он носил на голове своей, и сказал ему: „Ступай
и возьми мою лошадь и, когда ты придешь к моим родите-
лям, то положи пред ними земной поклон за меня, и передай
моим родителям яхонт, и произнеси от меня много привет-
ствий им и всем сановникам, и скажи им от меня: «Когда
я познал и стал различать вечное от преходящего, я почув-
ствовал влечение к вечному и отвращение к тленному и,
когда я выяснил себе и стал различать моих друзей от моих
врагов, я склонился к своим друзьям»“. И сказал он далее
своему везиру: „Когда мой родитель увидит яхонт, он
успокоится, и когда увидит на тебе мое платье и мою
одежду, и мой головной убор, и мои украшения, то узнает
мою любовь к тебе и мою дружбу с тобой. Это помешает
ему сделать тебе зло, которое он мог бы вознамериться
причинить тебе“. Потом его везир вернулся, ведя его лошадь
и плача, и пришел он к его родителям и сделал так, как
ему приказал Будасф.

Будасф же пошел пешком, направляясь к северу, пока
не достиг обширной равнины.

И поднял он взор свой и увидел громадное дерево 276
у источника воды из наибольших, какие только бывают,
и из наикрасивейших по ветвям и отпрыскам и из наи-
приятнейших по стройности и сладости. И увидел он
там всех животных и несчетное число птиц. И обрадо-
вало его это зрелище, и он возликовал душой, и подошел
к тому дереву, и приблизился к нему. И начал он мыс-
ленно объяснять это зрелище и истолковывать его,

и уподобил дерево той благой вести, к которой он призывал, источник воды — мудрости и познанию, птиц — людям, которые собираются и принимают от него веру.

И когда он спал, к нему явились четыре ангела и шли перед ним, а он следовал по стопам их. И понесли они его, и подняли его на воздух, и показали ему все дела людские, и видел он их, как видит свое лицо смотрящий в зеркало. И дали они ему мудрость и познание, благодаря которым он узнал, что нужно приказывать и что запрещать. Потом они опустили его на землю между востоком и севером и как друга приставили к нему одного из четырех ангелов. И пробыл он в тех странах некоторое время и приобрел великую мудрость.

Потом он вернулся в страну Шавилабатт. И когда дошла до его отца весть об его прибытии, вышел он к нему среди всех своих сановников, и встретили они его и оказали ему почет и внимание. Потом собрались к нему жители его страны вместе с его родными и близкими и пали ниц пред ним и произнесли привет ему. И говорил он с ними, и раскрыл им веру, и сказал им: „Внемлите ушами своими и освободите сердца свои для восприятия мудрости божией, которая есть свет для душ; укрепите себя знанием, которое есть путеводитель по дороге праведности; разбудите ум свой и уразумейте разницу между истиной и ложью, между прямым путем и заблуждением. И знайте, что эта вера есть вера бога, которую он в прежние века ниспослал устами своих апостолов и пророков. Нас же бог, — благословенно и возвышенно поминание его, — отличил в это время и для этого поколения милостию и милосердием своим, дабы избавить души от мук могилы и от огня геенны. И знайте, что царства небесного не достигнет никто и не войдет в него никто, не приобретя знания и веры и не завершив добрых дел. Укрепите же тела свои для добрых дел и усердствуйте в них, дабы обрести покой вечный и жизнь, которая не прекратится. И кто из вас уверует в истинную веру, да не будет вызвано обращение его жадной жизни телесной и надеждой на земных обитателей и исканием мирских даров, но пусть будет принятие вами веры вызвано жадной царства небесного и надеждой на спасение души и исканием жизни духовной, спасения от заблуждения и смерти и достижения покоя и радости в будущей жизни. И, поистине, царство земли и величие ее преходящи и наслаждения ее недолговечны, и кто соблазнится ими, будет опозорен, когда

предстанет пред судией, который судит не иначе, как по правде; они скоро изменяют предающемуся им. И смерть связана с вашими телами, и она стережет ваши души: берегитесь, чтобы она не погубила их вместе с телами, если вы будете упорны в заблуждении. Ибо души ваши приготовлены к смерти и находятся под властью ее. Уготовьте же себе запасы на том свете добрыми делами и примите благою весть, которую я вам принес, и знайте, что, подобно тому как птица не может жить и спастись от врагов иначе, как благодаря силе зрения, путеводителю и своим двум ногам, так и души могут рассчитывать на жизнь и спасение не иначе, как посредством знания и веры и чистых добрых дел. Так подумайте же, о царь, и вы, сановники, о том, что вы слышите, и уразумейте то, что я говорю. И переходите через реку, пока корабли еще плывут, и пересекайте пустыню, пока еще жив путеводитель, и готовьте припасы, и ступайте своей дорогой, пока светочи еще сияют. И наполняйте уши свои из сокровищниц подвижников и участвуйте с ними в добре и благе. И будьте праведны, следуя за ними, и будьте им помощниками и поддерживайте их в делах их, дабы войти вам в царство небесное“.

И приняли они от него веру, и оживил он в земле Шавилабатт мудрость великую, так что все люди ее стали стараться быть совершенными исполнителями заповедей и умножилось среди них число его помощников. И сказал он тем из них, кто отрекся от мира: „Пребывайте твердо в этой славной бедности и соблюдайте заповеди, вам данные, и берегите души свои, чтобы они не склонялись к благам мира сего и к еде мяса, и к питью вина, и к похоти к женщинам, дурной, гадкой, губительной для духа и тела. Берегитесь ярости и гнева, и лжи, и ненависти друг к другу. И не делайте никому того, чем вы были бы недовольны, если бы оно было вам сделано. И будьте чисты сердцем, искренни в намерениях, дабы, когда наступит и для вас срок, когда вы покинете тело и будете взяты, вы были богаты делами духовными. И оставьте жизнь ближайшую, ибо я раскрыл все дела ее и объяснил вам скрытые тайны и истолковал вам заповеди и законы. И на вас лежит обязанность усердствовать в исполнении их“.

И когда это стало ясно царю, горе его утешилось, и он был счастлив тем, что принял от Будасфа. И не переставал он жить так, а когда наступил его смертный час, он стал

проявлять горе. Будасф же сидел у его изголовья и сказал: „Как ты думаешь, о царь, если бы кто-нибудь жил земной жизнью с самого начала ее до ее конца, разве он не должен бы был привязаться к ней больше и сродниться с ней крепче и страдать сильнее, когда он чувствует близость ухода из нее, грозящего ему лишением связи, долго занимавшей все его заботы, и благ, долго привычных ему, и жилища, ставшего ему родным, чем другой, который земною жизнью жил лишь короткое время и не успел извлечь из нее много пользы и насладиться ею вдоволь? Клянусь жизнью своей, крепко связавшийся с нею имеет больше права плакать над ней и страдать по ней. И почему тебе нужно так много горевать по ней? Горюешь ли ты о тех ее благах, к которым ты привык? И что имеешь ты в виду этим? Ищешь ли ты вечного пребывания здесь? Но ведь на это нельзя надеяться. Стремись ли ты жить долго в дряхлости и страхе, и трепете, и лишенным движения? Но ведь это есть нечто такое, к чему не стоит стремиться. Ищешь ли ты подвергнуться проказе и сумасшествию и другим недугам? Но ведь в этом нет безопасности. Надеешься ли ты остаться невредимым в жизни сей? Но ведь этого никто не запомнит. Горюешь ли ты по каком-нибудь новом веке в ней, имеющем в ней наступить, или новой жизни в ней? Но ведь ничего не будет такого, кроме того, что ты видел в ней, только зима ее и зной ее, смерть и рождение. Ищешь ли ты забыть предков и друзей, тяготишься ли мыслью о встрече с ними? Но ведь в этом нет ни благородства, ни чувства долга к ним. Или же, наконец, ты имеешь дурные мысли о боге и боишься предстать пред ним? Но ведь это значит подвергнуть себя его гневу. Успокойся же вполне, о царь, ибо ты ведь не переставал твердо веровать в это дело и ожидать его“. Джанайсар сказал: „Нет, я горюю потому, что душа человеческая по природе своей боится смерти и переселения из покоя этого земного дыхания и мира этого земного благополучия в такое жилище, где мы ищем простора, не зная твердо его просторства и не будучи уверенными в том, каково будет там наше положение. И еще я горюю о том, что так коротко было время нашего пребывания в этой вере, принятой нами, наконец, и что так продолжительна была жизнь наша во вражде с ней. И каким образом небольшое запоздавшее наше познание может исправить нам большое испорченное страстями усердствование наше на ложном пути далекой

нашей юности“. Будасф сказал: „Радуйся, о царь, ибо ты идешь навстречу царю великодушному и жалостливому и противнику милосердному, прощающему и любящему. И ты идешь к благу и обладаешь благом. Что же касается дыхания этого, в котором ты находил отраду, и простора, который ты находил в этой земной шире, то они в сравнении с тем, к чему ты идешь, не иное что, как обиталище ребенка в тесноте утробы матери и мраке ее в сравнении с этой долиной, по которой проходят ветры и чередуются веяния, или как обиталище утопающего в пучине морской с ее объятиями и удушением его в сравнении с этим воздухом, поднимающимся над водой. Что же касается того, что ты пагубной для себя считаешь продолжительность твоей жизни в заблуждении и краткость ее в вере, то в этом

Ты подобен одному мужу, который дошел до реки и хотел через нее пройти. Была у него тысяча кошельков, а в каждом из них по тысяче динаров. И не случилось у него под рукой ни судна, ни брода. Дошло же до него, что эту реку переходят, только потратив много денег на это. Тогда он начал эти кошельки бросать в воду, чтобы вода пред ним утихла и он мог переправиться, или чтобы они, ложась друг на друга, могли образовать для него мост, по которому он перешел бы реку. Но если бы даже у него было собрано серебро и золото всего мира, он таким образом не достиг бы того, что ему нужно было. А когда у него оставался только один еще кошелек, пришел к нему лодочник с лодкой. И он дал ему из оставшихся у него денег один динар, и лодочник перевез его с самым незначительным усилием. И не пенял на него лодочник за то, что он эти кошельки бросил в воду, и не порицал его за то, а только болел душой за него, что он так много денег погубил без пользы.

Так и ты, о царь: то небольшое добро, которое ты сделал у бога, благодаря его благодати и милости, пойдет тебе в прок, а то многое, в чем ты спотыкался, будет сложено с тебя, благодаря его всепрощению и милости“.

И возрадовался тогда Джанайсар, и облегчена была скорбь, которой он предавался, и он сказал: „Да воздаст тебе господь, сынок мой, добром за меня в большем еще размере, чем ты хотел мне оказать. И передаю я тебе

свою семью и своих подданных и свое тело и завещаю тебе быть добродетельным и богобоязненным". Потом он вздохнул, и вышла душа его из него. И скрыл его Будасф по обычаям подвижников.

Потом он собрал племя свое и детей отца своего и начал призывать их к вере божьей. И ответили они ему согласием. И он упразднил идолов и сделал капища их мечетями, в которых проповедовались заповеди божьи и совершались дела, установленные им. Потом он старался водворить правду среди всего народа с кротостью и милосердием и явными доказательствами. И вернулся весь народ земли Шавилабатта к вере божьей и не ушел он из нее пока не собрал в ней тридцати тысяч подвижников и подвижниц, отрекшихся от мира, кроме тех верующих, которые остались в ней. Потом он своим заместителем в земле Шавилабатт назначил своего дядю Самту, а он превосходил их всех и знанием и благочестием.

285 Сам же он пошел странствовать, посещая города Индии и призывая к вере божьей. И утверждают люди Индии, что четыре ангела сопровождали Будасфа, когда он вышел, дружа с ним и укрепляя его. И был он, как они утверждают, вознесен на небо и своими глазами видел сокровенное и слышал откровение от высшего сонма, и что он потом был возвращен на землю. И был он одним из древних посланников божьих в первые века и странствовал по землям Индии, не входя ни в один город без того, чтобы там не избирать себе последователей, и всюду жители внимали ему и не могли устоять против его знания.

И дошел он до Кашмира, и было это отдаленнейшим местом, где он подвизался, и там наступил ему срок его жизни, и он вышел из мира, оставив завещание одному ученику своему Абабиду по имени, который прислуживал ему и ходил за ним. Был он муж совершенный во всех его делах. И завещал он ему и сказал ему: „Я познал и осенил, и украсил храм, и поместил в нем светочи отшедших, и собрал паству ислама,¹ которая была рассеяна, к ней же я был послан. А теперь приблизились мое вознесение из мира и разлука моего духа с телом. Итак, соблюдайте заповеди, вам данные, и не уклоняйтесь от правды и держитесь ее с благодарностью. И пусть будет Абабид главой“.

¹ Слово „ислам“ в тексте употребляется в смысле истинной веры вообще, а не специально мусульманской религии.

Потом он приказал Абабиду выравнять ему место, потом простер свои ноги и возлег и повернул голову свою к северу, и лицо свое к востоку, затем скончался.

Дядя же его Самта оставался его заместителем в земле Шавилабатт, свято и благочестиво исполняя его завет до самой смерти.

А после него воцарился Шамил, сын Будасфа, и пребывал в вере отца своего. Затем умножились его потомки, и они царствовали, наследуя один другому и держась следов истинного пути и дорожных его знаков.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Абабид (Ананда), ученик Будасфа 182, 183	Индия 182
Анка, птица 116, 117, 118	Кадим, птица 56
Байсам (?), предок Будасфа 133, 134, 150, 151	Касид, царь 109, 110, 111, 112, 113
ал-Бахван (?) отшельник идолопоклонников 163, 164, 165, 166, 171, 172, 174, 175	Кахраридж (?), последователь Будды 174
Билаухар (Варлаам), отшельник 41, 43, 45—47, 49—58, 60, 61, 66—73, 78—85, 88—90, 93—95, 97—99, 101, 102, 105, 106, 121, 156—158, 169	Кашмир, страна и город 182
Будасф (Иоасаф, Бодисатва-Будда), сын Джанайсара 31, 37—40, 42, 43, 45—52, 54—58, 60, 61, 66—72, 78—85, 88—91, 93—99, 101, 106—108, 113, 119—121, 123, 124, 126, 130, 131, 140, 144, 145, 148, 154—159, 161—163, 166—172, 175—177, 179—183	Контос (?), последователь Будды 174
ал-Будд (Будда) 116, 117, 118, 133, 134, 137, 139, 141, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 163, 174	Магриб (сев. Африка), страна 111, 112
Джанайсар (Авенир), царь 23, 31, 37, 38, 100, 102—104, 108, 118, 123, 124, 130, 131, 144, 154, 155, 157, 162, 164—167, 170, 171, 180, 181	Несифа, народ 109, 110, 112, 113, 116, 118
	Ракис, чародей 100, 101, 102, 103, 105, 106, 156, 157, 158, 159, 161, 162
	Самта, дядя Будасфа 182, 183
	Серендиб (Цейлон), остров 41, 42, 140
	Талзин (?), предок Джанайсара 135, 136, 137, 152
	Татир, звездочет 161, 168, 170
	Фатир, звездочет 137, 161, 168, 170
	Филантин (?), предок Джанайсара 136, 137, 138, 152
	Шабакна (?), предок Джанайсара 134, 135, 150, 151, 152
	Шавилабатт (?) страна 31, 36, 42, 127, 178, 179, 182, 183
	Шамиль, сын Будасфа 183

СПИСОК ПРИТЧ

	Стр.
Царь Джанайсар (23), преследование отшельников (24), сон жены царя (24)	23
Вельможа-отшельник (24), спор царя с ним (25), речь отшельника (26), изгнание его (31)	24
Рождение Будасфа (31), предсказание звездочетов (31), поселение его в отдельном городе (31), преследование отшельников (32)	31
Праведный везир (32), встреча его с „чинящим речь“ (32), козни против везира (32), разговор царя с ним (32), совет „чинящего речь“ (34), примирение царя с везиром (35)	32
Поимка царем двух отшельников (35), сожжение их (35)	35
Воспитание Будасфа (36), беседа его с воспитателем (37), Будасф и отец (37), выезд Будасфа за город (38), встреча с двумя большими нищими (38), встреча со стариком (39), беседа Будасфа с воспитателем (39), печаль Будасфа, слава о нем (40)	36
Совещание царя со жрецами и совет их (40), Будасф ранит себя ножом (41)	40
Появление Билаухара (41), разговор его с воспитателем Будасфа (42), доклад о нем Будасфу (43)	41
Первая беседа Билаухара и Будасфа	43
Притча о барабане смерти	44
Притча о четырех сундуках	45
Притча о сеятеле	46
Притча о враче и земледельце	47
Притча о человеке, искавшем спасенья в колоде	48
Притча о трех друзьях	49
Притча о царе на год	185

	Стр.
Речь Билаухара об отречении и будущей жизни	50
Притча о собаках, падали и прохожем	52
Разговор о пище отшельников	52
Притча о царе, съевшем с голоду своего ребенка	53
Речь Билаухара о призыве к истине	54
Притча о садоводе	56
Притча о птице Кадим, прообразе пророков	56
Притча об условном языке людей для животных	57
Речь Билаухара о божественной мудрости	57
Притча о двух солнцах	58
Вторая беседа Будасфа и Билаухара	60
Притча о пастухе и источниках	60
Притча о царе, праведном везире и двух нищих	61
Притча об утопающем и его брате	65
Будасф хочет покинуть страну с Билаухаром	66
Притча о богатом юноше, женившемся на нищей	66
Третья беседа Будасфа и Билаухара	68
Возраст Билаухара	68
Притча о птичке и садовнике	69
Разговор Будасфа и Билаухара (70), речь Билаухара (72), вопросы Будасфа и ответы Билаухара (73)	70
Притча о саде в пустыне	86
Беседа Будасфа и Билаухара в присутствии надзирателя	89
Притча о воинах в покоренной стране	89
Беседа Будасфа с его надзирателем	90
Приговорная болезнь надзирателя	91
Прощальная беседа Билаухара с Будасфом	91
Притча о домашней газели	91
Разговор Будасфа с Билаухаром о празднике отшельников (93), отказ Билаухара от подарков (95), его рассказ об одеянии отшельников (96), отказ от его одежды (97)	93
Притча о переодевании в одежду врагов	97
Обмен одеяниями между Билаухаром и Будасфом	98
Уход Билаухара	99
Подвижничество Будасфа	99
Приговорная болезнь надзирателя Будасфа	99
Мнимый сон надзирателя	100
Совещание царя с Ракисом (100), допрос надзирателя (101), совещание с Ракисом (101), погоня за Билаухаром (102)	100
Поимка отшельников с Нагруженным и допрос их Ракисом (102), разговор царя с отшельниками и Нагруженным (103)	102

	Стр.
Притча о приучении хищных зверей для охоты	104
Казнь отшельников и Нагруженного	104
Ракис принимает вид Билаухара (105), разговор его с царем и заключение в темницу (106), Будасф узнает про хитрость Ракиса (106)	105
Спор Будасфа с отцом	107
Притча о царе Касиде несифском	109
Притча о неверном после	114
Притча о злокозненном враге	115
Притча о птенцах Анки, объевших труп ал-Будда	116
Будасф едет к месту казни Нагруженного, разговор слуги и воспитателя Будасфа	119
Беседа Будасфа с Нагруженным	121
Рассказ-притча Будасфа о его обращении	121
Рассказ Нагруженного о предсказаниях про Будасфа	127
Притча об угощении отшельников	128
Смерть Нагруженного и двух отшельников	130
Джанайсар увещевает Будасфа (131), рассказ Джанайсара о своих предках (132), царь Байсам и ал-Будд (133), царь Шабахна и мальчик, отнятый у отца за долги (134), царь Талзин и мать убитого юноши (135), царь Филантия и два человека — бедный и опозоренный (137)	131
Ответ Будасфа	140
Притча о чудодейственных драгоценных камнях	141
Спор Будасфа с отцом	144
Рассказ про ал-Будда и двух братьев	145
Притча ал-Будда о двух царских сновьях, воспитанных обезьянами	146
Притча про врача сумасшедших	149
Притча про царя и золотых дел мастеров	153
Джанайсар решает устроить спор о вере (155), спор (156), беседа Будасфа с Ракисом (157)	155
Притча о птицах, приносящих счастье	159
Обращение Ракиса	161
Рассказ Ракиса о предсказании звездочетов про Будасфа	161
Уход Ракиса в странствование	162
Охлаждение царя к идолам (162), праздник идолопоклонников (163), обращение их за помощью к ал-Бахвану (165)	162
Беседа ал-Бахвана с царем	164
Притча о войне и страстной жене	164
Совещание о Будасфе	166
	187

	Стр.
Притча о женщинах-„дьяволах“	166
Искушение Будасфа женщинами (167), Будасф и дочь царя (168) .	
Видение Будасфа (169), разговор с отцом (170), обращение Джанайсара (170)	169
Спор Будасфа с ал-Бахваном	171
Притча о двух павлинах и вороне	172
Рассказ ал-Бахвана о предсказании про Будасфа (174), обращение ал-Бахвана (175)	174
Рождение сына Будасфа (175), скорбь Джанайсара о близости смерти (175), явление ангела Будасфу (175)	175
Странствование Будасфа (176), разговор его с юношей (176), разговор с везиром (176), разговор с лошадкой (177), возвращение везира к родителям Будасфа (177)	176
Дерево у реки с птицами и животными (177), видение четырех ангелов (178)	177
Возвращение Будасфа (178), его проповедь (178), обращение народа (179), скорбь Джанайсара перед смертью и утешение Будасфа (179)	178
Притча о переправляющемся через реку	181
Смерть Джанайсара (182), обращение народа, назначение Будасфом своего заместителя (182)	182
Странствование Будасфа	182
Смерть Будасфа и завещание своему ученику	183
Царствование сына Будасфа	183

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Обложка, титул, шмуцтитулы, заставки и концовки художника Е. Я. Хиера

Редактор издательства А. А. Воробьева

Корректор О. Г. Крючевская

РИСО АН СССР № 2797. М—05271. Подписано к печати 4/IX 1947 г.
 Формат бумаги 60×92. Печати. л. 11 ³/₄, Уч.-изд. л. 15 ¹/₂. Тираж 3000.
 Заказ № 489.

1-я типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.